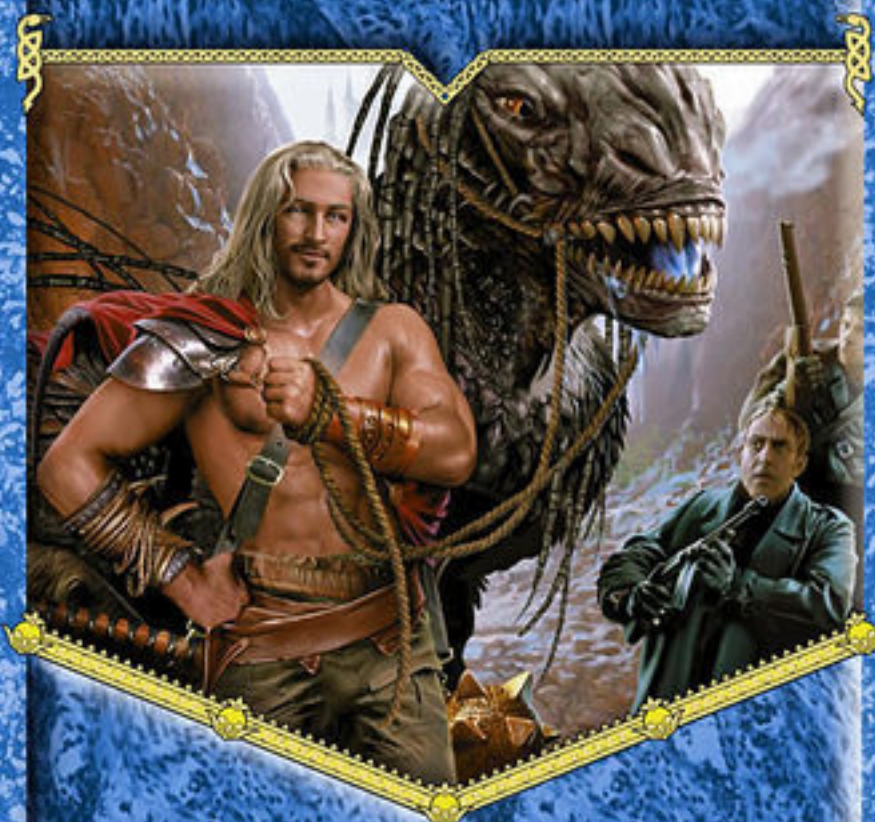

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ПАНКЕЕВА

ОБРАТНАЯ
СТОРОНА ПУТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Хроники странного королевства

Оксана Панкеева

Обратная сторона пути

«Автор»

2011

Панкеева О. П.

Обратная сторона пути / О. П. Панкеева — «Автор»,
2011 — (Хроники странного королевства)

ISBN 978-5-9922-0836-8

Все имеет обратную сторону. Любовь и страдания, преступление и наказание, поступок и ответственность, подвиг и его цена – как две стороны монеты. Каждый путь тоже имеет свою обратную сторону, и познание ее зачастую бывает горьким, печальным и порой болезненным. Но все же это не причина с него сворачивать. Ведь жизнь не кончена, а значит, и путь продолжается.

ISBN 978-5-9922-0836-8

© Панкеева О. П., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Оксана Панкеева

Обратная сторона пути

Глава 1

– Ааз, – спотыкаясь, двинулся я к нему. – Мы в беде.
Его кулак с треском обрушился на стол и расколол его в щепки.
– Так я и знал!

Р. Л. Асприн

Всю свою предыдущую жизнь его величество Шеллар III находил, что рассветы над Даэн-Риссом необычайно красивы, особенно если наблюдать их с какого-нибудь из верхних башенных этажей. Тогда городские строения не заслоняют горизонт и можно без помех наблюдать восход во всей красе – с момента, когда край неба только-только окрашивается первыми розовыми мазками, и до самого конца, когда золотистый шар дневного светила уверенно возносится над миром, начиная новый день. Рассветов он за свою жизнь повидал предостаточно, так как частенько просыпался намного раньше и к моменту пробуждения солнца успевал переделывать кучу дел.

В последний день Зеленой луны Шеллару меньше всего хотелось любоваться рассветом, и вовсе не потому, что из спальни на втором этаже Элмарова особняка можно было наблюдать только окружающие дома. Мало кому покажется приятным, промучившись всю ночь и с трудом уснув в четыре утра, в шесть пробудиться от грохота в дверь и панических воплей: «Господин советник, проснуться быстро-быстро! Вас срочно нуждаются во дворец! Случилась беда и страшный ужас!»

Шеллар с трудом оторвал от подушки гудящую словно с похмелья голову и с не меньшим трудом вспомнил, что «беда и страшный ужас» были лично им самим запланированы, разработаны и претворены в жизнь и теперь ему следует только съездить в тот самый дворец, где его так «нуждают», и проверить результаты.

– Сию минуту! – отозвался он, пока исполнительные ученики мастера Ступеней не вынесли дверь от избытка энтузиазма.

Грохот стих, но особого облегчения это не принесло.

Осторожно выбравшись из постели, советник обнаружил, что последствия его вчерашних подвигов (или преступлений, это с какой стороны смотреть) все еще ощущаются, хотя и не так, как с вечера. «Хоть бы телепортиста прислали, коль уж так срочно...» – понадеялся он, вспоминая, чего ему стоила поездка в карете, и понимая, что чувствовать-то он может себя как угодно, но выглядеть должен как ни в чем не бывало.

Быстро умывшись и одевшись, Шеллар заглянул напоследок в зеркало и отметил, что с виду вроде бы ничего не заметно. Обладая он от природы здоровым цветом лица, может, его выдавала бы излишняя бледность, но, на его счастье, бледным он был всегда, а заметить легкую прозелень сумел бы только особо зоркий наблюдатель, способный различать тончайшие оттенки цвета.

Немного поколебавшись, он прихватил и трость, без которой уже вполне мог обходиться. На всякий случай. Хотя при ходьбе она и не требуется, но если вдруг закружится голова, было бы неплохо на что-то опереться...

В гостиной действительно ожидал телепортист, и всего через полминуты Шеллар имел честь наблюдать, как разгневанный наместник Харган мечется по кабинету, нервно тиская в

руках какие-то бумаги. Как бы в насмешку над коварным отравителем, жертва его выглядела абсолютно здоровой и в придачу отлично выпавшейся.

– Что случилось? – Сочувствие и беспокойство в голосе советника были подобающе дозированы: вроде бы и не скажешь, что верный служащий остался совсем уж равнодушным к чужим проблемам, но в то же время искать какие-либо внешние проявления переживаний бесполезно. – Мне сказали, что я вам срочно нужен. Что-то действительно произошло, или вы просто желаете выслушать продолжение доклада?

Наместник помянул лишайных граков, крокодилю мать и почему-то полярную лису, после чего швырнул на стол перед недоумевающим служащим несколько измятых листов.

Шеллар внимательно прочел Ольгино пространное послание, отметив про себя неплохой слог и несколько весьма удачных высказываний, и только после этого позволил себе «догадаться»:

– Ольга от вас тоже сбежала?

Гораздо больше его интересовала судьба излучателя, но о нем речь еще не зашла, следовательно, пока можно поинтересоваться успехами Ольги. А также изучить реакцию наместника на ее исчезновение.

– Ольга?! – взвыл обманутый в лучших чувствах демон. – Да Ольга – это мелочи! Тут настоящая катастрофа! Заговор! Измена!

– Прошу вас, господин наместник, не кричите. – Шеллар красноречиво оглянулся на дверь. На самом деле от воплей начальства у него усилилась ломота в висках, оставшаяся после вчерашнего, но не признаваться же в подобном. – Что конкретно произошло?

– Ваши драконы разнесли излучатель на дворцовой башне, прихватили с собой Ольгу и улетели!

– Он был на башне? – Советник чуть приподнял бровь. – Смелое решение. С одной стороны, удачно – прибор не виден снизу и добраться до него оттуда нет возможности. С другой – полностью беззащитен перед атаками с воздуха. Полагаю, спрашивать, что делали вампиры, будет глупо. Вряд ли они могли что-либо сделать с бронированным драконом. Я вижу, даже вам не удалось воспрепятствовать...

– Да если бы я там был! – огорченно воскликнул Харган и опять ввернул что-то о матерях. – Меня чем-то опоили, и я всю ночь проспал как убитый! Даже не слышал ничего!

– Надо же, как ловко они... – покачал головой Шеллар. Очень осторожно, так как от запаха в кабинете его опять замутило. Хорошо хоть позавтракать не успел. А если б еще закурить додумался... – Как они ухитрились войти в контакт с драконами, предупредить Ольгу, да еще и добраться до вашей личной посуды? Впрочем, до посуды, скорее всего, добиралась сама Ольга.

– Это почему ты так решил?

– Потому что вы проснулись. Сами подумайте – если бы у наших противников появилась возможность подсыпать вам чего-либо в еду или питье, неужели они использовали бы ее столь бездарно? Рисковать головой, чтобы всего лишь усыпить вас на одну ночь, когда проще и вернее было бы отправить вас вслед за мастером Ступеней, – это, извините, глупо. А вот Ольга сюда как раз вписывается. Она слишком сдружилась с вами, чтобы после всех ваших доверительных бесед столь подло убить.

– Хороша дружба... – процедил сквозь зубы наместник, бросив ненавидящий взгляд на валявшееся на столе письмо. – А все ты со своими «экспериментами»!

– Учитывая конечный результат, – невозмутимо изрек Шеллар, – я бы назвал сей эксперимент вполне удачным. Отбросьте на минуту лишние эмоции и рассудите здраво. Имея прекрасные возможности безнаказанно вас умертвить – хоть при помощи яда, хоть банально перерезать глотку спящему, – Ольга все же оставляет вам жизнь и, более того, прощальное письмо с извинениями. Заметьте, ни слова ругани или злорадства, лишь сожаления и сетования на

обстоятельства. Она действительно к вам привязалась, а сбежала лишь потому, что не хуже нас с вами понимает – ваши идиллические отношения не продлились бы долго. Даже мы с вами не можем достоверно предугадать, чем закончилось бы для Ольги знакомство с Повелителем, но чем это грозит ее ребенку, сообразила и она, несмотря на свою наивность. И вы ведь не станете отрицать, что при всем вашем добром отношении к Ольге, которое она несомненно ценит, вы не сможете защитить ее от Повелителя, что бы он ни пожелал с ней сделать.

– Она не смела так говорить об учителе! – уже не так уверенно, но все еще обиженно вставил Харган.

– Это верно. Странно только, почему у нее сложилось о нем столь превратное мнение. Ведь, если я не ошибаюсь, все, что Ольга знает о Повелителе, она услышала от вас.

– Но я ничего подобного не говорил!

– Разумеется. Однако помните ли вы, как я вам советовал аккуратнее подбирать информацию? Как предупреждал, что одним и те же фактам Ольга может дать оценку, абсолютно противоположную вашей? Так и получилось. Если вам ваши отношения с наставником кажутся образцом доверия и преданности, то Ольга, будучи совершенно иначе воспитанной, усмотрела в этом примитивное рабство. Вы бы хоть про хвост умолчали, дабы не создавать себе образа жертвы.

– То есть... – Харган неуверенно покосился на злосчастный листок. – Ты хочешь сказать, что она не поняла ничего из моих рассказов?

– Отчего же, – пожал плечами советник. – Очень даже поняла. Только немного по-другому. Разве для вас является новостью, что разные люди могут понимать одно и то же по-разному, причем совершенно искренне? Что со стороны многое видится совсем не так, как изнутри? Что любые человеческие отношения совсем иначе выглядят для постороннего наблюдателя, чем для эмоционально вовлеченного участника? Почему вас удивляет Ольгина реакция на ваши откровения? Лишь потому, что вы преданно любите Повелителя и не способны себе вообразить, как может кто-то судить о нем без надлежащего трепета? Должен заметить, подобная ограниченность – большой недостаток для правителя. Вам давно следовало бы научиться понимать способы мышления других людей и моделировать их поведение. Тогда для вас не будет неожиданной естественная реакция известного вам человека на известные вам обстоятельства.

– Погоди... – Наместник растерялся еще сильнее. – Так ты знал?... Знал, что этим кончится?

– Если вы помните, – невозмутимо продолжил свою нотацию Шеллар, – я не общался с Ольгой и никоим образом не мог проведать о содержании ваших бесед. Однако, зная вас и прекрасно зная Ольгу, я предполагал и такой вариант, о чем вас в свое время предупреждал. Разумеется, это касается ее письма, а не побега. Для предположения, что во дворце заведется изменник, у меня не хватало информации. Уже выяснили, кто именно передал ей снотворное и сведения о времени побега? А также кто выдал расположение излучателя?

– Я еще не знаю... – огорченно помотал головой Харган. – Просто не знаю, что и думать. Никто же не знал... неужели вампиры где-то по пьяному делу растрепали?

– Возможно. А еще есть вероятность, что прибор и группу вампиров на башне заметила Ольга во время вашего с ней... гм... катания. Если ей что-то передавали, возможно, и обратная связь существовала. Кстати, на месте связного я бы после такого мероприятия поспешил исчезнуть. Гоблину же понятно, что под подозрение попадет очень ограниченное число людей и уж их-то будут прессовать до победного конца. У нас там никто не исчез?

Погруженный в горестные переживания наместник только гребнями покачал. То ли ему не успели доложить, то ли и в самом деле еще никто не заметил отсутствия Красавчика Тотти. По большому счету на роль «беглого изменника» годился любой солдат, но любимый адъютант командира Хашепа просто-таки напросился на сию великую честь. Уверенный в собственной

неотразимости юнец трижды был замечен за попытками забраться в Ольгино окно по приставной лестнице и трижды же вместе с лестницей оттуда летел с большим шумом (отчего, собственно, и был замечен). Как не воспользоваться случаем, если человек сам подставляется? В настоящий момент горе-ловелас благоухал своим одеколоном в королевской фамильной усыпальнице с кинжалом в спине, а его светлый образ работал на благо короны – честно отводил подозрения от ни в чем не повинных слуг и охранников, а также от советника Шеллара, повинного во всем, начиная с усыпления любимого начальства и заканчивая тем самым кинжалом, который, понятное дело, не сам собой в спине оказался.

– Пусть проверят, – посоветовал Шеллар. – Вы ведь сами говорили, что ваши солдаты к Ольге с цветами бегали, руку и сердце предлагали. Если хоть один одурел от любви настолько, чтобы забыть все на свете, и предложил вместо никому не нужных цветов помощь в побеге... Хм... Знаете, при таком раскладе, пожалуй, и к лучшему, что мы от нее избавились.

– Я предпочел бы избавиться от нее другим путем! – проворчал Харган.

– Да полно! – рассмеялся советник. – Что она вам плохого сделала? Напротив, написала, что вы хороший и очень ей нравитесь. А что ей Повелитель не понравился – так, честно говоря, вы единственный, кто любит его без всяких ментальных воздействий. Все остальные никакой любви к Повелителю не питают – либо боятся, либо хотят что-то за свою службу получить. Только мы, посвященные, думаем иначе, но вы ведь сами знаете, каково происхождение нашей преданности. Вам могут быть неприятны Ольгины рассуждения – смею заверить, мне они равно неприятны, – но все же посторонний человек, отягощенный излишним гуманизмом, не может воспринимать Повелителя иначе. А уж если человек не совсем посторонний, а прямой кандидат в жертвы – тут и вовсе удивляться нечему. Попробуйте поставить себя на Ольгино место и посмотреть на проблему ее глазами, вы сами поймете. Кстати, подобная практика полезна и для общего развития. Но этим вы займетесь в свободное время, сейчас же перед нами более важная задача. Изменников пусть ищет мастер Чань, это его работа, а нам с вами следует подумать, как обезопасить оставшиеся излучатели. Надеюсь, их вы не догадались выставить на башни?

– Да нет, сам же знаешь... – недовольно сморщил нос наместник. – В храме он спрятан глубоко в подвалах, в Оплоте Вечности – тоже...

И в этот момент, когда Шеллар уже замер от предвкушения, готовясь выслушать долгожданные секретные сведения, удача самым несвоевременным образом от него отвернулась.

Вопреки обычному своему хладнокровию в этот раз он едва удержался, чтобы не пристукнуть на месте и некстати явившегося мастера Чаня, и злосчастного секретаря, которому так срочно приспичило об этом доложить.

– Что еще случилось? – устало поинтересовался Харган, миготом отвлечшись от обсуждения излучателей. Даже он уже научился разбираться: если на обычно каменном лице главы департамента можно невооруженным глазом различить волнение, значит, случилось нечто действительно из ряда вон выходящее.

– Мы получили известия из Лондры. – В голосе хина тоже явственно слышалось волнение. – Если только это не намеренная дезинформация и не происки вражеской пропаганды... то наши дела действительно плохи. Во-первых, сведения о том, что придворные маги, которых мы считали пропавшими, выбрались за пределы действия излучателя и восстановились, подтвердились. Во-вторых, вернулся Вельмир. Есть свидетели, видевшие его лично. В-третьих, эти негодяи каким-то образом пробрались в святая святых Повелителя и что-то с ним сделали.

– Что?! – взревел любимый ученик и вскочил с места, едва не вспоров крыльями одежду.

– Что именно сделали? – уточнил педантичный советник.

– Дословно этого никто не расписывал, – немного нервно отозвался глава департамента. – Из того, что удалось подслушать нашему агенту, можно заключить, что убить Повелителя они

не смогли, но привели в недееспособное состояние и похитили. Но это их не удовлетворило, и сейчас некая специальная группа ищет способ... довести дело до конца.

– Они привезли его сюда? – продолжал допытываться Шеллар, поскольку несчастный наместник, похоже, от шока потерял дар речи. Да и бедного брата Чаня можно понять – вот так верит-верит человек в божественность Повелителя, и вдруг какие-то обычные маги эдак запросто могущественное божество обезвреживают и похищают. Есть от чего взволноваться.

– Нет. Где-то там спрятали.

– Мне нужно туда! – нашел наконец слова потрясенный Харган. – Срочно! Вы слышите?! Я должен вернуться и спасти учителя, мне наплевать как! Что вы молчите?! Придумайте что-нибудь!

Советник и глава департамента понимающе переглянулись и с одинаковой заинтересованностью покосились на дверь. Присутствовать при истерике любимого начальства оба полагали делом рискованным и неразумным, однако повода откланяться пока не представилось.

– С вашего позволения, мы немедленно займемся проблемой портала, – пообещал Шеллар. – Нам потребуется ваше письменное распоряжение привлекать для консультаций всех доступных магов и, разумеется, ваше личное участие...

– Вы что, идиоты?! – взвился разгневанный демон, и рубашка на нем все-таки треснула под напором рвущихся на волю крыльев. – Какие маги, какие консультации, что за бредятина, вы сами не понимаете, что портал можно открыть только с той стороны, с которой он был запечатан?!

Подданные еще раз переглянулись.

– Простите наше невежество... – осторожно начал Шеллар.

– Мы, к сожалению, не сведущи в магии, – подхватил брат Чань.

– Не могли бы вы доступно объяснить нам, что вы намереваетесь делать и какая именно помощь требуется от нас?

– Контролировать ситуацию, пока я не вернусь, – зло отчеканил демон. – Я отправляюсь через ближайший портал и буду перемещаться по мирам, пока не найду родной.

– Рискованно, – заметил советник. – Вы уверены, что...

– А ты видишь другой выход?! – Харган опять сорвался на крик, и глаза его засияли еще ярче. – Я знаю, что я здесь нужен, что без меня тут через три дня будет полный бардак, что, если со мной чего случится, у Повелителя появятся лишние проблемы... Ты же видел – пока мы могли надеяться, что учитель сам разблокирует портал, я никуда не дергался! Но теперь другого выхода просто нет! Без Повелителя само наше существование теряет смысл! Если мы его не вернем, нам можно всем орденом смело идти топиться! Ты понимаешь, что в такой ситуации моя безопасность уже не важна?!

– Да, – тихо произнес советник, подтвердив свои слова едва заметным кивком. – Я понимаю. Но прежде чем вы нас покинете, не забудьте оставить подробные распоряжения и завершить несколько дел, по которым до сих пор не приняты решения. День-два в нашем случае вряд ли что-то изменят.

– Ни хрена ты не понимаешь! – в отчаянии выдохнул наместник и все же опустил крылья. – Ты не был в чертогах Повелителя, ты не видел его окружение, ты не можешь себе представить, что сотворит эта кодла, оставшись без присмотра! Один Нимшаст ненормальный чего стоит!..

– Зато я прекрасно знаю бесценного нашего брата Хольса, а также его братьев по разуму Вольдемара и Аркадиуса, – не отступал Шеллар. – И могу вам посуточно расписать, что сотворят они. Но самое главное – и, полагаю, брат Чань меня в этом поддержит, – прежде чем бросаться очертя голову в неизвестность, следует хотя бы проверить полученные сведения. Элвиса я тоже знаю как облупленного, с него станется устроить подобную провокацию, чтобы избавиться от вас хоть на время. Да и портал нужно подобрать не ближайший, то бишь первый

попавшийся, а самый активный. Что тоже потребует некоторого времени. Что скажете, брат Чань?

– Ваши соображения как всегда разумны, брат Шеллар. – Глава департамента почтительно склонил голову, до боли напомнив советнику верного Флавиуса. – Только одно уточнение. За день-два я не успею проверить информацию.

Вот те раз... Поддержал, называется. Зачем он это ляпнул? Из желания быть честным несмотря ни на что? Или, напротив, у скрытного брата Чаня имеются свои интересы, которым вполне соответствует длительное отсутствие правителя? Неужели он все-таки спутался с верховными жрецами, достойными продолжателями дела Джарефа?

– Я сам проверю! – решительно перебил Харган.

– Это в высшей степени похвальное стремление, – вздохнул Шеллар, сознавая безнадежность своих попыток, однако не в силах оставить спор, пока в запасе имеются хоть какие-то аргументы. – Но как вы намереваетесь вернуться обратно?

– Не прикидывайся глупее, чем ты есть! – раздраженно трепыхнул крыльями наместник. – Если я доберусь из одного мира в другой, это будет означать открытие нового портала.

– Тогда действительно стоит рискнуть. Ставки более чем высоки. Но все же, пока вы еще здесь, давайте разберемся с излучателями. И нелишне было бы оставить четкие указания нашим любезным братьям во избежание всяческой самостоятельности, к коей они питают нездоровое пристрастие.

– Если мне будет позволено высказаться... – подал голос глава департамента и, получив в ответ поощрительный кивок, продолжил: – Несмотря на то что мы потеряли один из приборов, нам следует изыскать способ переместить еще один из оставшихся далее к северу. Так чтобы накрыть Поморье и Лондру.

– Ведь сто раз уже обсуждали... – взвыл Харган, но непоколебимый хин продолжил, словно не замечая этого:

– Посылать туда войска и устанавливать надлежащий порядок не обязательно, раз у нас нет на то возможностей. Но предложенный вариант решит проблему с враждебными магами. Мы не можем допустить, чтобы они и дальше продолжали свою подрывную деятельность.

– Тоже рискованно... – с задумчивым видом прокомментировал Шеллар, ибо другие возражения могли показаться подозрительными. – Если уж перевозить, то, во-первых, надо выбрать из имеющихся излучателей тот, который хуже всех защищен, во-вторых, подобрать надежное укрытие и, в-третьих, осуществить это все в обстановке строжайшей секретности. Иначе мы окажем нашим врагам неоценимую услугу. Как вы полагаете, господин наместник? Какой из оставшихся приборов стоит переместить? Мы с вами, кажется, успели обсудить только два. Насколько надежно защищены точки в Эгине и Мистралии?

– Мэтр, вставайте! Вставайте скорей, ну же!

Почтенный магистр, который целый день лазил с коллегами по неподатливой пирамиде, а потом допоздна сидел над книгами, с трудом оторвал голову от подушки и простонал:

– Диего, ты в своем уме, а? Три часа ночи!

– Я знаю, который час! – раздраженно отозвался непочтительный мистралиец. – Но тут такое делается... такое, что даже Шеллар вприпрыжку скачет, не зная, за что хвататься!

Сонный волшебник вдруг резво подпрыгнул в постели и воззрился на Кантора с таким ужасом, что тот поспешил внести ясность, пока мэтр, не приведи небо, не состарился от горя. Это было бы в высшей степени неуместно, так как из комнаты Мафея уже высунулись два любопытных носа. И что эти два затейника там делают в такое время?

– Нет-нет, с самим Шелларом все в порядке, но кто-то настучал Харгану про вас! Он все знает и собирается разыскать Повелителя, чтобы освободить!

– Тьфу на тебя! – Мэтр в сердцах откинул одеяло и спустил ноги с кровати, нашаривая тапочки. – Неужели эта страшная новость не могла подождать еще часа три? Ведь не отправился же он еще, и, насколько я знаю Шеллара, уж на день-два он этого спасателя задержит. Какой смысл поднимать всех среди ночи?

Кантор отступил в сторону, пропуская в комнату подбежавших зрителей. Действительно по-дурацки получилось, но Шеллар в панике – это столь мощное зрелище, что кого угодно с толку собьет.

– Мало ли что! – проворчал он, не желая признавать собственной бестолковости. – А вдруг у него не получится, или вам этого времени не хватит, или еще чего... Вон про шпиона Шеллар еще когда предупреждал, а все равно прощелкали.

– Шпион в Лондре, – сварливо отозвался мэтр из-под надеваемой мантии. – А мы здесь.

– И думаете, что вы здесь в безопасности, – не унимался Кантор. – А между тем Небесные Всадники уже собираются передвинуть один из своих приборов севернее – и вас накрыть, чтобы вы им больше жизнь не портили.

– Но это ведь тоже не сию минуту, верно? – не поддался упрямый волшебник. – Кстати, о себе лично Шеллар ничего не говорил? Я имею в виду, не пора ли его срочно эвакуировать? Если этот шпион, которого Элвис почему-то так и не выявил, подслушивал наши разговоры, он вполне мог услышать и о роли Шеллара в последних событиях.

– О себе лично Шеллар сказал, что торопиться не будет и сначала проверит, есть ли у него основания для беспокойства. Если его сразу не схватили, значит, либо все в порядке, либо притворяются, чтобы за ним понаблюдать... Да, и еще, это же важно! Он узнал наконец, где поставлены еще два излучателя!

Мэтр с мрачным видом провел расческой по волосам и изрек:

– Это если ему сказали правду.

– Вот он и предлагает вам аккуратно проверить, правду ли ему сказали. Вернее, не вам лично, но в общем, если там вместо излучателя сидит засада, вопрос об эвакуации становится насущным; если же ему сказали правду – можно спокойно работать дальше. Там он еще Элвису кое-что передал, но я это вслух повторять не буду. Такие слова пусть Шеллар своему кузену лично высказывает. Кроме всего прочего, у него там нарисовался план, как еще один прибор уничтожить, тот, который собрались перемещать. Только надо расспросить Агнессу насчет Майольских погребов и поискать контакты с галлантскими гномами. Про «Семерку» последнее время никто ничего не слышал?

– Диего, ты же прекрасно знаешь, как живут эти ребята и где они живут, – грустно вздохнул волшебник. – Если на момент катастрофы они были дома, то они там и сидят, не имея возможности выбраться. И поскольку мы до сих пор ничего о них не слышали, скорей всего так оно и есть. Поэтому контакты пусть Шеллар ищет у своих друзей из клана Сигмар. Отцу ты все это уже рассказал?

– Да, он знает. Сказал, сейчас оденется, прихватит Казака и прибудет сюда.

– Разумно. Устраивать совещания в Лондре будет небезопасно, пока Элвис не разберется с этим загадочным шпионом.

– А почему до сих пор не разобрался?

– Потому что новые люди при дворе не появлялись. А раз этот гад все равно начал работать, значит, он сидит где-то в городе и либо подкупает, либо шантажирует кого-то из слуг. Сейчас Элвис даст побудительного пинка сестре, и та примется копать в нужном направлении. А пока лучше перенести наши встречи сюда, в Поморье. Пафнутий, по крайней мере, у себя шпионов повычистил.

– Я вам нужен буду? – уточнил Кантор, оглядываясь на притихших Мафея и Жака, которые так и торчали в дверях.

– Да. Доложишь подробно и обстоятельно. Поэтому иди и тоже оденься. А вы чего стоите тут и подслушиваете? Особенно кое-кто, кого на совещание не позовут.

– Ну и не больно-то хотелось, – скорчил рожицу Жак. – А ты после этого совещания к нам заглянешь? Я хотел посоветоваться насчет одной мелочи...

– Как только освобожусь, загляну, – пообещал мэтр. – Мафей, ступай разбуди дядю. Диего, не стой столбом. На тебя даже смотреть холодно.

Кантор вспомнил наконец, что стоит босиком на голом полу, да еще и в одних трусах. А первое утро Сиреновой луны в Поморье – это вовсе не то же самое в Мистралии. Выругав вполголоса деятельного Шеллара, истеричного демона и главу орденской разведки со всеми его шпионами, сновидец торопливо пошлепал в свою комнату.

На этот раз короли и маги собрались на удивление быстро. Даже Агнесса каким-то чудом успела принарядиться и навести красоту – наверное, всех наличных камеристок подняла. Кантор представил себе, как толпа сонных полуодетых камеристок скачет вокруг такой же растрепанной королевы – одна чешет, другая пудрит, третья глаз подводит, четвертая корсет шнурует, – и чуть было не захихикал, но в этот момент вошел Александр, и смех умер, не родившись, задохнулся в пережатых связках.

Кантор не видел короля Эгины с самой свадьбы Орландо и до сих пор помнил таким, как прежде, – красивым, сильным, здоровым. Сейчас, когда Александр впервые вышел на люди после ранения, его можно было узнать только по глазам и по голосу. Вампирский клинок, скользя по черепу, отсек левое ухо вместе с лоскутом скальпа и частью щеки, и в сочетании с коротко, почти под корень, стриженными волосами смотрелось это страшновато. Впрочем, хотя новое ухо у его величества не вырастет, эта рана только на вид казалась страшной. Да и то со временем волосы прикроют рубцы и отсутствующее ухо, и ничего особенного. Действительно страшное было сейчас скрыто под одеждой – разрубленное плечо и простреленное легкое. Прощайте навсегда кулачные бои, прощайте чемпионаты по фехтованию, если еще и с колесницами придется попрощаться – это будет уже полный конец всех жизненных радостей и вечные сожаления «почему я не умер сразу».

Пока что Александр ни о чем не сожалел и сдаваться не собирался – темные глаза на осунувшемся лице смотрели по-прежнему дерзко и уверенно, а голос, несмотря на одышку, звучал твердо.

– Извините, я опоздал, – произнес он, делая вид, будто не замечает, как присутствующие из-за всех сил стараются не смотреть на его лицо. – Можно начинать.

Кантор заставил себя перевести взгляд на кого-нибудь нейтрального – например, Мафея, – и коротко изложил сегодняшнюю королевскую истерику.

– Спасибо, – кивнул мэтр Вельмир, когда сновидец закончил и сел. – Ящичек с коллегой Скарроном мы, конечно, перепрячем, чтобы не подвергать опасности владельца подвала – вряд ли разгневанный демон станет разбираться, кто виноват, а кто нет, – но, увы, такого места, где его можно было бы спрятать хоть с какой-то долей надежности, не существует. Ученик найдет наставника по ауре. Сидеть над контейнером и лично его охранять я тоже не возьмусь – никто не гарантирует, что со мной пожелают сразиться в честном поединке, а не нагрянут телепортом с работающим излучателем под мышкой, в компании чокнутого лича и пары дюжин солдат. Поэтому времени у нас осталось... хм... трудно сказать, сколько именно. Зависит от того, как быстро демон найдет пропавшего наставника и как быстро тот сумеет разобраться в заклинании и сломать его. Касательно всего остального попрошу высказываться.

– Майольские винные погреба? – Королева Агнесса чуть приподняла тонкие накрашенные брови. – Дерзкая идея. Но вполне реальная. Если только гномы согласятся.

– Да легко! – беззаботно улыбнулся мэтр Ален. – Смотритель – мой старый приятель и собутыльник. К тому же он наполовину гном и поддерживает связь с родным кланом. Я даже

подозреваю, что тоннель в погреба существует уже давно и гномы им регулярно пользуются, только тщательно это скрывают.

– Проверить казематы Кастель Рокко Примо могу я, если меня кто-нибудь обеспечит невидимостью, – сообщил Казак. – Я там бывал.

– Так она ж с тебя слетит, болван! – раздраженно прошипела Морриган.

– Могу и так, но тогда меня увидят. Мне-то ничего, а для дела не будет ли какого вреда?

– Убедительно прошу всех не сажать меня больше в клетку и не катать колесом, – вставил мэтр Силантий.

– И оградить от всяческих кошек! – поддакнула Джоана.

Пафнутий сделал вид, будто ничего не слышал.

Хирон промолчал. Похоже, он ничего не имел против того, чтобы на нем ездили. Даже когда он не превращен в лошадь. А кошки ему не грозили.

Элвис тоже молчал. Видимо, то, что он думал, не годилось для произнесения вслух в приличном обществе.

– Кстати, – вклинился в разговор мэтр Вельмир, ибо Морриган уже нехорошо прищурилась в сторону Джоаны и вот-вот должна была сказать какую-нибудь гадость, – проблема хищников может стать насущной не только для коллеги Джоаны.

Морриган немедленно передумала высказываться, а Пафнутий озабоченно нахмурился. При всей своей любви к кошкам и потакании их охотничьим инстинктам он вряд ли согласился бы скормить своим любимицам легендарного героя.

– У меня есть одна идея, – продолжал между тем волшебник. – Как по-вашему, мэтр Максимилиано, сможете ли вы перевезти в Даэн-Рисс не человека, а, скажем, крысу в кармане?

– Идея шикарная, надо проверить, – откликнулся папа. – Но так ли это нужно? Там ведь тоже полно кошек и прочих опасностей.

– Их полно везде, но там я по крайней мере смогу быть чем-то полезен.

– Лучше переберитесь в Хину и оттуда продолжайте работать на соседний мир, – посоветовал Элвис. – Это будет полезнее.

– Действительно, – поддержала его Морриган. – Если у нас ничего не получается, это же не значит, что мы должны все бросить! Ты хотел поискать ответа в малоизвестных нетрадиционных школах...

– Это можно сделать и без меня, – пожал плечами мэтр. – К тому же я не собираюсь задерживаться в Даэн-Риссе надолго. Сколько, по-вашему, простоит этот излучатель в Майольских погребах, если у нас все получится так, как рассчитывает Шеллар?

– А если не получится? – не унималась Морриган.

– А чтобы получилось, надо заранее начинать готовиться. Идея ясна, время есть. Кого пошлем договариваться со зрителем?

– Этель пошлите, – вдруг в один голос произнесли Элвис и Пафнутий.

– Может, все же лучше я? – ухмыльнулся Казак. – Понятно, что она там всех уже достала, но не годится снаряжать на такое дело старенькую бабу. Еще не доедет. Только мы так и не решили с Кастель Рокко.

– Поддерживаю. – Папа энергично затеребил косу. – Этель может не доехать. Мне некогда кататься еще и по Галланту. А Кастель Рокко надо пока оставить в покое и подумать, какую бы провокацию нам учинить в Эгине, чтобы любезные наши бело-голубые братья кинулись спасать свою машину оттуда, а не из Мистралии. Ибо, насколько я вижу, способов забраться в лабиринт под дворцом никто не предлагает.

– Там я не был, – беззаботно пожал плечами Казак.

– Туда можно проникнуть только через обычные входы и пробираться только пешком, – объяснил Хирон. – Лабиринт был специально спроектирован так, чтобы сделать взятие ори-

ентиров почти невозможным. Лично у меня есть один ориентир – центр, но он нам ничем не поможет. Зато могу по памяти нарисовать точную карту.

– Нарисуйте, коллега, обязательно нарисуйте! – оживился папа, как обычно, когда ему в голову приходила особенно коварная мысль. – Причем так, чтобы видно было, что это от руки нарисовано. И за вашей подписью.

– Идеальный повод для провокации, – чуть улыбнулся Элвис, выражая одобрение. – Слухи о несметных сокровищах, хранящихся в дворцовом лабиринте, ходят до сих пор, и желающих туда наведаться при наличии карты найдется неограниченное количество. Следует только продумать, как вам отбиться от группы, не вызывая подозрений.

– О, тут нет ничего сложного. – Папа ухмыльнулся так многообещающе, что Кантору заранее стало кого-то жаль. – Я разберусь сам. Только выделите мне пару тех замечательных колометов, которые начали производить лондрийские гномы по идее господина Жака. Можно не лучшие образцы, мне не для боя, для провокации.

– Выдать врагу новое секретное оружие? – возмутилась Морриган.

– Увы, оно уже не секретное, – вздохнул мэтр Вельмир. – Наш таинственный шпион о нем пронюхал. Можете действительно выдать экспериментальный образец, из тех, что себя не оправдали.

– Хорошо, – произнес Элвис. Таким ледяным голосом, что, пожалуй, стоило бы пожалеть кого-то еще. Но как раз эту сволочь Кантору жалко не было.

Ольга проснулась в самом отвратительном настроении (если, конечно, можно назвать сном дрожание от холода на сдвинутых сундуках под храп тролля и землетрясительную возню маленького дракончика). Пролетав почти весь день над какими-то неопознаваемыми местами, драконы к полудню устали и начали искать место для посадки. Как назло, последние два «прокола пространства» неизменно приводили путешественников в северные широты, вот и пришлось ночевать в такой холодрыге, что не помогли ни одеяла, ни теплый бок дракона, ни его же крыло, худо-бедно защитившее от ветра. Костер разводить побоялись – во-первых, готовить на нем все равно нечего, а греться и о дракона можно, во-вторых, кое-кто огня боится, а в-третьих, неподалеку находилось человеческое поселение. Что за люди там живут и как они относятся к чужакам – неизвестно, поэтому решили не привлекать внимания. Доели вчерашние пирожки и легли спать почти засветло.

Пако безмятежно дрых прямо на голой земле и, похоже, ничуть не мерз, хотя здесь было куда холоднее, чем в Мистралии месяц назад. Крошка-дракончик тяжело бубухал о землю всем своим младенческим весом, требуя маминого внимания и что-нибудь пожрать. Мама вяло шевелила крыльями и сонно рекомендовала учиться охотиться. Для начала на птичках и мышках.

Ольга попрыгала на месте, пытаясь хоть немного согреться и размять заоченевшие ноги. Нет, надо было все-таки спереть у Харганчика и плащ. Он бы здесь ой как пригодился. Душечка Пако сундуки собрать и запереть догадался, а вот ключи от них на радостях забыл в прихожей. Теперь добыть что-нибудь теплое доведется не раньше, чем в замках поковыряется специалист. Если бы мэтр не подсунул под седло пару одеял, можно было бы и вовсе околеть за одну такую ночку. А взламывать замки и рыться в сундуках – это сразу с ними попрощаться, обратно ведь потом не закроешь. Проще уж потерпеть, все ж не мороз.

Поскольку прыжки на месте не помогли, Ольга пробежалась вокруг спящих драконов и направилась в сторону ближайших кустиков, прихватив с собой пару листов из так кстати запасенной стопки черновиков. Листья на кустиках еще не проклюнулись, и спрятаться среди них было сложновато, но с другой стороны – все равно и драконы, и Пако спят...

Осторожно ступая по выбеленной инеем прошлогодней траве, Ольга медленно продвигалась в глубь рощи. Чтобы не заблудиться, она чуть ли не на каждом шагу оглядывалась, проверяя, видны ли отсюда ее огромные спутники, и из-за этого больше смотрела назад, чем вперед.

Потому и заметила опасность намного позже, чем можно разглядеть трех увешанных оружием рыжих мужиков, торчащих посреди голых ветвей орешника примерно с той же целью, с которой туда направлялась и сама Ольга.

Мужики ее тоже заметили и даже невероятно оживились, но дожидаться более конкретных знаков внимания Ольга благоразумно не стала. Шустро развернулась и припустила напролом через редкие кустики, под крылышко к Хриссу. Даже если эти рыжие парни в шкурах и железе намеревались всего лишь воспеть ее в стихах, слушать их творчество все равно безопаснее из-под этого самого крылышка.

Варвары загомонили, засуетились, но им еще нужно было закончить свои дела и поправить штаны, на чем они потеряли несколько бесценных секунд. Выбегающих из рощи преследователей Ольга встретила уже из-под крыла, попутно пробуждая его хозяина пинками в бок и громким визгом. Хрисс недовольно заворочался, проворчал что-то ругательное и даже приподнял голову, чтобы взглянуть на источник переполоха. По Ольгиным расчетам, одного вида сердитой драконьей морды должно было хватить для вразумления навязчивых мужчин, с какими бы целями они ни гонялись по лесу за незнакомыми женщинами. Но любопытные варвары не испугались и не сбежали. Они остановились, переглядываясь с таким видом, будто на них снизошло благословение их варварских богов, а затем дружно рухнули на колени.

Ольга немедленно вспомнила благородных и не очень донов, отравлявших ей путешествие по Мистралии, и успела даже испугаться, что в этих местах аналогичный обычай еще и отягощен непременно ползанием на коленях и целованием подолов. Но рыжики опять обманули ее ожидания. Не получив понятного ответа на свои речи, они вновь переглянулись, двое старших подтолкнули локтями молодого – дескать, давай, салага! Юноша, не поднимаясь с колен, выпрямил спину и произнес на чудовищном английском, достойном лучших перлов второгодника Жеребцова:

– Мы искать и находить! Дева и драконы! Мудрая женщина! Она говорить! Ты идти с нами!

– Чего-о? – Ольга даже растерялась от такой наглости. Затем вспомнила, что ее не понимают, и объяснила, искренне радуясь, что ее английский не настолько безнадежен:

– Я с вами не иду! Никуда!

Как бы специально для того, чтобы ребята не додумались настаивать, из-за сундуков поднялся Пако, а Хрисс недвусмысленно оскалился.

Отважные варвары не дрогнули. С минуту они что-то яростно обсуждали, так и не вставая с колен, потом два старших куда-то убежали – видать, за подмогой, – а юный полиглот подполз на пару шагов ближе и умоляюще произнес:

– Ждать! Пожалуйста! Не улетать! Мудрая женщина!

Ольга искренне надеялась, что последнее относится не к ней, хотя среди таких вот обалдуев и она могла бы сойти за мудрую.

– Встань, – вздохнула она, подозревая, что в противном случае юноша простоит на коленях до возвращения поделщиков. – Иди сюда. Садись здесь. Как тебя зовут?

– Ну конечно, это должны были оказаться именно Торвальд, Харальд и Свенельд! Три лоботряса, которые гребли тюками силу, когда прочим воинам боги раздавали ум! Несчастье отца своего и позор своей бабушки! Ну почему, почему именно они?!

– Но мы же нашли!!! – возмущенно воскликнули братья, ожидавшие совсем другого приема и весьма обиженные такой реакцией вождя. – Мы нашли новую хранильницу, точно как говорила бабушка – белокурая дева с двумя драконами! Только она не хочет с нами идти... А про это бабушка ничего не говорила!

– Хвала богам, что не допустили этого! – вскричал вождь, потрясая церемониальной секирой. – Если бы хранильница выбрала в стражи кого-то из вас, это был бы...

Мудрой женщине, по совместительству бабушке незадачливых братьев, надоели крики и шум, и три звонких удара посохом по шлемам – бум! бум! бум! – прекратили бесполезную перебранку.

Ошалевший вождь, не в силах поверить, что это произошло с ним, недоверчиво вззрился сначала на братьев, потом на шаманку и угрожающе прошипел:

– Хильдур, ты что, последних мозгов лишилась?!

– Ох, прости, вождь. – Старуха взмахнула посохом, чуть не задев вождя повторно. – Я привыкла, что их трое, вот и бью всегда трижды. Руки помнят, понимаешь... Где Свенельд?

– Сторожит!

– Хотя на это ума хватило, и то радость, – проворчала мудрая Хильдур и нахлобучила на голову шапку. – Вечно вы слушаете мои слова через одно и сбегаете недослушав! С чего вы взяли, что это новая хранительница? Ну вождь понятно, он просто спал, а вы? Рванули поскорее на поиски в надежде опередить других воинов?

Братья промолчали, так как это была чистая правда. Более того, выигранные несколько минут времени ничем не помогли торопыгам – на окраине им встретила хохотушка Герда, дочь Бьярни-скальда. Как было не остановиться и не поболтать! А пока болтали, все прочие воины давно дослушали и разбежались на поиски. Только вот непонятно – если белокурая дева не хранительница, зачем бабушка вообще про нее рассказывала?

– Ведите, оболтусы! – скомандовала старуха и, тяжело опираясь на посох, двинулась к выходу.

Хранительница умерла ночью – как заверяли охранники, без единого звука и без всякой видимой причины. Легла спать и не проснулась.

Особого доверия к их словам уважаемое начальство не испытывало, но умиротворенное выражение лица покойной безмолвно подтверждало: если причина и была, то не сегодня.

В раскосых глазах брата Чаня читалась такая знакомая безнадежность, что Шеллар невольно ожидал: с минуты на минуту глава департамента заведет разговор о ритуальных ножах. Зачем сюда позвали его самого, он вообще затруднялся понять. Все дела наместника, касающиеся сбора артефактов, велись без участия советника. Любопытный Шеллар, конечно, старался быть в курсе событий, добывая информацию где только возможно: например, о каждом из артефактов он прочел в украденных из магического отдела библиотеки секретных документах; о том, что Харган приволок вместе с жезлом хранительницу, узнал от сопровождавших его солдат; о ее предназначении догадался сам, сопоставив кое-какие факты. Даже о том, что она долго не протянет, знал заранее. Но ни своего интереса, ни своей осведомленности он старался не демонстрировать и притворялся, будто ему нет до этого никакого дела, а наместник, в свою очередь, не спрашивал его советов в подобных вопросах и даже новостями не делился. Вопрос, почему это вдруг решил сделать глава департамента, оставлял бескрайний простор для гипотез.

– Что теперь делать? – безучастным голосом спросил брат Чань, продолжая созерцать очередной провал в работе.

– Ничего уже не сделаешь, – виновато пожал плечами советник, словно это самое делание было его священным долгом, который он не мог выполнить. – Даже если вы найдете виновного, этим ее не воскресить. А вы его вряд ли найдете.

– Не буду я ничего искать. Велю просто повесить каждого десятого в назидание, и дело с концом. Меня другое волнует. Как доложить об этом господину наместнику.

– О-о... – Шеллар понимающе кивнул. – Боюсь, еще одного такого несчастья господин наместник не перенесет. Во всяком случае, я не взял бы на себя смелость докладывать о подобном. Руководствуясь личным опытом...

Советник не договорил, но пронизательный хин и так прекрасно помнил, как один неосмотрительный господин уже попытался честно доложить о подобном инциденте и чем это для него обернулось.

– С другой стороны, – продолжал рассуждать Шеллар, – мы можем с таким же успехом возложить сию опасную миссию на кандидатов в повешенные. Пообещав помилование выжившим.

Брат Чань горько вздохнул. Не то чтобы он сомневался в возможности упомянутой авантюры, просто, на его взгляд, от начальственного гнева это вряд ли спасло бы. Ну пришибет господин наместник пару докладчиков, отойдет, остынет... И что – после этого даже не вспомнит об ответственном лице, которое не уследило, не исполнило и даже доложить не удосужилось?

– С третьей стороны... – Поистине брата Шеллара иногда невозможно заткнуть! – Господин наместник завтра-послезавтра отправится на поиски Повелителя, а до того момента будет столь сильно занят, что беспокоить его лишними новостями несколько неуместно. Как вы полагаете?

Брат Чань оглянулся на охранников, стоявших здесь же в ожидании распоряжений. Лица нежелательных свидетелей были бледны и деревянны. Все рассуждения о «каждом десятом» они прекрасно слышали и теперь ждали только высочайшего решения: повесят или отправят к наместнику с докладом.

Шеллар поймал его взгляд и прокомментировал:

– Полагаю, они будут молчать, ибо это в их интересах. Наместник, знаете ли, может и не ограничиться каждым десятым. А так нам, возможно, удастся обойтись без репрессий. – Он тоже оглянулся на слушателей, отметив некое понимание в их перепуганных глазах, и продолжил: – Пойдемте отсюда, брат Чань. Дальнейшая часть нашей беседы будет конфиденциальна.

– А мой заместитель, полагаете, удержится? – с сомнением поинтересовался глава департамента, когда они покинули тюремный этаж.

– А он у вас рискованный парень? – тут же уточнил советник.

Брат Чань поразмыслил и утешился выводом, что, пожалуй, нет.

– Насчет «обойтись без репрессий» вы всерьез или для усыпления бдительности? – поинтересовался он, когда господина заговорщики уединились в его кабинете. – Ибо я не намерен оставлять подобное неповиновение безнаказанным. Если господин наместник приказал пленницу не трогать, он явно знал, что говорил. И тот тупой скот, который посмел ослушаться приказа ради собственной низменной прихоти, должен быть наказан так, чтобы прочим неповадно было.

– Если вы его найдете, то в воспитательных целях было бы неплохо, – согласился советник. – Это я и имел в виду, говоря «возможно». Так как есть вероятность, что упомянутого вами «скота» не существует вовсе. Видите ли, брат Чань... Вы, кстати, осведомлены об обстоятельствах, побудивших господина наместника отдать столь категоричный приказ?

– Частично. Вернее, он мне ничего не объяснял, но я где-то слышал, что хранительницами жезла всегда были нимфы, и сделал выводы.

– Вы сделали верные выводы, коллега. – Шеллар чуть усмехнулся и принялся набивать трубку. – Однако вы... распространили их далее, чем следовало. Насилие губительно для магических способностей нимфы, но не для жизни и здоровья. Господин наместник запретил к ней прикасаться именно потому, что Повелителю нужна Сила этой женщины, а не ее прелести, и Силу эту надлежало сохранить. Не знаю, насколько послушны оказались ваши подчиненные, но независимо от того, насиловали эту женщину или нет, умерла она не от этого.

Мастер Чань устало опустил в кресло и с обреченным вздохом спросил:

– От чего тогда?

– Вот тут и кроется истинная причина, по которой господину наместнику не следует пока ничего объяснять, ибо этого он точно не перенесет. Хранительница умерла от того, что он убил

стража. И если ему об этом сказать... Господин наместник очень тяжело переживает собственные ошибки. К тому же ему предстоит доложить Повелителю обо всем, что здесь произошло, и, на мой взгляд, чем меньше неприятного он доложит, тем лучше будет для него.

– Стоп. Еще раз. Объясните. Какую связь между этими двумя смертями вы усмотрели?

– Вы, видимо, не интересовались вопросом. – Брат Шеллар сочувственно покачал головой и выпустил очередной клуб дыма. – А я расспрашивал господина наместника и даже порылся в литературе из чистого любопытства. Они всегда пара – страж и хранительница. Созревшая нимфа и ее избранник. А зрелая нимфа живет, пока жива ее любовь. Поэтому их так мало на свете.

– Он что, не знал? – Возглас главы департамента прозвучал откровенно горестно – наверное, вырвался из самой души.

– Мог и не знать, – пожал плечами советник.

– Хорошо, мы скроем от наместника смерть хранительницы, он ничего не скажет Повелителю, а потом? Не будем же мы скрывать это вечно? Все равно придется доложить, не сейчас, так потом.

– Придется. Но у нас будет некоторое время на исправление ошибки. Думаю, если вместо умершей хранительницы наместник получит другую нимфу, он не очень расстроится. А Повелителю и вовсе безразлично, кто прилагается к жезлу.

– У вас есть конкретная кандидатура? – оживился хин.

Советник с сожалением развел руками:

– Нет, увы. Придется побегать и поискать. Впрочем... Азиль я отправил в Лондру вместе с Элмаром. Если у вас есть возможность ее оттуда достать... если ваш достойный всех похвал агент сможет найти способ к ней подобраться... Тогда есть вполне реальный шанс. Созреть она должна в ближайшие несколько лун, но, думаю, это не так уж критично. Главное – не повторить ошибку наместника.

– То есть? – Глава департамента заинтересованно приподнял брови.

– Не пришибите ненароком моего кузена, если он вдруг явится спасти возлюбленную. Иначе дело опять кончится мертвой нимфой и проблемой, как об этом доложить.

«Мудрая женщина» выглядела, как и положено даме ее статуса: почтенный возраст, четыре седые косы, свисающие из-под меховой шапки, ожерелье из каких-то черепашек (судя по размеру, хомячковых), солидный посох с бубенчиками...

И изъяснялась она намного пристойнее, чем юный герой, успевший Ольге надоесть своими косноязычными воззваниями и навязчивой саморекламой. Бабушка внятно и доступно объяснила, зачем «деву с драконами» искали, что от нее хотят и почему три рыжика вели себя так по-дурацки. Им она, похоже, тоже все объяснила, потому что выглядели грозные воины, мягко говоря, уныло. Особенно младшенький, который уже успел расписать «деве» свои немыслимые достоинства и чуть ли не посвататься по всем правилам.

Как Ольга и заподозрила, едва увидев трех рыжих одновременно, она находилась на Ледяных островах. Тех самых, откуда господин наместник не так давно уволок злополучный жезл и его хранительницу (причем о последней он дипломатично умолчал, дабы не нарываться на проповеди). К тому же уволок напрасно – если верить мистическим способностям бабушки Хильдур, хранительница все равно умерла. В результате бедные варвары лишились своего священного артефакта, который обеспечивал им относительно успешное земледелие в этих холодных широтах (насколько смогла понять Ольга, ускорял рост и созревание, благодаря чему урожай успевал вызреть за короткое северное лето). Кроме того, погибли хранительница и страж (о том, что бедняга не пережил поединка, Харган тоже умолчал, вот зараза стеснительная!). И если с новым стражем никаких проблем не было – им мог стать любой, кого выберет хранительница, – то с новой хранительницей...

Чтобы адекватно управляться с жезлом Весенней Зелени, требовалась не кто попало, а созревшая нимфа. Обычно за какое-то время до своей кончины хранительница объявляла, что пора искать замену, и замена очень быстро находилась. Воины всех племен немедленно начинали прочесывать местность и где-нибудь в ближайшем леске или посреди дороги встречали странную девочку, на вид лет десяти, но без всяких воспоминаний о прошедшей жизни, словно она только что родилась. Несколько лет она росла, училась, присматривала себе пару, а когда приходил срок – скоропостижно созревала, и к алтарю уходили новая хранительница и новый страж. Если же случалось такое, как в этот раз, – население Ледяных островов ожидали годы сплошных неурожаев. Само по себе это не смертельно, не одним земледелием живут островитяне, но очень и очень неприятно. Стоит лишь вспомнить, как триста лет назад Йормунд Золотой Рог разграбил несколько лондрийских городов только потому, что его беременной жене захотелось яблок...

Ольге опять навязчиво вспомнился гостеприимный демон. Этот тоже запросто что-нибудь сожжет и разграбит из-за какой-нибудь мелочи. А уж что может сотворить, если его угораздит влюбиться по-настоящему...

– А я-то тут при чем? – наконец решилась спросить она, так как подробному рассказу мудрой женщины конца-края было не видеть, а Ольга уже давным-давно замерзла и торопилась поскорее улететь отсюда куда-нибудь, где тепло и на кустиках листья есть. – Я ведь никак не могу быть новой хранительницей – я человек, у меня есть муж, и все прочее не сходится.

– Конечно нет. – Бабушка сердито покосилась на непутевых искателей. – Новую хранительницу найдут где-нибудь, как обычно, если уже не нашли. Эти оболтусы вечно что-то недослушают или перепутают хранительницу с вестницей. Тебя совсем не за тем искали. Ты видела пропавший жезл и знаешь, где он и кто его взял.

Ольга не стала отпираться. Чужое брать в самом деле нехорошо, и если рыжики хотят свою полезную реликвию вернуть – их право. Другой вопрос, как они собираются это сделать. Ведь попрут сдуру с топорами под пули, и будет хуже, чем с эгинской армией...

На всякий случай она объяснила все, что знала, начиная с легенды о Скарроне и заканчивая описанием пулеметной тачанки, особо отметив исчезновение магии и неуязвимость вампиров.

Бабушка слушала внимательно и серьезно, и видно было, что она все понимает – в отличие от молодцев, заранее потрясающих топорами.

– Думать будем, – сказала она, дослушав до конца. – Соберутся вожди, соберутся мудрые женщины всех племен, все думать будем. Тяжело, опасно, очень далеко, но надо.

– Удачи вам, – искренне пожелала Ольга.

Шаманка кивнула и раскрыла рот, чтобы поблагодарить, как вдруг где-то далеко, на другом краю леса, взревели торжествующе боевые рога и в небо взвился столб белого дыма.

Братья-неудачники горестно взвыли и принялись яростно что-то выяснять между собой.

– Нашли, – поведала мудрая Хильдур в ответ на недоуменный взгляд Ольги. – На нашем острове, наши воины нашли. А эти олухи все прозевали и теперь виноватого ищут.

Она приблизилась к увлеченным разборкой внукам и привычным, видать, с прошлого поколения отработанным движением трижды взмахнула посохом.

Бумм! Бумм! Бумм! – гулко отозвались шлемы.

Глава 2

Едва Пух увидел Походные Сапоги, он сразу понял, что предстоит Приключение, и, смахнув лапкой остатки меда с мордочки, подтянулся, как только мог, чтобы показать, что он ко всему готов.

А. Милн

– Это был совершенно безумный день, – пояснил Шеллар, предугадывая очередное замечание Кантора касательно содержания своего сна. – Наместник назначал нового главу ордена, передавал дела и раздавал инструкции. Можешь представить, что там творилось и почему мне эти рожи теперь снятся.

Мужики в бело-голубых рясах продолжали свои разборки, мигом вписав в них новое лицо, – теперь они хором доказывали непонятно кому, что появление Кантора есть прямое доказательство измены брата Шеллара и сговорившегося с ним глубоко неуважаемого конкурента (имя подставить).

Можно было куда-нибудь уйти, но эти... гм... неприятные люди Кантора раздражали, и он предпочел удалить их. Заодно проверить, кто же был прав, он или Карлос, когда они рассуждали о странной уступчивости министра изящных искусств. Опять же тронный зал ортанского королевского дворца ему нравился, а базарная склока святых отцов все портила и нарушала гармонию.

Непочтительно спихнув с трона унылого господина наместника, которого тоже удручало непотребное поведение подданных, Кантор во всю мощь своего голоса рявкнул:

– Все вон отсюда!

Скорей всего они с Карлосом тогда оба ошибались. Никакие обстоятельства реальной жизни не имеют отношения к поведению персонажей сна. И загадочная «высшая магия бардов» есть не более чем плод воображения маэстро. Все проще. Обычная магия сновидца, ничего более. Это она дает власть над картинками и куклами, составляющими ткань сна.

– Кантор, ну у тебя и голос, – недовольно отозвался сзади Шеллар. – Я сам чуть не пошел вместе с ними.

– Это в вас стадный инстинкт сработал, – злорадно заметил мистралиец. – На хозяина сна мои способности действовать не должны.

– Они и не подействовали, – не остался в долгу король, усаживаясь на свое законное место, которое так кстати освободилось, и указывая собеседнику на соседнее. – Я ведь здесь. Да садись, это всего лишь кресло и всего лишь сон. Не станешь же ты женщиной только от того, что немного на нем посидишь. Как там Ольга? Добралась?

Кантор огорченно махнул рукой и все же присел, стараясь скрыть раздражение. Кому приятно, когда ему высказывают в лицо простыми словами его собственные мысли, причем настолько потаенные, что он их сам не решается облечь в словесную форму.

– Ольга глупость сделала. Улетела с Ледяных островов. Она там и местных встретила, и пообщалась с ними весьма дружелюбно, вполне могла бы napроситься переночевать на день-два, а тем временем папа снарядил бы за ней мэтрессу Морриган.

– Боюсь, мэтресса не осилила бы телепортацию драконов.

– Да и не надо. Пусть бы драконы с троллем летали себе дальше, но беременную женщину можно было и посадить. Даже нужно, при первой же возможности. А она полетела дальше. Даже еды не додумалась попросить у добрых варваров и воды набрать. Сегодня они ночуют где-то в пустыне. Я за нее боюсь.

– Я больше боюсь за всех остальных, – грустно заметил король. – Из-за этого проклятого перемещения, чтоб нашему мудрому брату Чаню с его идеями...

– Да не переживайте так, – утешил Кантор, – с погребками уже работают, долго он там не простоят. А наши мэтры как-нибудь перебьются.

– Я очень надеюсь. Но вы не подумали еще об одной вероятности. Вернее, Элвис и мэтр Максимилиано, полагаю, подумали, но не стали оглашать. Возможно, понял и Пафнутий, но ты ж его знаешь. Скорей всего, они еще обмозгуют этот вопрос и обсудят в очень узком кругу. Но решить его эффективно вряд ли смогут.

– Вы о чем? – с подозрением уточнил Кантор, опасаясь, что сейчас ему так и не скажут ничего конкретного, мотивируя это особой секретностью.

– Когда Поморье и Лондра останутся беззащитны, руководством ордена может овладеть искушение напасть. Пусть не захватить, но хотя бы высадить десант, учинить резню, создать хаос и удалиться. У Харгана есть ориентиры на территории дворца в Белокамне. И в Лондре он был, пусть и не во дворце, но в столице точно. Может, мое предупреждение и лишнее, но все же напугай им, чтобы были к этому готовы. Никто не гарантирует, что наместник не делился ориентирами с магами ордена. А у них как раз освободилась дюжина вампиров. Вероятнее всего, их раскидают по остальным точкам, но для рейда могут и снять с излучателей половину охраны.

Нетерпеливое ожидание встречи вдруг резко сменилось на нечто противоположное – Кантору мгновенно расхотелось видеть Ольгу рядом с собой в таком опасном Белокамне. Пусть лучше ночует в своей пустыне, там ее точно никакие вампиры не достанут.

– А куда ж Ольге приткнуться в таком случае? – спросил он, поняв, что вечно порхать по незнакомым местам драконы не будут и рано или поздно Ольга все же заметит что-нибудь узнаваемое. Папа ведь дал ей с собой карту.

– Те же Ледяные острова, к примеру. Хина. Любое провинциальное местечко в Поморье или Лондре. Таккат.

– Я понял, – кивнул Кантор. – Завтра Ольгу предупрежу.

В конце концов, ее ведь можно сразу же перевезти из столицы куда-нибудь в тихое неприметное местечко... Поморье и Лондра – не Мистралия, там блондинка в глаза бросаться не будет...

– Что решили по двум излучателям? – продолжил Шеллар, с обычной своей скоростью переходя от одной темы к другой.

– Ориентиры Кастель Рокко Примо знает Казак. Он даже готов туда наведаться в качестве смертника, если возникнет срочная необходимость или когда этот прибор останется последним. До тех пор он будет полезнее живым. Так все решили. В лабиринт не пробраться иначе как пешком через тайные входы. Поэтому сегодня ночью папа намерен организовать небольшую провокацию – неудачный налет на лабиринт.

– Хочет спровоцировать на перемещение именно того излучателя, до которого нельзя добраться? – понимающе усмехнулся Шеллар. – Прекрасная мысль. Постараюсь организовать подобающую панику. Какие-либо идеи касательно остальных двух?

– У папы идей полно, но со мной он не делился, – начал Кантор, и вдруг весь тронный зал начал расплываться и рушиться под громогласный вопль откуда-то из поднебесья:

– Господин советник! Проснитесь! Опять беда!

Бормоча на ходу проклятия, Кантор бросился прочь из разваливающегося на глазах сна. Ничего особенного ему не грозило – если спящего резко разбудить во время контакта, сновидец всего лишь проснется тоже, – но Кантор хотел еще в пару снов наведаться. А если так вот проснуться под утро, можно потом и не уснуть вовсе.

Одно приятно – у этих гадов там какая-то беда. Даже если всего лишь сработала папина провокация, все равно приятно.

Искать по снам дядюшку Дэна было по меньшей мере неразумно – сей почтенный мэтр мог сейчас находиться где угодно, только не в собственном сне. Поэтому Кантор решил наве-

стить юную кухню без посредников. В конце концов, они лично знакомы и довольно много общались, к тому же кровные родственники...

Юная кухня, вернее нижняя ее половина, обнаружилась в незнакомом интерьере – комната, уставленная кроватями и тумбочками (по четыре и тех и других). Больше всего это напоминало номер в пристойном отеле, но мало ли чем оно было на самом деле, Кантор еще не настолько изучил соседний мир, чтобы определить точно...

Из-под одной из кроватей и торчала упомянутая половина кухни. Вторая ее половина, неразборчиво ругаясь, энергично шуршала в подкроватном пространстве, словно что-то ловила (Кантор не смог представить себе, что еще можно делать под кроватью с такой скоростью).

Мимо ноги прошмыгнуло что-то белое, похожее на крысу. Кажется, он не ошибся – малышка и в самом деле ловила этого зверька.

– Саша! – позвал Кантор. – Оставь животное в покое и вылезай из-под кровати, дело есть.

Кухня шустро вывинтилась из своих охотничьих угодий и расстроено пояснила:

– Подожди, мне надо крыс переловить! Мы с Аленкой приехали на конференцию по биоэлектронике, и у нас все подопытные крысы разбежались! Это я виновата, дверцу как следует не закрыла!

– Саша, – терпеливо пояснил Кантор, которому эта искренняя паника до боли напомнила Ольгины душераздирающие сны о несданном зачете, – это сон. Никуда вы не поехали, никто не разбежался, и, насколько мне известно, никаких научных экспериментов с животными ты вообще не делала.

– Тыфу ты! – Похоже, о семейных способах контроля сновидений кухня была осведомлена и дополнительных объяснений ей не требовалось. Она одернула задрывшуюся кофточку и чинно уселась на ближайшую кровать. – Опять эта зараза приснилась!

Высунувшаяся из-за ножки шкафа любопытная мордочка пошевелила усами и медленно растаяла в воздухе.

– Тебе часто снятся крысы? – уточнил Кантор. – Ты их не любишь или наоборот? И что это значит, ты не спрашивала у старших магов?

– Да нет. – Саша досадливо передернула худенькими плечиками. – Дело не в крысах, а в ситуации. Я давно знаю, к чему это и зачем, но управлять снами у меня пока не получается. Ты меня навестить пришел? Если честно, я думала, ты позвонишь или в реале заглянешь.

– Звонить мне нечем, а живьем в ваших краях лучше не мелькать. Как там продвигается расследование? Настин шустрый сокурсник не заглядывал, не проверял?

– Висит пока, – охотно отозвалась девочка. – Когда по городу начали трясти багларцев, они спешно стали разбегаться кто куда, опасаясь, что реального виновника не найдут и повесят все трупы на первого попавшегося.

– А стражи порядка решили – бежит, значит, виновен, – понимающе кивнул Кантор. – Не хотелось бы, чтоб пострадал кто-то невиновный.

– Да не бойся, никто не станет шить суххяну дело, на которое только потомственный и хорошо обученный ыххын способен. А если и выпечат где-то ыххына-нелегала, то не все ли равно, за что он будет сидеть? Такие невиновными не бывают. Работать им нельзя, даже просто красть не позволено. Только вооруженный грабеж и всякие боевые подвиги на службе большому криминалу. А ты как? Толик вроде обмолвился, ты на Каппе был?

В голоске юной кухни появилось знакомое любопытство ребенка, жаждущего приключений. Не это ли вызвало у его сопливого высочества такой интерес к недорослой деве? Не делает ли товарищ Кантор фантастическую глупость, согласившись устроить их свидание, и не натворят ли бед эти малолетние авантюристы, если сговорятся и объединят усилия?

– Ничего там нет хорошего, – недовольно отозвался он. – Грязь, нищета, заразные болезни и мерзкие насекомые.

– А правда, что Жак тоже с тобой был?

– Вот он бы тебе как раз и поведал подробнее про сизую лихорадку и заразных блох, – проворчал Кантор. – И еще про то, какие части тела надо поотрывать писателям, которые сочиняют сериалы о приключениях на Каппе. А также – кому сих сочинителей скормить и чем заразить. Впервые замечаю за Жаком подобную кровожадность, обычно он относится к человеческим слабостям более гуманно... Впрочем, возможно, тебе выпадет случай увидеться с ним лично, вот и расспросишь.

«И о том, что у него есть невеста, а тебе ничего не светит, пусть тоже скажет сам», – мысленно закончил Кантор.

Ничего не подозревающее дитя безумно обрадовалось.

– Правда? И кому из вас удалось уговорить Толика? И как? У меня так ничего и не получилось...

– Вот что, – не выдержал Кантор, – давай внесем ясность. Толика никто не уговаривал, и он тут ни при чем. Жак о свиданиях никого не просил. С тобой хотел увидеться Мафей. Мальчишка-эльф, который приходил за мной. Помнишь его?

– Еще бы я не запомнила эльфа. Как будто я их часто вижу...

– Мне отдать ему свой прибор, чтобы вы могли общаться, или у тебя еще есть?

– Ой, не надо, наверное. Дядя Макс так трепетно ко всей этой ерунде относится, с ним нервный припадок приключится, если узнает, что мы с тобой раздаем «лютики» посторонним эльфам из закрытых миров. Я лучше себе возьму еще один. Дедушка все равно никогда не помнит, сколько их у него лежит и куда они деваются, а мама, если проверит, подумает, что дедушка опять либо сломал, либо потерял. А зачем я этому эльфу вдруг понадобилась?

– У него к тебе какое-то дело, насколько я понял, из области магических наук, а не то, что подумали бы на твоём месте придворные дамы. Если у тебя получится попутно раскрутить его на небольшое путешествие, он, может быть, и согласится сводить тебя в гости к Жаку. Но очень тайно и без Насти.

– Почему? – Малышка обиделась. Как же так, лучшую подругу бросить заставляют!

– Потому что Настя и тайна – несовместимые понятия. Нельзя доверять тайны подруге, которая их выложит любому, кто даст себе труд угрожающе на нее посмотреть. Тем более тайны, чреватые межмировыми скандалами. Мафей к вам угодил нелегально, и попасться он там не должен. Поэтому назови время, когда ты сможешь подойти в дяди-Витину квартиру, и ни слова Насти. Зато папу, напротив, предупреди.

Сашина мордашка мгновенно затвердела до полного сходства с господином Флавиусом, что означало – кузиночка очень обиделась и советам последует ровно настолько, насколько сама оценит их разумность.

– Послезавтра, – сказала она, поджав губки. – Вечером, часиков в пять. У нас хоть время-то совпадает, или мне придется ждать неизвестно сколько?

– Мне откуда знать? – пожал плечами Кантор. – Спроси у папы.

Похоже, этим советом он окончательно уронил себя в ее глазах, открыто перейдя на сторону противника – этих занудных, вечно поучающих и все на свете запрещающих взрослых.

– Итак, что мы здесь наблюдаем? – с обычной своей невозмутимостью изрек Шеллар, спокойно пуская кольца дыма, словно ничего не произошло. – Мы наблюдаем очередное подтверждение старинной пословицы о ворах-магах. Диверсия, которую готовил и осуществлял мэтр Максимилиано, увенчалась успехом. Аналогичная акция со стороны почтенного Хирона во всей красе показала нам, что значит планировать подобные вещи без участия толкового вора.

Харган раздраженно зыркнул на советника, но промолчал. Сегодня он собирался отправиться, и вдруг непредвиденная задержка. Придется ведь самому этих диверсантов поднимать и допрашивать – это еще если они встанут...

Промолчал и брат Павсаний, задумавшийся над вечным вопросом – а не кроется ли здесь какой-нибудь очень тонкий намек, оскорбительный для его персоны?

Глава эгинской контрразведки брат Константин еще раз оглядел ровный рядочек покойников и повертел в руках экспериментальный коломет.

– Это лондрийское изобретение, – сообщил он. – Полагаете, Элвис в разработке плана не участвовал?

– Полагаю, нет, – не изменил своего мнения Шеллар. – Иначе мы узнали бы об этом от агентуры нашего брата Чаня. Вероятно, они просто позаимствовали у Элвиса этот нескладный прибор, чтобы испытать в боевых условиях. План же разрабатывали самостоятельно. Более того, я не удивлюсь, если это окажется вовсе не полноценная операция по уничтожению, а пробная вылазка, небольшая разведка боем, целью которой было всего лишь уточнить, а здесь ли находится искомый предмет. Смею напомнить, наши противники все еще не знают о местоположении всех излучателей и активно стремятся это выяснить. Недавно отыскавшийся придворный маг Эгины лучше нас всех знает этот город, не говоря уж о дворце. Неудивительно, что он первым делом подумал о знаменитом лабиринте, – самое подходящее место. Еще узнать бы, как они собирались получить результаты проверки...

– Ну что ж... – Наместник мрачно пожал плечами. И крыльями заодно. – Зовите солдат, зовите телепортиста, пусть перевезут материал в мою лабораторию в Ортане.

– А нам покажите пока место преступления, – втиснулся Шеллар. – Начиная от входа, через который они пробрались внутрь, и до того места, где их встретили вампиры. Кстати, личности этих господ устанавливать не будем? Полагаю, они сами скажут?

– Если встанут, – раздраженно рыкнул Харган. – Потом разберемся. Ты, если хочешь полазить по пещерам, отправляйся. Брат Константин тебя проводит или выделит в провожатые кого-нибудь из вампиров. А я возвращаюсь домой, мне надо подготовить лабораторию.

На самом деле никаких особых подготовительных работ для предстоящей короткой беседы с нестабильной нежитью не требовалось. Ну, может, минут на пять тех приготовлений – флаконы расставить, – а в остальном лаборатория и так пребывала в постоянной готовности. Нет, истинная причина была совсем иной. Харган, который и прежде не имел особой склонности к самообману, а под влиянием советника окончательно отучился подыскивать своим поступкам утешительные объяснения, подумал и честно признался сам себе: он просто не хочет никого видеть.

Все было плохо, отвратительно, хуже некуда. Большие беды и мелкие неприятности навалились на правую руку Повелителя огромной кучей, и теперь он задыхался под ней, как если бы эта куча была материальной. Все шло не так, как планировалось, предполагалось и должно было идти. Частично вина за все неурядицы лежала на врагах ордена – странно было бы предполагать, что завоеватели не встретят вовсе никакого сопротивления, и неловко и неприятно было наместнику вспоминать, как совсем недавно он эти глупые мысли разделял со своими солдатами, прямо скажем, не великого ума людьми. Но немалую долю справедливо было бы возложить и на соратников, уж и послала судьба героев-подвижников, видел бы Повелитель... И ведь куда ни плюнь, а по всему выходит, что прав таки зануда Шеллар, когда критикует братьев, отзывается о них пренебрежительно и даже брезгливо поджимает губы при одном упоминании о некоторых экземплярах. И сто раз был прав покойный мастер Ступеней: пришедшие на путь служения добровольно сохранили все свои пороки. А уж после того, что вчера устроили на обсуждении кандидатуры верховного иерарха, даже не возникает сомнений, зачем они вообще на этот самый путь пришли. Высшие силы, ведает ли Повелитель, какие шкурные, мелочные и жадные до власти мерзавцы сбегались под его длань? Пусть даже разбежаться и предать они уже не смогут, но видеть их каждый день и выслушивать их речи... Как только Повелитель ухитрялся общаться с подобными личностями и сохранить ясность рассудка?

Харган раздраженно прошелся вокруг стола и без надобности переставил с места на место несколько флаконов. Один, приземистый и пузатый, до отвращения напоминал брата Павсания; другой, высокий и узкогорлый, – тощего брата Хольса, а еще один, безлично-прямоугольный, но с яркой вычурной пробкой, – нового первосвященника брата Аркадиуса, с трудом и грандиозным скандалом выбранного из десяти кандидатов. Подумать только – из-за этих сварливых жлобов, неспособных даже власть между собой поделить по-хорошему, он должен терять бесценное время сейчас, когда Повелителю требуется его помощь, когда в Первом Оазисе наверняка творится непотребный бардак – уж ему ли не знать этих «верных сподвижников»... Нимшаст небось забросил все дела и с плачем и причитаниями ищет свой филактерий, благо ему теперь никто не мешает. Кайдены и его соплеменники в лучшем случае просто дезертировали, а в худшем – договариваются о разделе совместно нажитого с прочими стервятниками, чтобы, уходя, еще и прихватить с собой как можно больше. Танхер, поди, продает направо и налево все, до чего может дотянуться. Вампиры беспредельничают, а бандиты могли запросто разбежаться и опять податься на вольные хлеба. Остается только надеяться, что покоренные Оазисы еще не взбунтовались и Конфедерация слишком слаба, чтобы нанести ответный удар. Иначе все старейшины-перебежчики немедленно осознают былые ошибки и поторопятся искупить прежнее предательство новым.

Ну почему, почему под крыло к Повелителю стекается всяческое отребье, как справедливо именует этот сорт людей брат Шеллар? Почему честные, смелые, умные люди не приходят служить добровольно, проникшись величием учителя и желая сделать жизнь лучше и правильнее? Почему таких людей надо обязательно сначала обмануть, потом сломать, а потом еще спорить с ними, доказывая, что брат Джареф и ему подобные тоже нужны для дела?

От этих мрачных мыслей наместника отвлекли явившиеся с грузом подданные: сначала из телепорта вывалились четыре трупа, а за ними возник и сам телепортист – проверить, все ли доставлено успешно. Харган зачем-то выругал его и велел убираться с глаз, хотя, если подумать, бедняга все сделал правильно и, кроме того, пригодился бы как ассистент. Впрочем, работать без ассистента наместнику было не впервой, а видеть он и в самом деле никого не желал.

Осмотрев материал и отпихнув ногой в сторону одно тело сомнительной пригодности – с сильно разорванным горлом, демон без особого труда поднял и бросил на стол другое, поцелее.

Вопреки опасениям выпитый наемник исправно встал, но ничего полезного от него добиться не удалось. Как и от двух его поделщиков. Харган тщательно допросил всех троих, но покойники в показаниях не путались и друг другу не противоречили. С одним, правда, пришлось повозиться – видно, впечатлительный оказался, поминутно стонал о том, что их обманули и подставили, чем здорово наместника раздражал. Выловить из этого нытья полезную информацию стоило получаса потерянного времени, и, как оказалось, без этого можно было обойтись – страдалец только подтвердил слова товарищей.

Их нанял какой-то старикашка, сильно похожий на мага, хотя и рядился в стрелка. Контракт был стандартный: он им карту лабиринта – настоящую, с личным автографом придворного мага, – они же в свою очередь должны разбить сооружение, стоящее в центре, и принести содержащийся внутри кристалл. Сокровищами могут распоряжаться на свое усмотрение. Ну, тот простой факт, что придурков обманули и подставили, Харган понял и без их назойливых стонов – лабиринт обыскали еще в первые дни весны под его личным руководством и никаких сокровищ там не нашли. Причем обманули с умом – сумеют они и в самом деле добраться до центра и обнаружить отсутствие награды, они бы все равно выполнили задание. Не ушли бы прочь с руганью и угрозами, а все-таки разбили бы прибор и унесли кристалл, надеясь за него поторговаться. Хотя... неужели эгинский придворный маг и его подручные в самом деле рассчитывали, что четыре обычных бандита с одним примитивным орудием одолеют дюжину вампиров и прорвутся к цели? Или и впрямь только прощупать хотели – точно ли здесь? Потому

и не послали своих, наняли первых попавшихся преступников, расходный материал. Или все же прав брат Константин и это провокация?

Над этим вопросом он и ломал себе голову до возвращения Шеллара. А едва лишь советник, вдоволь налазившийся по подземельям и собравший на свою персону всю имевшуюся там грязь и паутину, возник в облачке телепорта, необходимость ломать голову была тут же переложена на него.

– Нашел что-нибудь? – поинтересовался Харган, наблюдая, как Шеллар аккуратно отряхивается и добывает из кармана гребешок.

– К сожалению, ничего такого, что могло бы дать пищу для дальнейших умозаключений, – признался советник. – Мы прошли до самого выхода. Снаружи обнаружили следы пятого человека – видимо, заказчик показал наемникам вход – и даже немного прошли по этим следам, но на мощеной дороге они оборвались. Единственное, что могу сказать, – заказчик не стал ждать у входа, а сразу же ушел. Либо они договорились встретиться где-то еще, либо он просто знал, что эти четверо господ живыми не вернутся... Кстати, что сказали по этому поводу они сами?

– Он должен был ждать, – уныло сообщил Харган. – Значит, все-таки знал. Что еще?

– Я рассмотрел следы, но ничего особенного в них не нашел. Обувь – ничем не примечательная и совершенно новая. Походка без особых примет, обычная, ровная. Не хромает, не шаркает, стопу не выворачивает.

– Собаку по следу не пускали?

– Не стали зря мучить животное. Над дорогой, где заканчиваются следы, так щедро сыпан перец, что даже я, не будучи собакой, его унюхал. Брат Константин поищет свидетелей, может, кто-то этого старика видел, но я бы не возлагал на это особых надежд. Даже если кто и видел, вряд ли поспешит делиться наблюдениями с нашими людьми. Я заметил, в Эгине население настроено весьма враждебно. Помнится, ваши ребята там знатно порезвились, что не прибавило им народной любви и уважения.

– Значит, обещал ждать и ушел... – задумчиво повторил Харган. – Ты думаешь, проверка?

– Думаю, да.

– А версия брата Константина насчет провокации тебе кажется недостойной внимания?

Шеллар закончил вычесывать из волос паутину идохлых мух и, протерев гребешок носовым платком, бережно спрятал в карман.

– Для того чтобы начать рассматривать эту версию, – бесстрастно пояснил он, – мы должны сначала принять за исходную посылку, что противник осведомлен о нескольких фактах. Во-первых, о расположении всех излучателей. Во-вторых, о планирующемся перемещении одного из них. В-третьих, о месте, куда мы намереваемся его переместить. Кроме того, чтобы организовать подобную провокацию с одним конкретным излучателем, противник должен иметь возможность добраться до остальных трех и не иметь возможности добраться до этого одного. Не слишком ли много допущений?

– Не знаю, – мотнул головой наместник. – Ничего не знаю и боюсь даже предполагать. А проверить как-то можно?

– Конечно. Попросим брата Чаня, пусть даст задание своему агенту в Лондре...

– Сам займешься. Я уже не успею.

Шеллар, занесший было спичку, чтобы разжечь трубку, остановился с поднятой рукой и несколько секунд внимательно всматривался в собеседника. Затем все же чиркнул спичкой и вежливо уточнил:

– Вы по-прежнему намерены отбыть сегодня?

– А чего ждать? Я уже выбрал портал, назначил нового первосвященника и хорошенько вздрючил остальных. Надеюсь, этой профилактики им хватит до моего возвращения.

– Вы сегодня не спали ночь, – серьезно сообщил советник, как будто Харган этого сам не знал. – Вы только что отработали три поднятия, не считая множества телепортов за последние сутки. И вы очень нехорошо выглядите.

– Я не устаю от телепортов, – ворчливо откликнулся наместник. Это, конечно, нельзя было назвать чистой правдой, все зависело от количества, но так хотелось хоть что-то возразить...

– Значит, по остальным вопросам возражений нет, – заключил коварный Шеллар. – Как вы себя чувствуете? Так же, как выглядите?

– Прекрати занудствовать! – огрызнулся Харган. – Я совершенно здоров и не особенно устал, а плохое настроение – это не проблема. Вернее, проблема, но не моя, а окружающих.

Советник понимающе шевельнул бровями и словно невзначай – а Харган мог поклясться, что нарочно! – потер переносицу.

– В этом тоже мало хорошего, – произнес он, прежде чем демон успел сообразить, нужно ли объяснять, что его слова не следует понимать как угрозу, или же это будет звучать как оправдание. – Но я все же считаю, что дело не только в плохом настроении. Вы в последние дни выглядите не совсем здоровым. Поскольку травить вас повторно после того, что вышло с братом Джарефом, вряд ли кто-то рискнул бы, осмелюсь все же спросить: вы не принимали каких-либо стимуляторов или иных снадобий?

– Да нет же! – раздраженно рыкнул Харган. – Отвяжись, со мной все в порядке! Вернее, с самочувствием все в порядке, а выгляжу я так, потому что на душе гадко.

– Я искренне вам сочувствую. – В голосе советника явственно прорезалось то самое «искреннее сочувствие». – Докладывать Повелителю о смерти мастера Ступеней и утрате излучателя – тяжкий долг, который не всякий осмелился бы взять на себя. Это и есть то самое, что так вас угнетает, или имеются и другие причины?

– Да полно, – безнадежно махнул рукой наместник. – Сам ведь все знаешь, все, ну буквально все идет наперекосяк, а после вчерашнего заседания меня не покидает ощущение, словно я в дерьме искупался.

– Вам никого не хочется видеть и тяжело дается любая интеллектуальная деятельность, – ровным голосом произнес Шеллар, пристально глядя на него сквозь дым. – Все, что вокруг вас происходит, вызывает отвращение, раздражение или глубокое уныние. В глубине души вы больше всего желали бы забиться в какое-нибудь тихое темное место, чтобы никто вас не трогал. Ночью вы либо не можете уснуть, либо видите дурные сны, а днем ходите сонный и разбитый...

Харган встрепенул крыльями:

– Только не говори мне, будто я в самом деле болен!

– В некотором смысле, – пожал плечами советник. – Но это легко лечится. Я знаю несколько рецептов, из которых один вам категорически не подходит, второй не совсем уместен, третий вы вряд ли воспримете, четвертый страшно не одобрял мой придворный маг, но это единственный недостаток, так что можно попробовать. Как вы переносите алкоголь?

– То есть? – Харган даже растерялся слегка. – Ты же сам приучил меня хлебать вино за обедом.

– Я имею в виду не бокал вина за обедом, а крепкие напитки в больших дозах. Проще говоря, вам случалось напиваться?

Харган вспомнил несколько пьяных оргий, коим был свидетелем, и представил себе, что бы с ним сделал учитель, если бы застал в таком виде.

– Еще чего! Не хватало мне упиться в грязь, а потом с похмелья отправляться в серьезное и опасное путешествие!

– Конечно, лучше в него отправляться усталым, не выспавшимся и в депрессии, – насмешливо откликнулся Шеллар. – К сожалению, раз вы прежде не пробовали, эксперимен-

тировать с вашим здоровьем сейчас я не рискну. Выпейте обычного снотворного или попросите кого-нибудь из магов вас усыпить. Но не отправляйтесь в таком состоянии. Мне будет жаль, если с вами что-нибудь случится.

– Почему? – машинально выпалил Харган, вспомнив слова учителя: «Мне понадобится не менее двадцати лет, чтобы вырастить тебе замену».

Советник улыбнулся – странно как-то, не то грустно, не то снисходительно.

– За эти полторы луны я успел к вам привязаться. И мне будет очень вас не хватать.

Повелитель молча смотрел на тело, корчившееся у его ног в предсмертных судорогах. Завернувшись в картинно-черный плащ и величественно сложив руки на груди, он стоял неподвижно, устремив бесстрастный взор на подозрительно знакомую фигуру, которую ожесточенно клевали чудовищного вида полуптицы-полуящеры.

Тело выло, извивалось, билось о серый неровный бетон и безуспешно пыталось отмахнуться перебитыми в нескольких местах руками от хищников, выдирающих из него изрядные куски мяса. Раны в считанные секунды затягивались, а откушенные фрагменты восстанавливались, что должно было сделать забаву Повелителя поистине бесконечной.

Макс остановился и покачал головой:

– Мне не нравится этот сон.

– Совершенно правильно он тебе не нравится, – согласился Дэн, пристально рассматривая диковинных хищников. – Кстати, их странный цвет что-либо означает?

– У пациента спросишь, – проворчал Макс. – Как эту мерзость прекратить? Он же не в состоянии разговаривать.

Дэн немного полюбовался на кошмарных монстров, запоминая для истории, затем негромко и внушительно произнес:

– Кыш.

Птицеящеры обеспокоенно закудахтали, словно испугнутые куры, и ринулись прочь, панически трепеща крыльями. Их жертва со стоном перевернулась на живот и попыталась встать.

– И смерть не принесет тебе покоя, – зловеще изрек Повелитель, не двигаясь с места.

Почти поднявшийся Шеллар вскрикнул и опять упал на колени. Макс четко разглядел, как его сгорбленную спину вспарывают два черных крыла, прорываясь сквозь плоть, словно лезвия.

– Дэн, сделай что-нибудь, – раздраженно потребовал он.

Шеллар поднял голову, покрасовавшись новенькими клыками, и наконец заметил гостей.

– Это сон... – скорее утвердительно, чем вопросительно произнес он. После чего совсем не подобающим королю образом плюнул и выругался по-мистралийски.

– И этот ваш сон меня очень беспокоит, – начал Макс, но его больше не слушали.

Уяснив обстановку, его величество уже без всяких страданий поднялся на ноги, огляделся и сдернул с Повелителя шикарный черный плащ.

– Неловко общаться с достойными людьми в голом виде, – пояснил он. – Кстати, нельзя ли куда-нибудь убрать это чучело? И что-нибудь сделать с моим вампирским обличем?

Дэн столь же непринужденно кышнул умолкшего Повелителя и поинтересовался:

– Вам клыки мешают?

– И клыки, и крылья, и... подумать только, я даже жажду крови ощущаю. Приснится же такое.

Похоже, замечание Макса он оставил без внимания, и мэтр не преминул его повторить:

– Я уже сказал, что этот ваш сон мне очень и очень не нравится...

– А кому такое может нравиться? – раздраженно перебил его Шеллар. – Думаете, мне приятно было предстать перед вами в таком позорном положении?

– Макс не то имел в виду, – пришел на помощь Дэн. – Подобные кошмары не снятся просто так.

– Сегодня вечером я пил с вампирами, – пояснил Шеллар. – Вот и приснилось.

– Могу я уточнить, что это означает и кто там кого пил? – осторожно поинтересовался Макс.

– Мэтр, вы становитесь патологически подозрительным. Никто меня не кусал, мне нужно было поговорить с этими господами по делу, а они предложили выпить. Видимо, общение с ними не прошло даром для моего подсознания. Вы хотели сообщить мне какие-то новости?

– Все же общение с вампирами объясняет только вторую часть сна, – задумчиво произнес Дэн, пристально изучая его величество. – Но никак не первую. Раз вам начинают сниться кошмары о провале и последующей жестокой расправе, значит, вы всерьез этого боитесь, но вытесняете свой страх в подсознание. Вывод: либо у вас есть основания опасаться, но вы их не осознаете, а только чувствуете, либо у вас попросту сдают нервы. И то и другое – тревожный сигнал. Кстати, можете объяснить, почему эти животные такого странного цвета – голубые с белыми полосками?

– Ой, да проще простого. – Шеллар махнул рукой, отчего повелительский плащ с него тут же сполз. – На днях наши иерархи должности делили и вели себя примерно так же, как эти твари. Вот их бело-голубые рясы и всплыли. Давайте все же о деле.

– Да прислушайтесь же вы к тому, что вам говорят два не самых последних менталиста в этом мире! – раздраженно перебил его Макс, ибо его величество явно уходил от разговора о своих проблемах. – И подумайте...

– Мэтр, я обещаю вам: как только проснусь, непременно подумаю, – заверил упрямец. – Однако должен заметить, толку от этого немного. То, чем я сейчас занимаюсь, было опасно изначально, и даже если мой нюх пытается дать понять, что дело стало еще опаснее, бросить его недоделанным я не могу. Равно как и мои расшатанные нервы не причина все бросать и срочно ударяться в бег. Кстати, уклоняясь от прямого вопроса о новостях, вы заставляете меня еще больше нервничать. Я начинаю искать варианты самостоятельно и только на вопрос «почему не пришел Кантор?» придумал уже четыре ответа, очень... гм... губительных для душевного равновесия.

– Он ужасен, – прокомментировал Макс, демонстративно повернувшись к кузену, как будто короля здесь не было.

– Нет, – безмятежно отозвался Дэн, рассматривая сей диковинный экземпляр с некоторым даже одобрением. – Во всяком случае, не ужаснее тебя.

– С Кантором ничего не случилось. – Не получив поддержки даже от любезного родственника, Макс все же перешел к делу. – За исключением того, что ему иногда надо и просто спать, а также того, что к нему прилетела Ольга.

– В Поморье? – Видно было, что радость Кантора Шеллар не разделяет, и Макс даже понимал почему.

– Ничего не поделаешь. Вынырнули чуть ли не над самой столицей. Остается утешаться тем, что вместе с ней прилетели два дракона, а это может оказаться полезным в случае чего.

– Вы предупредили Пафнутия? Элвис, полагаю, и сам догадался.

– Пафнутий тоже. Меры они приняли, но оба сейчас как на иголках. С погребками вопрос решается. Как прошла моя провокация?

– Успешно. А что сказали маги по поводу... четвертого варианта?

– Мнения разделились. Поровну. Боюсь, этот вопрос вам придется решать самостоятельно.

– Почему я не удивлен... – Шеллар горько усмехнулся и без необходимости поправил плащ. – Что ж... Из предложенных четырех вариантов меня не устраивает только один, который к тому же легко поддается коррекции. Помимо того, Азиль наверняка что-то знает, раз

сорвалась и ринулась сюда. И в довершение всего, ничего лучшего наши мэтры предложить не могут. При таком раскладе и выбора-то как такового нет. Остается только... как сказали ваши провидцы, «взаимодействовать». Чем я и займусь. Элвис там у себя шпиона вычислил наконец или до сих пор в носу ковыряет?

– Да, – кивнул Макс. – Решили пока не трогать, а по возможности использовать для передачи дезинформации.

– Замечательно. Тогда пусть почтенные мэтры подкинут Повелителю чрезвычайно секретные сведения о том, чего ему ни в коем случае нельзя делать. А то он, чего доброго, сам это сделать не додумается. Да и о вашей провокации неплохо было бы пару замечаний отпустить, а то наша контрразведка все еще сомневается.

– «Замечательно»? По мне, так лучше бы они как следует прижали этого сукина сына и выяснили, слышал ли он что-нибудь о вас!

– Это можно сделать позже. – Если его величество и опасался провала настолько, что даже видел в снах, на его лице эти тайные опасения не отразились. – Азиль главнее. Лишь бы Элмар не вмешался... У вас нет возможности как-то его задержать или направить в другую сторону?

– С одной стороны, можно попробовать, – неохотно отозвался Макс, исполненный сочувствия к несчастному первому паладину, мнением которого даже не поинтересовались, вовлекая его возлюбленную в смертельно опасные игры. – С другой... если вы помните, он тоже должен как-то... взаимодействовать.

– Однако на него почему-то не дается прогноза с четверной вилкой.

– Значит, там прогноз однозначен. Я могу уточнить у Ресса, если вам так уж важно знать все наперед, но исходя из самого первого видения роль Элмара – успешные военные действия.

– Все же уточните. Если его роль состоит в том, чтобы спасти Азиль после того, как она сделает свое дело, то хорошо, а если нет?

– Я понимаю: если его «взаимодействие» заключается лишь в том, чтобы надавать вам по лицу за авантюру с Азиль, вам это не понравится, – не удержался Макс. – Но не беспокойтесь, уточню.

Его величеству действительно не понравилось – лицо мгновенно превратилось в обычную для таких случаев маску ледяной вежливости, а голос зазвучал сухо и официально.

– Как там Кира?

– С ней все в порядке. Ах да, чуть не забыл еще одну новость. «Бойцовые коты» нашлись.

– Их нашла Кира? – Лед немедленно затрещал, и сквозь него пробились тревожные нотки – видимо, Шеллар не на шутку обеспокоился, представив себе, что может натворить его жена, получив под командование отряд спецназа.

– Нет, Ольга, – неохотно пояснил Макс, ибо опасения его величества полностью разделял, но поделиться ими, не выдавая расположения беглых королев, никак не мог. – Они попались ей во время очередного выхода.

– Где? – Шеллар немедленно сделался сосредоточен и деловит, словно и не он только что обиженно поджимал губы и не желал разговаривать.

– В западных степях. К тому моменту как их обнаружила Ольга, они уже определились со своим местонахождением и сейчас маршируют строем в сторону Такката.

– Прекрасно. Как дойдут, пусть там и остаются до особых распоряжений. Дана найдет им применение.

Макс молча кивнул, стискивая зубы, чтобы не проговориться. В конце концов, может, еще обойдется. После родов Кира вроде перестала совершать глупости, обрела прежнюю рассудительность и вспомнила о дисциплине, вряд ли она ринется воевать с кем попало, не составив прежде четкого плана действий и не согласовав его с союзниками. Да и командир «Котов»

наверняка мужик серьезный, на авантюру не поведется. Все обойдется. Если только... Ох, это «если только», похоже, никому не давало покоя последние дни...

Если вдруг что-то случится с Шелларом – никто не сможет точно предсказать, как поведет себя его молодая вдова, чего натворит обезумевший от горя кузен и даже что предпримет верный Флавиус, приверженный хинским традициям мести...

– Если здесь все, пойдем навестим Витьку, – предложил Дэн, видя, что пауза в разговоре уже намекает на его завершение.

– Да, конечно... вроде все, разве только его величество сейчас вспомнит еще что-нибудь, как обычно бывает.

– Мэтр, иногда мне кажется, что Кантор по сравнению с вами нечеловечески тактичен и доброжелателен, – не остался в долгу Шеллар и обратился к Дэну, словно каким-то образом чувствовал, кто из двух мэтров легче откликнется на его просьбу: – Прежде чем вы откланяетесь, не могли бы вы меня разбудить? Нет у меня желания этот сон досматривать, лучше я поработаю.

– Нет проблем, – улыбнулся тот и с силой хлопнул в ладоши.

– Ты хоть предупредить мог? – раздраженно спросил Макс, когда они, едва успев выскочить из королевского сна, двинулись дальше.

– А ты сам разве не видел, что я делаю? – безмятежно отозвался Дэн. – Или ты полагал, что я откажу этому бедняге в мелкой любезности, ничего мне не стоящей? В таком случае виноват ты сам. Вернее, твоя вредность, которую ты неосознанно пытаешься проецировать на других.

– Кошмарные сны – не повод жалеть людей, – огрызнулся Макс. – Тем более таких.

– А твое свинское отношение – очень даже повод.

– Что? – Макс даже остановился от возмущения. – Да ты хоть понимаешь, о чем вообще идет речь?

Дэн тоже остановился, повернувшись к нему лицом, и посмотрел в глаза. Тем особым беззаботно-спокойным взглядом, который страшно раздражал импульсивного кузена.

– Я прекрасно знаю о чем – мы же вместе обсуждали эту четверную вилку. И не хуже тебя понимаю, что, когда перед вами встала сложная этическая проблема, вы, могущественные маги, без малейших угрызений совести свалили решение на обычного человека, которому и без того несладко. А когда он принял его за вас, ты тут же осудил его выбор.

– А потому что я был против! И ничего ты в самом деле не понимаешь! Мы голосовали! И голоса разделились поровну!

– То есть как? Если в обсуждении участвовали только короли и придворные маги, как вышло, что их оказалось нечетное число?

– Да вот так – у Джоаны нет короля. Вернее, у нее есть внук-президент, но нет с ним связи, да и не интересуется никого его мнение, честно говоря, и тайны такого уровня я бы ему не доверил. Вот и получилось нас тринадцать. Кто виноват, что голос Шеллара оказался последним и решающим? Был бы он тогда вместе со всеми...

– И что бы изменилось?

– Я все равно против. Можно было потянуть время, поискать другой способ... Впрочем, повторять тебе всю нашу дискуссию нет смысла, проехали уже...

– Ты был против? – Дэн даже слегка удивился. – Кажется, раньше ты выступал безоговорочно «за».

– С тех пор кое-что изменилось. А, да что теперь говорить. Пойдем.

– Да, конечно. Только обрати свое бесценное внимание на еще один нюанс. Из всех вас – кстати, у некоторых народов тринадцать считается несчастливым числом – этот человек единственный, кто готов отвечать за свой выбор собственной жизнью. При том что такая перспектива для него реальна. На семьдесят пять процентов.

– Ты же сказал, что Ресс не дает вероятностей.

– Ресс не единственный провидец на свете. Я сходил к пятой верховной. Она рассчитывает. И вилка, и веер равновероятностны.

– Ну тогда пятьдесят.

– Нет, Макс, ты невнимателен. Ты разве не слышал, что он сказал? Один вариант его не устраивает, но можно скорректировать.

– ...! – Агент Рельмо выругался и опять остановился. Ну конечно же покойники ничего корректировать не могут, а вариант, где все живы и счастливы, всех устраивает и в исправлениях не нуждается... – Не может такого быть. Ты просто не знаешь его величество. Шеллар и самоубийство – вещи несовместимые.

– Он имел в виду не самоубийство, а ситуацию «только через мой труп». И говорил совершенно серьезно. И если я это понял, а ты нет – кто из нас хуже его знает?

– Ты видел его три раза, если не считать тот случай с головой. А я знаю с детства. Поэтому знаю-то его лучше я. Но ты почему-то лучше его понимаешь, а это немного другое.

Дэн помолчал, затем вдруг произнес вполголоса, словно опасаясь испугать кузена столь крамольной мыслью:

– Знаешь, он мне чем-то деда напоминает.

Макс не нашелся что ответить.

Собираясь на встречу со странной девочкой, Мафей так замаялся с выбором одежды, словно ему предстоял не деловой разговор, а любовное свидание. Нет, он вовсе не имел намерения потрясать недорослую даму ни эльфийской элегантностью, ни придворным шиком, ни иномирской экзотикой. Но в этом как раз и состояла главная проблема, так как все немногочисленные наряды, которыми принц успел обзавестись за прошедшую луну, грешили либо одним, либо другим, либо третьим.

Как назло, именно в тот момент, когда его высочество в горестных раздумьях созерцал свой гардероб, развешанный для пущей наглядности на спинках стульев, дверцах шкафа и крышках сундуков, демоны принесли Жака, который не преминул поддеть младшего товарища.

– Ты что, стирку затеял или на свиданку собрался?

– А на что больше похоже? – огрызнулся Мафей, раздосадованный подобным непониманием со стороны давнего друга.

– Вот на это и похоже, – усмехнулся шут. – Если тебе и правда надо принарядиться для дамы, лучше с Кантором посоветуйся. У него на эти дела нюх. Только учти – чтобы он посоветовал тебе что-то путное, ему придется про твою даму все рассказать.

– Да не надо мне принаряжаться! – раздраженно отозвался Мафей, который как раз решил действовать методом исключения и убрал в шкаф поморский кафтан как самое экзотичное из всех одеяний. – Мне, наоборот, надо одеться как-то так, чтобы я не походил на романтического героя из этого вашего кино. У меня будет деловая... или, вернее сказать, научная беседа, и я не хочу, чтобы девушка отвлекалась на мой наряд или заподозрила с моей стороны какие-нибудь ухаживания или там попытки произвести впечатление. Вот посмотри, как на твой взгляд, что из всего этого будет смотреться пристойно и нейтрально для человека из твоего мира?

Жак честно оглядел развешанные по комнате штаны, рубашки и разнообразные верхние одежды и столь же честно ответил:

– Ничего.

Мафей тяжело вздохнул и снова полез в сундук.

– Может, это? – в отчаянии предположил он, добыв оттуда измятый мундир Конфедерации, в котором путешествовал по Каппе.

– Ничуть не лучше. Твоя дама наверняка видела эти идиотские сериалы, и каппийские шмотки тоже будут смотреться романтично. Да и вообще... Не забивай себе голову, надевай что хочешь. Ты – эльф, и тебя хоть в мешок из-под картошки наряди, ты все равно будешь элегантен и романтичен. И со своей эльфийской сущностью ты ничего не поделаешь, хоть ты мантию надень, хоть камзол, хоть мундир этот каппийский... Кстати, его лучше не надо, ты в нем смотришься как юный кадет в самоволке, направляющийся в ближайший бордель.

– А в этом? – с надеждой спросил Мафей, прикладывая к груди вешалку с белой рубашкой и голубым камзолом.

Жак развел руками и беспощадно сообщил:

– Как принц.

– А в этом? – Мафей в отчаянии предъявил черный костюм, который не любил частично из-за мрачности расцветки, а главным образом – за претенциозность, ибо усматривал в ношении такой одежды недостойное подражание Шеллару.

– Зверски элегантен, – оценил Жак. – Девки штабелями попадают.

– Ы-ы-ы! – совсем по-детски взвыл бедный кавалер, в сердцах бросая наряд обратно на стул. – Что же мне надеть?! Может, попросить у Ольги ее старые джинсы?

Жак заверил, что в джинсах и камзоле его высочество будет смотреться особенно шикарно, заодно это исключит всякие намеки на ухаживание за дамой. Только пусть не высывается на улицу в этом наряде, а то все нетрадиционно ориентированные господа примут его за своего.

Мафей сердито запустил в него башмаком и уныло опустился на край стола.

– А о каких науках ты там собрался беседовать? – поинтересовался Жак, постепенно проникаясь сочувствием.

– Да о магии, разумеется, в каких еще науках я могу разбираться?

– Ну мало ли... А о какой магии можно разговаривать с моими соотечественниками, если... Постой, ты что, решил с Канторовой родней обмен опытом устроить? С Санькой, поди, вы с ней как раз по возрасту и уровню развития подходите?

– Да, только не... Придумал! – Мысль посетила его столь внезапно, что юный эльф оборвал фразу на полуслове и бросился к дальнему стулу. – Раз я иду туда как профессионал... ну только не смейся, я ведь почти уже полноценный маг, вот-вот бакалавра получу... то и выглядеть я должен как маг. Вот в мантии и пойду... Ну чего ты ржешь, а? Что тут смешного?

– Я представил, – простонал Жак, честно стараясь придавить невежливый хохот, – как сейчас мучается твоя дама, точно так же выбирая покрывшки... Если ты, парень, развесил тут свои полторы тряпицы, то представь, что сейчас делает девчонка, которой назначил свидание взаправдашний эльф!

– Да перестань, – оборвал его Мафей. – Она ведь знает, что я по делу!

– По-твоему, по делу юные девы должны ходить с немой головой и в мятых майках? Особенно когда к этому делу прилагается молоденький и до писка очаровательный эльф?

Мафей невольно представил себе маленькую кузину Кантора в роскошном платье с глубоким декольте, в бриллиантовом гарнитуре и с макияжем как у Камиллы.

И испугался.

Конечно, в следующий миг он отогнал эту мысль, посетовав на нездоровое воображение, но коварное предположение Жака сделало свое черное дело. До самого момента свидания его высочество не мог отделаться от назойливого вопроса: а и правда, как сейчас выбирает наряд девочка? И что она в результате выберет?

Печальнее всего оказался тот факт, что, увидев ее наряд воочию, Мафей так и не смог определить для себя этот самый результат. И как он сразу не подумал... Ведь чужой мир, другая культура, совсем иные смыслы могут вкладываться даже в знакомые вещи... Жак тоже хорош, не мог напомнить, что мантий тут не носят и он в ней будет смотреться как дурак...

– Симпатичный костюмчик, – сказал он, надеясь одним махом и комплимент отвесить, и что-нибудь про этот самый костюмчик выяснить.

– Школьная форма, – пожала плечиками Саша. Как показалось Мафею, слишком равнодушно, чтобы в это поверить. – Что поделать, если это единственная нейтральная одежда, подходящая для обоих моих возрастов. Остальные шмотки делятся на две категории: «пацанка» и «мечта педофила». А это у тебя что за плащ-распашонка?

– Мантия, – пояснил Мафей, чувствуя, как щекам вдруг становится горячо. – Ученическая. Словом, тоже что-то вроде твоей школьной формы.

– Угу, – коротко прокомментировала девушка и присела напротив.

Больше она ничего не сказала, но Мафей по одному лишь движению глаз понял – она что-то вычисляет и делает умозаключения. У Шеллара точно так же взгляд уходил в сторону и замирал, когда он что-то наскоро прикидывал в уме и обстановка не требовала это скрывать. Неужели тоже, со своей стороны, боялась показаться смешной в своем стремлении закадрить эльфа и долго мучилась, выбирая, что надеть, – так чтобы и выглядеть хорошо, и не вызывать у собеседника подозрений, будто специально для него принарядилась? И теперь смотрит на его, собеседника, мантию – и на кой он ее напялил? – и соображает себе в уме, что у кавалера те же проблемы... Тьфу ты! Лучше уж было то черное надеть...

– Ну давай, что у тебя за дело? – Малышка, похоже, и к разговору подходила так же, как кузен, деловито отрезая ненужные вступления и расшаркивания.

Сбитый с толку Мафей торопливо перепрыгнул через несколько заранее заготовленных вступительных реплик и выпалил:

– Я хотел поговорить о твоём возрастном феномене.

– Это не феномен, – сразу поскучилась Саша. – Это естественная реакция на сделанную в детстве глупость магического характера. И об этом я уже сто раз говорила с шархийскими магами, так что эти разговоры мне давно надоели.

– А с классическими магами не говорила? – Просто принять такой резкий облом было сложно, и Мафей решил зайти с другой стороны. – С Толиком или с господином Раэлом?

– Классические маги тут ни к чему, это наши родные заморочки. Может, немного смыкается с местным ведовством, но уж точно никакого отношения к эльфам.

– Я, собственно, к чему это все веду... – Вроде с этой стороны пошло лучше, может, удастся все же разговорить. – Этой зимой я столкнулся с похожей проблемой и хотел бы их сравнить и проанализировать.

– Ты что, тоже не растешь? – Глазенки юной ведьмочки широко распахнулись. Вроде зацепило...

– Нет, дело не во мне. Я познакомился с одной девушкой, у которой схожая проблема, только зеркально наоборот. Она выглядит на все свои девятнадцать, а разум у нее – как у маленького ребенка.

– Ну-у-у... – Интерес к вопросу мгновенно утих, Саша даже рукой махнула разочарованно. – Что тут интересного, таких умственно неполноценных без всякой магии пруд пруди.

– В том-то и дело, что нет! Ее смотрели и маги, и мистики, и прочие целители, и все соглашались в одном – это не умственная отсталость, а что-то другое, связанное с магическим даром. Ее дедушка неплохо разбирается и в ментальной магии, и в некромантии, он тоже говорит, что это не врожденное заболевание, не проклятие и не порча, а что именно – понять не может.

– А дядя Макс что сказал? – Взор девушки опять ушел куда-то вверх – значит, где-то внутри этой милой головки опять заработали невидимые счеты, отщелкивая версии.

– Астральных проклятий он тоже не нашел.

– А других отметин? Ты сказал, у нее магический дар? Какие-нибудь последствия игр с магией в детстве? Если бы это был откат, как у меня, дядя бы увидел.

– Тут вот такая проблема... Во-первых, Сила у нее классическая, как у меня или Толика. Во-вторых, сомнительно, как в четыре года можно так лихо поиграть с магией, чтобы заработать откат. Если я правильно понял, что означает это слово.

Мафей очень надеялся услышать объяснения, что это значит и как это правильно понимать, но Саша только качнула головой.

– Да, слишком сопливый возраст, чтобы сознательно напортачить. Но вроде в эльфийской магии можно благополучно себя угробить и неосознанными манипуляциями с Силой.

– Обычно от этого либо случаются стихийные бедствия и массовые разрушения, либо сгорает сам маг. Но Лола не похожа на сгоревшую. Скорее, в какой-то момент – вероятнее всего, в день, когда убили ее родителей, а дедушка вместе с ней едва спасся телепортом, – случилось что-то такое, что остановило ее развитие.

– Интересно... – задумчиво изрекла девушка, уставившись на поцарапанную столешницу. – Только вряд ли имеет отношение ко мне. Слишком все разное. Системы магии несовместимые. Время не совпадает на десять лет. Возраст не совпадает. Личное участие опять же – я себе откат заработала сама, она никак не могла. Кроме того, у меня все легко укладывается в магические традиции моей школы, и, когда все случилось, папа определил за минуту. Вернее, в чем выразится откат, сразу было непонятно, но никто не сомневался, что он будет. А у этой твоей знакомой пятнадцать лет разобраться не могут.

– Потому я и хочу разобраться!

– Ну это понятно, я бы тоже хотела. Только тут явно дело в чем-то другом.

– Может быть. Мне кажется, тебе просто не хочется рассказывать свою историю, поэтому ты категорически отказываешься связывать эти два случая. Я не настаиваю, но все равно думаю – что-то тут есть. Понимаешь, Лола, кроме всего прочего, еще и предсказывает будущее. Не очень внятно – во всяком случае, в тех областях, которые выходят за рамки ее понимания, – но есть у нее это. И она обронила, что все безобразие с возрастом у нее пройдет и к этому моменту ее ведет некая цепочка знакомств. Кто именно будет в конце этой цепочки, Лола не знает, как все произойдет – тоже, но едва появляется следующее звено, она объявляет, что ждала его. К сожалению, толком вычислить цепочку не получается – она предвидит массу неважных бытовых мелочей, в том числе новые знакомства, и попробуй разберись, кто тут по делу, а кто просто так. Последний раз, когда мы общались с ней на эту тему и я пытался вытащить из нее хоть что-нибудь внятное, она прошептала что-то о зеркале.

– Ты серьезно думаешь, что это обо мне?

– Может, она имела в виду, что ей подарят новое зеркальце или что она расквасит дедушкино рабочее с большим скандалом. Что угодно. Но я не буду знать покоя, если не проверю.

Точно так же загорались глаза у Шеллара, когда его посещала какая-нибудь гениальная догадка касательно решения безнадежной и почти заброшенной задачи.

– Ты хочешь, чтобы я отправилась с тобой... туда, в твой мир? – чуть ли не с восторгом прошептала Саша, как будто она об этом всю жизнь мечтала, и от радости аж голос потеряла.

– Ненадолго, – предупредил Мафей. – Туда и обратно.

– Конечно же надолго не получится, мне ведь в школу надо, а завтра еще и пятница, у меня дополнительные занятия... Давай в субботу? – И не успел Мафей удивиться такому внезапному энтузиазму, как причина тут же всплыла, сколько ни пыталась хитрая дева скрыть ее за нарочито-безразличным тоном: – Кстати, заодно я хотела бы повидать Жака, от Насти привет передать, спросить кое-что... Это можно будет устроить?

Пришлось пообещать. А то ведь возьмет да и не придет. И ломай потом голову...

Последний вопрос Мафей задавать не стал. Нет уж, если она мигом просчитала ситуацию с костюмами, неуместный вопрос непременно вызовет у нее желание докопаться до истинной подоплеки. Лучше поинтересоваться как-нибудь к слову, когда речь опять зайдет о нарядах и прическах.

Глава 3

*– Когда на этом корабле будет дисциплина? – сказал Быков.
А. Стругацкий, Б. Стругацкий*

Миры, порталы, камни, деревья, здания, руины, пустыни, джунгли, люди, звери и сомнительной разумности существа, не поддающиеся классификации, – все, что мелькало перед взором Харгана за прошедшие двое суток, смешалось в какую-то безумную киноленту, которая крутилась в его голове, стоило лишь опустить веки.

Надо было послушаться Шеллара и выспаться перед отбытием, но кто же знал, что поиск окажется таким утомительным, однообразным и скучным делом. Шаг в портал – ориентиры портала на месте прибытия – телепорт в Первый Оазис – по обстоятельствам либо ничего, либо перемещение непонятно куда – огорченная констатация промаха и телепорт обратно – сброс ненужных ориентиров – опять шаг в портал...

В теории после каждого промаха он должен был возвращаться обратно, но на такое счастье Харган не очень рассчитывал. Частые включения выбранного портала компенсировались очень коротким активным временем, и стоило хоть немного замешкаться с возвращением, как оно становилось невозможным. В какую-то из неудачных телепортаций путешественник оказался в пещере, полной крайне неприветливых и, видимо, голодных созданий, напоминающих слизней на ножках. Несмотря на то что перед путешествием Харган предусмотрительно наложил на себя невидимость, чтобы не отвлекаться на всяких перепуганных идиотов, никогда не видевших демонов и мутантов, пещерные жители проявили намерение отъесть гостю хвост и прочие конечности. Увы, невидимость никогда не действует на существ, лишенных зрения. Пришлось немного повоевать, ибо укорачивать хвост господина наместника имел право только Повелитель, а прочие конечности ему и самому были еще нужны.

Казалось бы, всего на пару минут отвлекся, но за это время портал успел отключиться, и пришлось ждать следующей активации, усевшись посреди портала, словно грак у крысиной норы. Ни отойти, ни уснуть, ни чем-нибудь заняться – а вдруг сейчас заработает. Только и остается – сидеть и думать, а мысли в голову лезут одна другой гаже. Особенно усердствует одна, самая мерзкая: а вдруг этот портал в этом мире бывает активен раз в сто лет и незадачливый спасатель именно в этот единственный раз вписался? И пока он будет тут ждать, а не дождавшись, искать другие пути, враги-злодеи еще что-нибудь сделают с беспомощным Повелителем, а то и вовсе найдут способ...

Когда Харган наконец объявился в знакомой лаборатории Первого Оазиса, занятые покраской стен рабы узрели нервного, невыспавшегося, голодного и очень злого демона с почти одинаковыми глазами, потому что левый, синий, покраснел так, что стал похож на правый.

Не удостоив перепуганных маляров вниманием, наместник пинком отворил дверь и отправился на поиски хоть кого-нибудь дееспособного, к каковым конечно же не относились ни рабы, ни охранники-халки, ни попадающаяся по пути всякая низшая нежить.

Первым он отыскал Кайдена, что оказалось приятным сюрпризом. Надо же, не сбежал и даже, кажется, делом занят. Что-то кому-то приказывает и выглядит не более отдохнувшим, чем путешественник между мирами. Если прочие так же усердно поддерживают порядок в отсутствие Повелителя – он напрасно думал о них хуже, чем следует...

– О, Харган вернулся, – устало и без особого удивления констатировал Кайден, заметив его присутствие. – Наконец-то хоть какие-то новости.

– А пропажа Повелителя для тебя уже не новость? – раздраженно рыкнул наместник.

– Ш-ш-ш, не кричи. – Кайден поморщился, словно у него разболелась голова от одной-единственной фразы. – Это давно не новость, но я постарался, чтобы об этом знало как можно

меньше народу. Ты же знаешь нашего любезного Танхера, наших верных старейшин и наших нечеловечески дисциплинированных командиров, которых Повелитель в пустошах наловил. Стоит им узнать – тут же начнется повальное дезертирство и дележ всего и вся. Поэтому я поддерживаю иллюзию, что Повелитель никуда не исчезал.

– И они верят? – поразился Харган.

Вот ведь, оказывается, – думаешь, будто знаешь человека всю жизнь и можешь легко вообразить, что он сделает в той или иной ситуации, а получается, ты знал его очень и очень плохо. А Шеллар еще рассуждает о «моделировании поведения» и прочих высоких материях... Хотя, возможно, он и прав. Возможно, наместник действительно не разбирается в людях и не умеет предсказывать их реакцию, потому что ошибся в прогнозах.

– Во избежание лишних проблем, – криво усмехнулся усталый куфти, – по официальной версии Повелитель сейчас в отъезде, исследует закрывшийся портал, а заодно ищет новый и отслеживает злоумышленников, напавших на склад и лаборатории. Чтобы наши доблестные приближенные не расслаблялись, он иногда приезжает проверить, как у нас тут дела. А на самом деле я вызываю к себе кого-нибудь из них и внушаю, что они только что видели Повелителя. Они уходят с уверенностью, что действительно его видели. Для полноты картины я еще внушаю случайно попавшимся под руку слугам или солдатам, будто они только что встретили Повелителя в коридоре или что он дал им какое-то пустяковое бытовое указание.

– А Нимшаст с Танхером чем заняты? – поспешил уточнить демон, уже почти смирившись с мыслью, что чокнутый лич забыл о своих личных проблемах и круглосуточно трудится на благо великого дела, а ушлый администратор в поте лица приумножает благосостояние Повелителя и за это время ни винтика не украл.

– Не знаешь ты их, что ли? – грустно вздохнул маг. – Нимшаст сначала бегал, как полозатиком ужаленный, искал не то Повелителя, не то предмет своих маниакальных стремлений. Потом его посетила мысль, что, раз исчез единственный человек, знающий, где этот предмет находится, теперь его никогда не найти и все пропало. По этому поводу наша «левая рука» впал в депрессию, закрылся в своих комнатах и недели две страдал на полную катушку. Что-то пил – только не спрашивай меня, что именно, я вообще не представляю себе, что может подействовать на это существо, – с надрывом и рыданиями исполнял печальные песни трагического содержания... ну, знаешь, такие, где все умерли... потом ему это надоело, и с тех пор он опять пребывает в непрерывных поисках своего филактерия. А Танхер – только не смейся, – даже будучи уверен, что Повелитель уехал недалеко и ненадолго, ухитрился толкнуть куда-то налево партию рабов. А потом еще объяснял, что мы все неправы, что он это не для себя, а для дела. Вояки усердно тренируются, несут патрульную службу и периодически дерутся из-за рабынь. Требовать от них объяснений, как они прозевали налет, я не стал, сам понимаешь – еще заметят, что Повелителя на самом деле нет. Найдется – сам потребует, и уж ему-то они объяснят от всей души, без всяких многозначительных взглядов и уточнений, перед кем они должны отчитываться, а перед кем нет. А ты как?

– У нас тоже проблемы, – сдержанно ответил Харган, не желая вдаваться в неприятные подробности раньше времени.

– Как ты сумел вернуться? Повелитель ведь не успел восстановить портал.

– Узнав, что случилось с учителем, я отправился через порталы наобум, чтобы поскорее его найти. Теперь у нас есть другой портал, правда, не знаю, где он находится, потом разберемся. Ты пока продолжай в том же духе, а я пойду проверю, чем заняты остальные, сделаю внушение кому потребуется... а потом... потом...

– Потом выпишься и поешь, – посоветовал Кайдэн. – Иначе от твоих поисков никакого толку не будет. Кстати, ты меня весьма обяжешь, если вправишь мозги Нимшасту и заставишь его хоть на время меня сменить. Мне тоже надо иногда спать, я пока еще живой.

– Посмотрим, – проворчал Харган. Затем спохватился, поняв двусмысленность сказанного, и добавил: – Я насчет сна. А пожрать что-нибудь прикажи. Пусть принесут... а где бы мне устроиться?

– Твой жилой бокс никто не занял. И от налета он не пострадал. Но объясни, как ты там, в своем мире, узнал, что случилось с Повелителем? И раз уж ты знаешь, куда он девался, скажи хоть мне.

– Его похитили! – Демон не смог сдержать негодования. – Недобитые маги из того мира как-то проникли сюда, похитили Повелителя и учинили здесь... Кстати, что именно они учинили?

Кайденом огорченно развел руками.

– Был пожар в главной лаборатории, где всегда работал Повелитель, и на складе, где хранились готовые приборы. Те, которые тебе обещали. Впрочем, приборы-то можно еще собрать, а вот кристаллы погибли все. Заново растить придется.

Харган, который так надеялся восполнить потерянный излучатель и еще пару штук добавить для усмирения севера и востока, едва унял поднимающийся из самого сердца приступ демонической ярости. Какая низость, какие сволочи, как можно было даже помыслить о том, чтобы так поступить с Повелителем и результатами его тяжелого труда!..

Торопливо попрощавшись с куфтийским магом, наместник резво зашагал прочь. Справляться с гневом ему удавалось все еще с трудом, и он всерьез опасался, что задержись он хоть на минуту – и ни в чем не повинный Кайденом разделит печальную участь брата Шеллара. Нет уж, лучше добежать до обиталища Нимшаста и, если случится, вывалить все на него. Во-первых, он заслужил примерную взбучку за свое депрессивное бездействие в критический момент, а во-вторых, ему от этого ничего не сделается.

Левая рука Повелителя правую, мягко говоря, недолюбливал. Частично оттого, что до появления Харгана сам был правой рукой и любимым учеником, а частично полагал, что мерзкий детеныш призванной нечисти нагло занял его, Нимшаста, место в сердце учителя. Учитывая ориентацию левой руки, а также ходившие среди куфти сплетни о том, что в молодости он был безответно влюблен в наставника, заявления насчет «места в сердце» выглядели весьма двусмысленно и где-то даже оскорбительно для репутации Повелителя.

Жилые боксы первых магов располагались по соседству друг с дружкой и относились к помещениям повышенной комфортности – до завоевания здесь обитали старейшины. Харган никогда не интересовался, в чем эта комфортность состояла и чем его бокс отличается от обычных, он просто пользовался жилищем по назначению: приходил туда спать и мыться, а также читал на ночь какие-нибудь полезные книги, коими вскоре завалил все свободное пространство. Жилищами соседей он не интересовался и в гости к ним не ходил, но не увидеть личные апартаменты Нимшаста мог разве что слепой, ибо левая рука обладал столь тонкой душевной организацией, что из малейшего промаха прислуги учинял вселенский скандал. При этом он обычно излагал свои сопровождаемые истерическими взвизгами претензии, стоя на пороге своей комнаты при распахнутой настежь двери, так что все проходящие мимо могли видеть старинный комод на гнутых ножках, кровать с балдахином, граммофон с тремя пластинками, занавески дикого кислотно-желтого цвета, кальян с облупившейся позолотой, всяческие ископаемые безделушки и прочие свидетельства любви хозяина к роскоши и, как он полагал, утонченности вкуса. Харгану его балдахины и занавески напоминали покойного президента Гондрелло, хотя следовало отдать должное Нимшасту – по сравнению с президентом он действительно являл собой образец вкуса. Суровые воины пустошей втихомолку смеялись над барскими замашками левой руки; перебежлые старейшины и часть особо зажавшихся командиров, склонных прихвастнуть и порисоваться, отчаянно завидовали. К роскоши и шику они тянулись инстинктивно, слабо себе представляя, как это все должно выглядеть, ибо принадлежали к восьмому или девятому поколению, выросшему в руинах, развалах, землянках

и палатках. Нимшаст, который успел пожить до Падения и даже получить благородное воспитание, почитался у них за знатока и авторитет в таких вопросах.

Харгану все это было интересно исключительно в познавательном смысле, а после визита в соседний мир эстетическая ценность облупленных сокровищ сильно пошатнулась в его глазах. Сейчас, пожив в настоящем королевском дворце, он уже не мог воспринимать их иначе как кучу барахла, не имеющую иной ценности, кроме исторической. Владелец же всего этого хлама, валяющийся в данный момент на плешистом ковре, изъеденном неведомой живностью, по глубокому убеждению Харгана, и такой ценности не представлял. Демон даже подозревал, что Повелитель завел себе новую правую руку именно по причине полной бесполезности старой.

Рядом с хозяином возлежал в прострации гость – один из свеженьких вампиров, кажется, кто-то из старейшин, только сильно помолодевший, из-за чего его трудно узнать. Еще чуть поодаль, уже за границей ковра, на голом полу, валялись в отключке двое живых молодых рабов разного пола, прикованные к ножкам знаменитого комода. В комнате невыносимо для чувствительного демонского нюха смердело потом, сортиром, тремя разными видами наркотиков, ацетоном, денатуратом и еще какой-то химией. Словом, условно покойные господа развлекались по полной, с легким сердцем наплевав на то, что их владыка и благодетель томится в плену, а дело всей его жизни разваливается на глазах.

Харган, который в первый момент хотел было начать разговор с хорошего пинка под ребра, немедленно передумал тратить силы на подобные глупости и двинулся дальше, в свою комнату, где лежала в шкафу тренировочная плетъ с серебряными нитями. И в тот момент было ему невыносимо жаль, что он не припас в том же шкафу хоть одной пары серебряных наручников.

Для начала гнева наместника отвел гость, который по воле неблагосклонной судьбы оказался ближе к входу. Первое же соприкосновение с болезненным металлом оборвало отдых истомленного вампира и исторгло из его груди сначала перепуганный вопль, затем (уже после второго удара) нецензурные угрозы. После третьего, разув наконец глаза и разглядев, кто перед ним, любитель изысканных развлечений с собачьим визгом бросился спасаться под кровать, и Харган злорадно переключился на хозяина помещения.

– Спим, значит! – проорал он, не сдерживая больше злость и возмущение. – Пьянствуем, трахаемся и валяемся под кайфом! Вместо того чтобы помочь Повелителю! Вокруг бардак и разгром, а левая рука весело проводит время и развлекается в свое удовольствие! – Не удержавшись, он все же пнул проснувшегося, но еще не вполне соображающего коллегу под копчик и постучал по столбику балдахина: – А ты живо вылезай, забирай рабов и вон отсюда!

Вампир проворно выполз из-под кровати с противоположной стороны и явил чудеса физической подготовки: приподнял тяжеленный комод, чтобы освободить прикованных, затем подхватил по телу на каждое плечо и, прикрываясь ими от возможной агрессии, резво поскакал прочь из комнаты.

– Ты что, последние остатки совести потерял? – Едва дождавшись, когда закроется дверь, Харган набросился на пробудившегося лича, уже не беспокоясь о секретности. – Напали враги, исчез Повелитель, ты об этом знал и даже пальцем не шевельнул, чтобы хоть как-то помочь! Ты преспокойно развлекаешься, и тебя даже не волнует, где он, что с ним, как он!..

– Неправда! – Нимшаст сфокусировал наконец расплывающиеся глаза и уяснил, что перед ним действительно Харган, неожиданно вернувшийся из иного мира. И что молодой демон очень зол, причем отчего-то именно на него. – Я так переживал пропажу наставника, что у меня случился ужасный стресс! Я был просто не в состоянии нормально работать! Ты бы сам попробовал что-нибудь сделать, когда беспросветная депрессия простерла над тобой свои черные крылья...

Харган поморщился. Левая рука обожал себя жалеть по поводу и без, но это еще можно было бы пережить, если бы его жалостливые монологи не сопровождались поэтическими красотами и излишним пафосом по отношению к своей особе.

– Пробовал! – безжалостно оборвал он намечающийся сеанс душераздирающих страданий. – И даже сделал! Тогда как ты тут отдыхаешь!

– Никто меня не понимает! – трагически всхлипнул Нимшаст. Для полноты образа не хватало только скупой слезы, стекающей по щеке, но тут уж «увы» – последнюю свою слезу он уронил еще до Перерождения. – Вместо того чтобы как-то поддержать, подбодрить, вытащить из пропасти, все только и думают, как бы меня больше унижить. Кричат, хамят, обвиняют во всем на свете, а едва вернется Повелитель – побежите вперед друг друга клеветать и науснивать...

Харган скрипнул зубами. Еще одним любимым порождением нездоровой психики левой руки была святая уверенность, что все вокруг обязаны носиться с ним и его нежной душой, «поддерживать» и «подбадривать» всякий раз, как он ощутит недостаток внимания к своей особе. «Поддержка» обычно выражалась в позорном сюсюканье, драматических сочувствиях и уверениях в том, как его все ценят, любят и уважают. Отказ от всех этих театральных действий считался верхом черствости и бессердечности, попытки заставить страдальца работать – злым умыслом против его несчастной особы, а жалобы Повелителю – клеветой и подсиживанием. Первые маги и прочие соратники одного ранга еще могли послать Нимшаста к шестиногим крокодилам с его претензиями, а вот подчиненным Харган не завидовал. Что занятно, ни на что иное, кроме себя, самого несчастного, обиженного и непонятого, безграничной жалости левой руки не хватало. Он запросто мог замучить насмерть раба, довести до нервного срыва подчиненного, даже, как выяснилось, бросить в беде самого Повелителя. Но при этом с упоением переживать о своем душевном равновесии и заставлять переживать о нем всех окружающих.

– Из-за вас у меня такая мигрень, такая мучительная боль... – окончательно заврался между тем страдалец. – Ты представить себе не можешь, что это такое...

Харган, который по собственному опыту мог в подробностях представить куда более болезненные вещи, озверел окончательно.

– У тебя не может ничего болеть, идиот! – прорычал он. – Ты нежить! Ты умер хрен знает когда! Вяленое мясо болеть не может! И вообще, как бы ты там себя ни чувствовал, спасение Повелителя важнее твоих депрессий! Сейчас же прекрати прикидываться, оденься и иди помоги Кайдену! Иначе про свои ужасные стрессы ты будешь рассказывать лично Повелителю, когда придется держать ответ, почему за целый цикл его левая рука даже не задался вопросом, куда он подевался!

Последняя угроза, кажется, возымела действие – Нимшаст малость протрезвел, вспомнил, что он есть такое и для чего вообще условно живет на белом свете, и задвинул свою вековую ипохондрию в дальний угол до более подходящего случая. Правда, он все же не удержался от комментария:

– Это пока ты живой, тебе так кажется. А у нас после Перерождения появляются заместительные псевдореакции.

– То, что лич и вампир ухитрились обдолбаться по самое некуда, хотя, по идее, на них ничего не должно действовать, – тоже заместительная реакция? – полюбопытствовал Харган. – Это иллюзия или что-то другое?

– Не знаю. Я не разбирался, как оно действует. Боюсь, если разберусь, действовать перестанет. Но точно знаю, что если просто так принимать, то не действует, а если накачать раба и выпить его крови...

Эта бредовая теория прекрасно объясняла состояние прикованных рабов и бокал в следах засохшей крови, но ничего более полезного Харган в ней не усмотрел.

– Дожили! Ладно вампиры, они так устроены, но с каких пор личу понадобилось пить кровь? Этак на твои развлечения рабов не напасешься!

– Между прочим, – наябедничал обиженный лич, – Танхер продал каким-то дикарям целый грузовик рабов, и ничего, а мне за одного-единственного... и вообще, чего ему сделается? Проспится, очухается и пусть дальше работает. А Клюв со своими головорезами вообще весь цикл не просыхали, но им почему-то можно, а мне скандал учиняют. И Кайден тут тоже своими делами занимался, мотался то в долину, то обратно. И ему тоже ничего. А я...

– Ты левая рука! – возмутился Харган. – Ты здесь должен был всем командовать в отсутствие Повелителя! Всем и всеми! Клювом, Танхером и Кайденом в том числе! И это ты должен был смотреть, чтобы они не пьянствовали, не воровали и никуда не мотались! Словом, не зли меня! Вставай, приводи себя в порядок и ступай на продуктовый склад, там Кайдену помощь требуется. Сейчас я еще Танхера с Клювом в чувство приведу, потом отдохну, а завтра будем вместе искать Повелителя.

Выпроводив Нимшаста на трудовые подвиги, Харган отнес на место плетъ и отправился в казармы. Общаться с оставшимися горе-руководителями ему не особенно хотелось – он был уверен, что сейчас еще раз выслушает историю о проданных налево рабах и многократных поездках в долину; что Клюв обязательно с видом оскорбленной добродетели спросит: «Почему Нимшасту можно, а мне нельзя?» – и подробно опишет все прегрешения левой руки; что вечно все про всех знающий Танхер ударит себя в могучую грудь и возгласит, что из выручки за проданных рабов не взял себе лично ни патрона, ни зернышка, ни капли бензина, а вот все прочие... И по секрету нашепчет в устной форме сорок два доноса на весь высший и средний состав поименно. Но встретиться с обоими все же следовало, хотя бы для того, чтобы они поняли – их вольной жизни пришел конец и даже в отсутствие Повелителя бездельничать им никто не позволит.

Значит, сейчас – разобраться с этими двумя, потом – мыться, есть и спать, а завтра... Завтра он с утра пораньше растолкает Нимшаста, привыкшего нежиться под своим балдахином чуть ли не до полудня, хотя сон ему на самом деле не требуется, затащит в лабораторию, и они вместе примутся за поиски. Куда бы злодеи ни спрятали похищенного Повелителя, два ученика обязательно найдут наставника. Тем более когда у него такая уникальная, ни на что не похожая аура.

Солнечным пятничным утром через восточные ворота в славный город Даэн-Рисс въехал угрюмый и крайне необщительный варвар.

Настроение у его высочества и в самом деле было скверное, а лишняя разговорчивость могла обернуться для него крупными неприятностями, из-за чего он предпочитал вообще не подавать голоса без достойной на то причины. Получившийся в результате образ нелюдимого хамоватого бирюка, дополненный надвинутым на пол-лица шлемом и покрывающей остальные пол-лица недельной щетиной, несколько компенсировал подозрительно породистого коня и слишком хорошее оружие. Тут уж Элмар ничего не мог с собой поделать – еще раз расстаться с Каштаном или бросить у чужих людей Доллегар, потенциально опасный для любопытных посторонних, было выше его сил.

Молодой и феерически наивный стражник попытался потребовать у него документы, над чем старшие сослуживцы заржали раньше, чем Элмар успел произнести естественный варварский ответ: «А что это такое?»

Вдоволь насмеявшись, просвещенные господа стрясли с глупого варвара соразмерную взятку и выписали ему «временную регистрацию», где в графе «цель приезда» горделиво значилось: «Нанимацца на службу». Заодно и посоветовали, где здесь нынче можно наняться. Элмар старательно вывел крестик в указанном месте и вслух позавидовал – вот, дескать, как

только попадется хорошая работа, непыльная и денежная, так непременно окажется, что там грамоту надо знать...

Довольные прибытком и бесплатным цирком стражники посмеялись, велели беречь документ и попрощались, пригласив напоследок заходить, если вдруг выучится грамоте. Варвар с серьезным видом отвечивал: «Вот еще!» – и с достоинством зашагал прочь по улице, ведя коня в поводу, – ему казалось, так он будет привлекать меньше внимания. Уж слишком заметно возвышался огромный герой на не менее огромном жеребце над прочими прохожими (и даже проезжими).

Путь его лежал в извилистые переулки Кишелки – района весьма негостеприимного и даже опасного для большинства горожан, к каковому первый паладин, по счастью, не относился. Лично ему вряд ли что-то могло грозить, а кошелек он, наученный горьким опытом, спрятал поглубже за пазуху, в собственноручно подшитый изнутри карман, где уже лежало изрядно помятое и не раз промокшее письмо. Из-за этого письма, ради которого его догнали уже на конюшне и уговорили подождать полчаса, Элмар и направлялся в Кишелку. Пообещал ведь передать лично в руки, письмо, сказали, важное. Странно, правда, почему «истинные патриоты» поддерживают связь с городом через такое подозрительное место, но с другой стороны – почему бы и нет? В таких кварталах и спрятаться можно, и убежать в случае чего сподручнее...

Переулок Кривопетельчатый оправдал свое название на первой же минуте поиска в его бесконечных извилинах дома номер шестнадцать. Если кто и думал поначалу, что оное название имеет отношение к виселице или вязанию, то быстро свою ошибку осознавал. Элмар сделал шесть или семь кругов по извилистым тропам Кишелки, прежде чем разобрался, что шестнадцатый дом – вон та избушка, похожая на голубятню, мимо которой он каждый раз проходил, считая вторым этажом дома номер восемь. А на самом деле улочка делает здесь петлю, из-за двух лестниц между десятым и двенадцатым и одной на самом перекрестке он оказывается двухуровневым, и шестнадцатый дом аккурат над восьмым. Пожалуй, настоящий варвар и не нашел бы...

Хозяин дома-голубятни, господин Скрайс, гостей не ждал – прежде чем открыть, долго и с подозрением изучал странного посланца через дверную щель и три раза переспросил, от кого письмо. Элмар уж хотел было сунуть конверт прямо в ту самую щель, за которой поблескивали настороженные мышьи глазки, и убраться отсюда, но хозяин все же соизволил открыть дверь и получить свою почту в руки. Разделавшись с неприятным поручением (если кто не видит ничего неприятного в доставке писем, пусть хоть раз попробует доставить их в Кривопетельчатый переулок), первый паладин развернул коня и уже уверенным шагом старожилы направился прочь из этого неуютного места. Дверь за его спиной быстро и шумно захлопнулась.

Передавая ему письмо, Гейран вроде что-то говорил насчет приютить и спрятать, если понадобится, но Элмар не стал ждать, когда господин Скрайс прочтет письмо и пригласит гостя пожить в его доме. Ему не нравился этот кривопетельчатый район, этот дом-голубятня и этот господин Скрайс, похожий на вороватую мышь, – маленький, настороженный, с бегающими глазками и постоянно двигающимися пальцами.

Элмар проверил на всякий случай кошелек за пазухой – тот оказался на месте – и задумался: где бы лучше всего остановиться? Так чтобы и не слишком шикарно для приезжего варвара, и не совсем уж клоповник, и на знакомых не наткнуться, и никого не подставить в случае чего...

А в это время господин Скрайс, дочитав письмо, огорченно охнул и высунулся из окна в надежде застать неожиданного посланца если не под дверью, то хотя бы в пределах видимости. Эх, если бы он хоть дверь перед носом не закрыл... Догонять поздно, да и вряд ли его высочество теперь вернется, обиделся, поди... Опять же привлекать лишнее внимание вла-

стей к своему жилищу было бы весьма неразумно. Помянув в огорчении три тыщи демонов и одного прокурора, господин Скрайс окликнул слонявшегося поблизости уличного мальчишку и, показав издали серебрушку, дал задание: догнать вон того варвара с лошастью, проследить, где он остановится, вернуться и доложить. Сам же возвратился в комнату, сел за стол, положил перед собой послание, пустой конверт и еще одно запечатанное письмо, вынутое из того же конверта. Еще раз пробежал глазами текст.

– Хм... брось в ящик для доносов... хитрый какой... а если меня засекут у этого ящика?.. Для собственного же блага лучше не вскрывай... И вправду, что ли, вскрыть? Или демоны с ним, вдруг там такая политика, что лучше не знать – целее будешь? Письмо мое сожги... Не, хитрый этот мистралиец, что жук, а все равно дурак. Щас вот прям так я и спалил компромат на него, ага...

Он выдвинул ящик стола и бережно уложил письмо в небольшой, запирающийся на ключ ларец. Туда же, по недолгому размышлению, отправилось и второе письмо, так и оставшись запечатанным. Взамен из ящика были добыты чернильница, перо и бумага.

Господин Скрайс еще раз взглянул в окно, за которым разгуливали чуждые политики и доносов голуби. Затем обмакнул перо в чернила и аккуратно вывел: «Верный слуга ордена спешит уведомить, что утром сего дня в столицу инкогнито, под видом варвара-наемника, прибыл из Лондры принц-бастард Элмар...»

Изучить головоломные закоулки Майольских погребов и выбрать в этом бесчисленном множестве тупичков и пещерок неприметное место для излучателя Шеллар с тщательно скрываемым злорадством поручил братьям Константину и Павсанию (первому – чтобы не был таким умным, а второму – ибо всех достал), повесив на них заодно и всю ответственность. Под предлогом того, что прибор их, вот пусть и заботятся, а то в Галланте бардак и безобразие, поручить некому. Как его задание будет выполняться, он знал заранее и не боялся, что братья отыщут неудобный для подкопа уголок где-нибудь с противоположной стороны. Поскольку брат Павсаний по прибытии немедленно займется дегустацией и от дел самоустранится, а брату Константину некогда будет изучать весь лабиринт знаменитых винных погребов в одиночку, он поступит как любой здравомыслящий человек: спросит совета у специалиста. То есть у смотрителя. Который уж позаботится о том, чтобы его собратьям пришлось как можно меньше трудиться над подкопом. В идеале – вообще не пришлось.

С вампирами тоже получилось удачнее некуда: брошенный на месте преступления коломет вызвал их живейшее любопытство, и давно мучивший Шеллара вопрос, как найти подход к сумрачным воинам, не знающим языка, да еще и обиженным на советника за всяческие ущемления, отпал сам по себе. Мигом и знатоки языка нашлись, и обиды на второй план отодвинулись. Если бы брат Павсаний не был таким заносчивым, если бы брат Константин догадался прикинуться добрее и глупее, чем есть, да спровадил делегацию по-хорошему, вместо того чтобы ссылаться на режим секретности и грозить карами за его нарушение, вампиры нипочем не пошли бы к Шеллару. Столкнувшись же с таким вопиющим непониманием, пораскинули мозгами и решили попробовать – может, хоть этот объяснит толком.

Шеллар принял делегацию учтиво и дружелюбно, уделил господам надлежащее внимание и конечно же все объяснил. Особенно подробно он остановился на измышлениях вражеской пропаганды, из-за которой брат Константин и отказался говорить на предложенную тему. Подборка всяческой клеветы, используемой врагами ордена для морального разложения его воинства, произвела на вампиров неизгладимое впечатление. Особенно когда в ответ на вопрос: «Значит, эта штука на самом деле ничем не опасна?» – советник многозначительно уставился в потолок и изрек: «Ничуть. Если только колья не из настоящей осины. Во всяком случае, на вашем месте я не стал бы проверять это на себе».

Вампиры оказались ребятами дотошными. Следующей же ночью они все-таки проверили. То ли жребий бросили, то ли нашли в своих рядах особо неприятного типа, которого не жалко, но один вампир из эгинской группы внезапно и бесследно исчез.

Днем спустя из лаборатории Харгана исчезла книга «Краткий практикум по некромантии», лежавшая на самом видном месте. Дело сдвинулось, и Шеллар уже начал придумывать предлог, чтобы поведать об измышлениях вражеской пропаганды живой части орденского воинства.

В тот же день состоялось давно намеченное переселение излучателя из дворцового лабиринта Гелиополиса в Майольские винные погреба в пригороде Лутеции. Операция происходила слаженно и четко и заняла чуть больше двух минут. Сначала переместили генератор, затем вампиров, а под конец сам прибор – он, кстати, оказался довольно компактным, не больше средних размеров шкафа. Установив все перевезенное, включая вампиров, на надлежащие места, излучатель запустили. После чего один телепортист вернулся в Эгину с ответственными лицами, а второй – в Ортан с Шелларом и братом Чанем.

– Вы чем-то обеспокоены, господин советник? – вкрадчиво поинтересовался глава департамента, едва лишь телепортист оставил высочайших персон наедине.

Шеллар с досадой отметил, что размышления о судьбе любимого наставника и прочих магов самым неподобающим образом отразились на его лице, и кивнул:

– От Харгана нет никаких вестей. Уж третий день как он отбыл, я начинаю беспокоиться.

Брат Чань отвел взор от окна, за которым вовсю зеленел дворцовый парк.

– Не рано ли?

– Если быть совсем откровенным, беспокоиться я начал с того самого момента, как господин наместник изволил поделиться своим планом. И не переставал до сих пор. Просто по мне это не всегда заметно. С вашего позволения... – Шеллар чуть приподнял вынутую из кармана трубку, сопроводив сей краткий жест безмолвным вопросом. Брат Чань кивнул и открыл окно. Дескать, травитесь на здоровье, глубокоуважаемый советник, не смею мешать. – Желаете чаю или кофе? – продолжал между тем Шеллар. – Или чего-нибудь покрепче?

– Нет, благодарю вас, – сдержанно отказался хин. – Я хотел поговорить немного о другом. Вот, взгляните.

Шеллар внимательно изучил донос, на этот раз не забывая удерживать на лице подобающее выражение. Нет, он, конечно, не ожидал, что кузен сможет долго скрываться в городе, где его знает половина населения, но все же надеялся, что опознание произойдет хотя бы не в первые часы по прибытии. К сожалению, анонимное послание не говорило об отправителе ничего, кроме того, что он человек небольшого достатка (судя по качеству бумаги), уверенно владеет пером, часто пользуется письменными приборами и содержит их в порядке, пишет довольно грамотно и строчить доносы ему не впервой.

– А что именно вы хотели обсудить? – с некоторым удивлением спросил он, откладывая наконец листок, из которого вряд ли можно было выжать что-то еще. – Мы ведь уже, кажется, все выяснили на эту тему.

– Простите, но выяснили мы только то, что его высочество следует сохранять в живых, пока Повелителю нужна его нимфа.

– Разумеется. И где, по-вашему, он будет в большей безопасности, нежели в надежно запертой камере? Вы ведь не рассматривали такой вариант, как оставить его на свободе?

– У меня была мысль последить за ним некоторое время – возможно, он попытается выйти на подполье и ему это удастся.

– Ну последите, действительно, вдруг получится. Хотя я бы особенно не надеялся. Такой выдающийся подпольщик, как мой кузен, которого выявили, едва он успел прибыть в город, провалит все, до чего дотянется. И если это понимаем мы, то Флавиус понимает еще острее, ведь это касается его личной безопасности. Словом, умный подпольщик не пойдет на контакт

с Элмаром. Единственная надежда – на то, что вам попадется какой-нибудь наивный юнец из низового звена, убежденный, будто великие герои велики во всем и их присутствие ценно само по себе. Можно попробовать. Но недолго. Элмар, хоть и неопытен в подобных делах, слежку все же может заметить.

– Я учту. И еще один нюанс. Можете что-либо посоветовать по... процедуре задержания?

– Да, конечно. Если кузен приволок с собой фамильный меч и этот предмет попадет вам в руки, не вздумайте пытаться достать его из ножен, да и за рукоять брать нежелательно.

– Я слышал о нем, но полагал, что все приписываемые ему волшебные свойства – легенды.

– Скорей всего, приписываемые – действительно легенды и с настоящими не имеют ничего общего.

– А каковы настоящие?

– К сожалению, мне не была доверена честь это знать.

– Как? Вы же были королем!

– Но не воином. Элмар обещал передать фамильный меч моим детям, если будут достойны. Я же, по его мнению, безнадежен как потенциальный кандидат и меч меня просто не признает за хозяина.

– А ваша жена?

– Она не родня нам по крови. Если захватите меч вместе с Элмаром, аккуратно и с почтением возьмите за ножны и принесите сюда. Я подарю его Повелителю. Он великий маг и сможет разобраться в закланиях, к тому же единственный, кто не пострадает от них, ибо бессмертен.

– Благодарю за предупреждение, брат Шеллар, но изначально я говорил несколько о другом. Хотелось бы провести арест предельно аккуратно, чтобы обеспечить сохранность объекта и не потерять при этом половину своих людей. Принц-бастард ведь наверняка окажет сопротивление, и...

– Понимаю, – перебил Шеллар. Трудно было бы не понять, что, если Элмара попытаются взять живым, потери будут куда больше, чем половина. Особенно если кузен вдруг решит живым не даваться.

– Возможно, стоит задействовать магов? Для нейтрализации...

– По мне, так проще задействовать одного вампира. В нашем распоряжении их полсотни, и едва ли не половина умеет насылать сон. Если Элмар и имеет при себе защитные амулеты, они все равно не действуют.

– Действительно, – согласился брат Чань. – Самое простое и эффективное решение. – Он помолчал, вновь найдя за окном нечто невероятно для себя интересное. Затем вдруг спросил: – Брат Шеллар, можно один нескромный вопрос?

– Смотря насколько нескромный, – усмехнулся Шеллар, прокручивая в голове разговор и пытаясь вычислить, действительно ли хитрый хин его шупает, или же ему только кажется и виноваты расшатанные нервы?

– Вас никак не трогает тот факт, что сейчас вы обсуждаете арест и, возможно, последующую казнь человека, которого прежде любили столь сильно, что позволяли ему пренебрегать долгом перед державой?

Неужели действительно шупает? Неужели заподозрил?

– Вот вы, – вопросом на вопрос ответил Шеллар, – до обращения на какую разведку работали?

– На хинскую, – чуть повел бровью глава департамента. – Но какое это имеет...

– А были у вас в то время родные, любимые и дорогие вам люди? Которые впоследствии не разделили ваших новых убеждений? И что бы вы чувствовали, оказавшись с кем-нибудь из них по разные стороны в разгорающейся битве? И отчего вам вдруг пришел в голову столь глупый вопрос?

Шеллару действительно было интересно – отчего? Но брат Чань так и не ответил.

– Взгляните, брат Шеллар, – вдруг сказал он, заинтересовавшись чем-то за окном. – Как занятно... Впервые вижу, чтобы женщины ломились в дворцовые ворота и спорили с охраной. Да еще такие молодые, красивые и бедно одетые.

– Уж не Камилла ли вернулась? – попробовал пошутить Шеллар, поднимаясь, чтобы тоже выглянуть в окно. – Не вынесла бедности и решила, что господин наместник при всех его недостатках все же лучше жалкого кучера?

– В таком случае она ужасно исхудала, – заметил глава департамента и подвинулся, чтобы дать советнику возможность самому оценить происходящее. – И, кажется, съежилась.

Шеллар высунулся из окна, всмотрелся, прищурившись, и понял, что ответ на тот мучительный вопрос, о котором столь яростно спорили короли и маги, ни в коей мере не зависел от их мнения и от принятого ими решения. То ли судьба, то ли некие высшие силы, то ли боги, в несуществовании которых Шеллар последнее время начал сомневаться, сплетали цепь событий на свой лад, из своих, одним им ведомых соображений.

– Брат Чань, – поинтересовался он, – вы умеете быстро бегать?

– Предположим, – уклончиво ответил глава департамента. – И?

– Поскольку я со своей ногой вряд ли смогу достойно с вами соперничать, вам сейчас придется пробежаться до ворот независимо от того, насколько быстро вы это умеете. Ибо та самая нимфа Азиль, которую мы с вами намеревались искать в Лондре, сейчас стоит у наших ворот и в любой момент может уйти, обиженная нашими доблестными стражами.

Брат Чань молча развернулся и без лишних вопросов ринулся прочь из кабинета. Шеллар чуть усмехнулся, представив себе, что учинил бы на его месте брат Павсаний, и бодрым шагом двинулся следом.

Он не слишком сильно отстал – когда он приблизился к месту событий, Азиль уже стояла по эту сторону ворот, оглядываясь по сторонам, будто что-то искала, а глава департамента весьма категоричным тоном что-то втолковывал солдатам, охранявшим ворота. Те в свою очередь предъявляли какие-то претензии и возмущенно махали руками. Обе стороны друг друга не понимали и без помощи Шеллара вряд ли до чего-нибудь договорились бы, поэтому он ускорил шаг.

Первой его заметила не участвующая в споре Азиль и конечно же с радостным криком бросилась навстречу. Шеллар едва успел предусмотрительно наклониться, чтобы она не повисла на нем с разбега и не опрокинула ненароком.

– Шеллар, ты здесь! – тут же защебетала она, расцеловав его в обе щеки и подпрыгивая от избытка чувств. – Ты жив, с тобой все в порядке, как это здорово! Когда меня не пустили в собственный дом, я сначала испугалась...

– Не бойся, дорогая, ничего страшного, поживешь пока во дворце... Я тебе потом все объясню, а сейчас подожди минутку... – Он высвободился из объятий прелестной нимфы и приблизился к спорщикам. – В чем дело?

– А чего он! – тут же загалдели солдаты, переключаясь с бесполезного главы департамента на понимающего советника. – Нам, значит, нельзя, а им так можно! Девка сама пришла, и мы ее уже почти уломали, а тут прибегает местная шишка и уводит! Как будто так и надо!

Шеллар демонстративно поскущел лицом и очень вежливо порекомендовал господам внимательно изучить наружную сторону ворот, а именно – верхнюю часть арки.

– А чего? – оторопел кто-то поглупее прочих.

– Да нет там ничего, – тут же доложил кто-то повнимательнее прочих.

– Да ну? – сердито оскалился кто-то поумнее прочих.

– Вот именно, – кивнул Шеллар. – Место рядового Нихха сейчас свободно. Там давненько никто не висел. Поэтому потрудитесь вести себя как достойные люди, а не самцы пустынного скалозуба в сезон размножения.

– А вам можно! – не унимался самый упорный.

– Нам тоже нельзя, – утешил его советник. – Лично я и пробовать не стану. Ибо если Повелитель узнает, что кто-то выпил Силу этой женщины раньше него, повешением на воротах за определенное место дело не обойдется.

– Да что ей сделается!.. – начал кто-то, и его тут же довольно резко перебили на середине фразы:

– Именно это и сделается. Вы, господа, молоды, необразованны, вы чужие в этом мире и слишком мало о нем знаете. Посему слушайте, что вам говорят старшие и знающие люди. – Шеллар повернулся к главе департамента и перешел на органский, давая понять, что разговор окончен. – Благодарю вас, брат Чань. Полагаю, разумнее всего будет поселить Азиль в одной из пустующих комнат дворца и поручить охрану... к примеру, кулаку Усима, его ребята уже имеют опыт и кажутся мне вполне сознательными и вменяемыми. Я их надлежащим образом проинструктирую во избежание недоразумений. Желаете лично проконтролировать?

Хин легонько качнул головой.

– Полагаю, брат Шеллар, вы справитесь сами. У меня еще много дел.

«Ну и хвала богам, вали отсюда, – невежливо подумал Шеллар, провожая главу департамента светской улыбкой и учтивым поклоном. – Как раз сейчас мне тут слишком умные свидетели без надобности. К тому же одним высшим силам ведомо, что может сболтнуть Азиль и что ей вообще известно».

– Пойдем, я провожу тебя в комнату, где ты будешь жить. – Он подхватил прелестную нимфу под локоток и мягко, но настойчиво повлек ее прочь от любопытных взоров охраны. – К вечеру или завтра утром я позабочусь о том, чтобы тебе доставили что-нибудь из одежды – ты оставила дома много своих вещей. Пока можешь умыться с дороги, отдохнуть и поесть. Я зайду к ужину, и тогда мы обо всем поговорим. Хорошо?

Азиль, как всегда, была со всем согласна, и все ее устраивало. Да, конечно, все прекрасно, поговорим вечером, а не знает ли Шеллар, как там Элмар, где он и что с ним? Ну да, конечно, потом, а когда ей можно будет увидеться с Повелителем? Да, хорошо, не сейчас, а когда? И где этот... ну такой, с крыльями? Он должен здесь быть...

У нее, как всегда, все было просто и понятно – вот так должно быть, и так будет правильно, а вот почему – попробуйте догадаться сами. А Шеллар торопливо тащил ее дворцовыми коридорами и с беспощадной ясностью осознавал, что в таких условиях его провал становится вопросом времени. Причем очень и очень короткого.

На этот раз исчезновение магии не вызвало такого переполоха и вселенского хаоса – к нему все были готовы. Мэтресса Морриган, кокетливо подергивая хвостом, подставила ладонь собеседнику, и вновь окрысевший мэтр Вельмир шустро взбежал по рукаву на плечо. Отсюда он мог с чувством полнейшей безопасности плевать на всех окрестных кошек и показывать им любые комбинации из пальцев.

Пушистого беленького кролика мэтресса мстительно поймала за уши и в таком виде понесла в гостевое крыло, где располагались апартаменты Галлантского двора.

Ворона ругательно каркнула и нахально потеснила на насесте королевского любимца. Берендей не возражал и даже проявил к невесте откуда взявшейся даме некоторый интерес.

Мэтр Силантий грустно потоптался по креслу, осмотрелся по сторонам, высунув голову насколько это было возможно, и, покоровшись судьбе, стал безропотно ждать, когда кто-нибудь придет и снимет его отсюда.

Мэтр Хирон прервал на полуслове консультацию, попятился совсем по-лошадиному и после секундной паузы закончил фразу тонким, словно извиняющимся ржанием.

– Ой... – сказала Ольга, которой так и не суждено было узнать, как правильно заваривать полезную травку, о которой шла речь.

Диего тоже высказался очень кратко, но вовсе не травки его так взволновали.

– Вот это мы попали... – добавил он после паузы, поглядывая то на коня посреди комнаты, то на дверь. – Как же его теперь отсюда спустить?

Ольга вспомнила, что их комната находится в одной из башенок и ведет сюда узкая деревянная лестница, довольно крутая, с крошечными площадками, словом, настолько неподходящая для выгула лошадей, что мэтр Хирон даже в обычном своем обличье, с руками, не рискнул по ней подниматься – воспользовался услугами местного придворного телепортиста. И вопрос, как его теперь спустить по этой лестнице, действительно выглядел весьма проблематично.

– Ты же говорил, это ненадолго? – вспомнила Ольга. – Может, пусть пока здесь поживет? А мы на это время переберемся куда-нибудь... Ну Мафея потесним или Жака. Или вон комната мэтра Вельмира сейчас пустует, ты сам говорил, что он в Лондру уехал, подальше от кошек, и ключ тебе оставил на всякий случай.

– Но ведь мэтры все как один сказали, что тебе нужен покой и никаких физических нагрузок! – обеспокоенно напомнил Диего.

– Но не настолько же все плохо, чтобы лежать не вставая! Такого мне никто не говорил, речь даже, помнится, шла о небольших прогулках. Я ведь не собираюсь таскать сундуки, только спущусь этажом ниже.

Мэтр шумно вздохнул, всем своим видом давая понять, как ему неловко за созданные хозяевам проблемы.

– Ну что вы, не стоит беспокоиться, – принялась утешать его Ольга. – Ничего страшного, нам не трудно, честное слово...

– Даже наоборот, все только на пользу обернется, – добавил Диего. – Пока в комнате мэтра Вельмира живем мы, можно не беспокоиться, что Мафей заберется туда в его отсутствие и чего-нибудь натворит.

Белогривый конь несколько раз быстро-быстро переступил передними копытами и мотнул головой, указывая на дверь. Дескать, поторопитесь, ребята, а то вы же знаете его высочество – запросто успеет раньше вас.

Ольга наскоро собрала кое-какие вещи из самого необходимого, вручила любимому мужу узелок, и они неторопливо – как и предписывали целители, – направились вниз по лестнице.

К несказанному их удивлению, ключ, который Ольга долго искала по мужниным карманам, ибо у самого Диего руки были заняты, не понадобился. Дверь была не заперта, а в комнате обнаружилась какая-то совершенно посторонняя девочка. Она сидела у стола, горестно подперев кулачком щеку, и отчаянно шмыгала носом – видимо, бедняжка пыталась справиться с подступающими рыданиями.

– Я все-таки оборву ему уши, – мрачно произнес Диего, бросая на кровать узлы и аккуратно прислоняя к стенке винтовку.

– Он опять взялся за старое? – поразились Ольга.

Последней добычей Мафея, насколько ей помнилось, была она сама, после чего мальчишка переключился на другие развлечения. Но наряд шмыгающей девочки, странный даже на Ольгин взгляд, недвусмысленно намекал на ее иномирское происхождение.

– Он же не знал, – всхлипнула девочка, не здороваясь, не делая попытки знакомиться и даже не интересуясь, о чем вообще речь. – Это тебе надо уши оборвать, а не ему. Ты же знал, гад такой, все знал и даже не сказал!

Ольга окончательно растерялась.

– Вы что, знакомы? О чем она говорит?

– А, ты с Жаком пообщалась? – догадался Диего, не торопясь что-либо разъяснять. – Так ты из-за этого реवेश?..

Девочка резко обернулась, зло сверкнув глазами:

– Нет, блин, я маленький ребеночек и плачу, потому что потерялась! Ты что, сегодняшний? Что, трудно было сказать? Знал же!

– Такие вещи порядочный мужчина должен говорить своим женщинам сам, – неожиданно ошетинился Диего, вмиг оставив всякие намеки на сочувствие. – Не перекладывать на друзей, не оттягивать до бесконечности, не пытаться избежать неприятного разговора. «Не люблю» надо говорить честно и в глаза. Особенно если к нему прилагается еще и «женюсь на другой».

– Как глубокомысленно! – ядовито огрызнулась девочка. – Как охренительно красиво и благородно! Скажи лучше, что ты трусливо увильнул от этой темы, чтобы меня не расстраивать! А я из-за тебя, как дура... – Она безнадежно махнула рукой и опять отвернулась.

– Сама могла догадаться! – мрачно проворчал Диего. Видать, в упреках девчушки содержалась изрядная доля правды. – Такая вроде умная и сообразительная, а отчего-то решила, будто Жак должен был запомнить десятилетнюю малявку, возлюбить по-взрослому и всю жизнь хранить верность в ожидании – а вдруг она явится. При всех его бесчисленных пороках он все же не педофил.

Девочка волчком крутнулась на стуле и уставилась на него так, что Ольга за долю секунды успела вообразить себе зверское умерщвление с последующим расчленением, но сказать никто ничего не успел. В комнату ворвался запыхавшийся Мафей, на ходу выдергивая из-за пазухи и разворачивая некую тряпицу.

– Вот, смотри, должно подойти... – начал он и замер, держа на вытянутых руках помятый ситцевый сарафанчик детского размера и веселенькой пасторальной расцветки, вопиюще дисгармонирующей с происходящим. – Ой, твою...

Диего злорадно (и, как показалось Ольге, даже с удовольствием) ухватил бедного эльфа за ближайшее ухо и с силой крутанул.

– Ты научишься когда-нибудь думать, что делаешь?

Малявка вскочила и, сверля «воспитателя» взглядом, от которого чудом не подохло все живое в радиусе ста метров, шагнула вперед. То была поступь неумолимой судьбы, то были шаги Каменного Гостя.

– Отпусти его, ты!.. – чужим, недетским голосом выдохнула она.

Ольга испуганно отступила на шаг, а Диего свободной рукой сложил свои любимые два пальца и язвительно ответил:

– Не работает. На кошках потренируйся.

Ухо, однако, выпустил. Мафей, сердито сопя, посулил отомстить, Диего в свою очередь – оторвать второе ухо и настучать наставнику, Ольга в который раз потребовала объяснений, грозная девочка сморщила носик и уже обычным голосом спросила, точно ли она должна это надеть и уверен ли Мафей, что ему удастся ее на это уговорить.

Мафей переключился на уговоры и понес какую-то околесицу о маскировке и мимикрии в дикой природе, Диего тоже сменил объект издевательства и коварно поинтересовался, предупредила ли гостя родителей. Та, разумеется, обиделась, ибо ни о каких родителях, как свойственно ее возрасту, даже не вспоминала. Об Ольге опять все забыли, и она поспешила о себе напомнить, еще громче, чем в предыдущие разы...

Видимо, на ее вопли и прибежал Александр – босиком, с обнаженным мечом в одной руке и почему-то с черепашкой в другой. А впрочем, может, и нет – вопили все одинаково, почему именно Ольга должна быть крайней?

Мужчины принялись извиняться и объясняться, а Ольга, улучив момент, потянула за рукав девчушку.

– Пойдем прогуляемся. Почирикаем.

Как ни странно, та не стала ни хныкать, ни огрызаться, а с нормальным детским любопытством направилась за Ольгой к лестнице. Мафей попытался остановить их невнятным «ы!» и потрясанием сарафанчиком, но Ольга только отмахнулась:

– Носи ты это сам. Все равно уже все видели, так что маскироваться поздно.

Глава 4

Примерно шесть часов в день Маленькая Баба-Яга училась колдовать. Ведь колдовство не такая уж простая штука, лениться в этом деле никак нельзя!

О. Пройслер

Харган ужасно не любил работать вместе с Нимшастом. Хотя Силы их прекрасно совмещались, а вернее сказать, были одинаковы, при их слиянии у демона непременно возникало некое брезгливое, гадкое ощущение, словно его окунули во что-то густое, смрадное и хлюпающее. И непонятно почему. Присутствие смерти в ауре левой руки здесь было совершенно ни при чем – Повелитель ведь тоже прошел Перерождение, но с ним Харган всегда работал нормально. Возможно, причина таилась всего лишь в том факте, что к учителю молодой демон привык и попросту не замечал негативных слоев ауры. А возможно, вся разница заключалась в личных качествах Повелителя и его левой руки.

Насколько было бы проще, владей они пространственным поиском хотя бы так же посредственно, как Повелитель! Можно было бы поставить зеркало и работать спокойно, без всяких этих совместных трансов, после которых хочется мчаться скорее в душ и отмываться хозяйственным мылом от макушки до кончика хвоста. Но увы, ни один, ни другой не умеют. Вот и приходится... Интересно, а как Нимшаст воспринимает ауру напарника? Возникает ли у него дискомфорт при слиянии Сил с демоном? Или просто с живым существом? Любопытно было бы узнать, но ведь попытайся спросить – мигом нарвешься на полуторачасовой сеанс жалоб на тяжкую долю и упреков в бессердечности.

– Да куда же они его дели? – утомленно проныл где-то над ухом ненаглядный сподвижник. – На Крайний Восток забросили? Или вовсе в Тулан?

– Не знаю. Не отвлекайся. Надо будет – и там проверим. Это где?

– Далеко. На других материках. Думаешь, мы дотянемся?

Харган стиснул зубы.

– Надо будет – дотянемся.

– Ты даже не знаешь, где это, а говоришь.

– Достаточно того, что знаешь ты. Но я думаю, эти пришлые маги тоже о таких местах не знают и спрятать там Повелителя никак не могли. Не ной раньше времени, мы еще даже область Конфедерации не прочесали.

– Так дальше уже ничего нет, там одни развалины и радиация. Не могли же они туда забраться, они ведь живые!

– Могли, – пришлось огорчить беднягу, а ведь он так надеялся, что на этом поиски можно бросить хотя бы до завтра. – У них есть какая-то защита от радиации.

– Не может быть!

– Говорю тебе, есть, мне маги рассказывали.

– Откуда?

– Их магия вообще наука очень оперативная. Как только гномы разрыли урановые залежи, пришлось изобретать что-то для защиты. И придумали, причем довольно быстро.

– И что, они могли под этой защитой до самой столицы допереться и разгуливать там по эпицентру, как у себя дома? А что же нам делать, если они и вправду его туда затащили? Ты эту защиту не изучил?

– Нет, к сожалению, некому было показать. Заклинание редкое, сам понимаешь, спрос маленький, не каждый год гномы уран находят. Я даже не знаю, насколько надежно оно защи-

щает и зависит ли степень защиты от дозы излучения. Может, в эпицентр они и не полезут, но проверить все равно надо везде.

За прошедший день они обследовали практически всю известную Харгану обитаемую территорию, но так и не наткнулись на след искомой ауры. Вернее, на след наткнулись, но это был всего лишь след, который мелькал и обрывался. Какое-то время Повелителя держали в Пятом Оазисе, но теперь его там нет. И след никуда не ведет – перемещали-то наверняка телепортом, надо заново искать, где еще зацепиться.

– Ты точно уверен, что здесь стоит искать? – опять принялся ныть Нимшаст. – Мы уже почти у самых Гиблых Тоннелей...

Харгану захотелось прервать на минутку поиски, выйти из транса и отпинать его как следует, но это отняло бы время и не принесло никакой пользы – что бы там ни рассказывал ненормальный лич о «заместительных реакциях», реакции на пинки у него точно не было. Даже заместительной.

– Туда еще тянуться и тянуться, – резко ответил он и вдруг почувствовал слабый, едва уловимый след. – Стой! Ты чувствуешь?

– Да, зацепили...

– Тянемся по следу! Это должно быть недалеко!

– Если только опять не пустышка, как в Пятом... – не удержал своего дремучего пессимизма Нимшаст, и Харган в очередной раз возжелал прибить страдальца, чтоб не мучился.

Он потянулся дальше, еще, след стал четче, различимее, вот уже и полная плотность, вот и ближний слой...

– Есть! – ликующе выдохнул он. – Нашел! Засаедем где – и туда!

– Ну засаедем, – уныло согласился левая рука. – Ну не эпицентр. Но тоже место горячее. Группу зомби послать, что ли?

Ну, мудрец! Ну, находчивый какой! Прямо словно сегодня на свет появился или никогда в жизни зомби не видел!

– А объяснять этой группе задачу будешь сам? Так чтобы они поняли? Неужели ты думаешь, зомби справятся с таким сложным заданием? Нет, собирай всех вампиров, каких найдешь, вооружайтесь чем только сможете и двигайте туда. Командовать будешь сам. И будь осторожен – там может быть засада, охрана, что угодно.

– Ну вот, – горестно вздохнул Нимшаст. – Как кого-то послать в зараженное место, где может сидеть засада, так сразу меня!

– А что мне, живого кого-то послать? – рассердился Харган. – Чтобы он там окошел на полдороге? Вот вам с вампирами радиация не страшна, вы и отправляйтесь.

– Пешком? – ужаснулся горе-спасатель.

– Нет, пешком долго будет. Ты засек место?

– Да.

– Тогда выходим, берем карту и смотрим. Насколько сильно это местечко фонит, и как до него лучше всего добраться.

Как всегда после совместной работы с Нимшастом, по выходу Харган первым делом ощутил потребность забраться в душ и отмыться от той склизкой мерзости, из которой только что вынырнул, но времени было не настолько много, чтобы уделять его своим воображаемым переживаниям. Усилием воли напомнив себе, что его ощущения не имеют ничего общего с реальностью, он с трудом поднялся с рабочего стола Повелителя и поковылял к карте, заранее приготовленной и висящей сейчас на стене поверх таблицы химических элементов. Сколько же они так пролежали? За окном уже темно, все тело затекло и отказывается повиноваться...

В двух шагах от него поднялся с пола Нимшаст, постанывая и жалуясь, что отлежал себе спину, что его бессовестно унизили, положив на коврик, как собаку или раба, и вообще он мог простудиться на холодном полу...

– Показывай! – прорычал Харган, удержавшись от пинка единственно потому, что ноги все еще плохо его слушались.

Страдалец добрел до карты с таким видом, будто у него и в самом деле что-то могло болеть, и ткнул высушенным пальцем куда-то чуть ниже Гиблых Тоннелей.

– Вот тут.

– Ближайшие известные тебе ориентиры?

Палец спустился еще ниже.

– Если получится. Ориентиры еще довоенные.

– Если не получится, я тебе голову откручу, и будешь носить ее под мышкой. Бери вампиров, машину, и вперед.

– Там не проедет машина. Представь себе, что там творится. Ты был когда-нибудь в развалинах?

– Ну возьми вертолет.

– А кто его поведет? И сколько вампиров в него влезет?

– Да ты можешь хоть такие мелочи решить без наставлений?! – взревел Харган и грохнул кулаком по столу так, что на цинке образовалась вмятина, а на костяшках пальцев – ссадина. – Пошли!

Четверть часа спустя правая рука Повелителя стоял перед строем вампиров, коих, к его удивлению, оказалось намного меньше, чем в соседнем мире на охране излучателей, и задавал свой вопрос:

– Кто-нибудь из вас умеет пилотировать вертолет?

Депрессивное отвращение после слияния Сил быстро куда-то ушло еще во время последней перепалки с Нимшастом и сменилось лихорадочным возбуждением, которое часто охватывало Харгана перед сражением или при приближении к цели.

Ответа не последовало, только где-то за спиной обреченно вздохнул Нимшаст:

– А я что говорил?..

– Кто умеет летать сам, шаг вперед, – скомандовал Харган.

Мало, ой как мало... Если в самом деле придется сражаться... Эх, ну хоть бы один излучатель уцелел, как был бы кстати... Знал бы, оттуда с собой один захватил бы... Или хоть кристалл вынул...

– А я тоже не умею летать... – раздалось за спиной.

Не обращая внимания на это пораженческое нытье, Харган отдал следующий приказ:

– Вызовите сюда пилотов. Всех. Весь состав.

Еще через четверть часа перед ним стоял строй пилотов, столь же немногочисленный, как и предыдущий, а чуть в стороне отдавал честь командир Шему, вперившись в наместника преданным взором.

– У нас есть машины мощнее «стрекоз»? – Харган уже не задумывался над вопросами, он давно знал, что и как должно быть сделано, и его несло от слова к слову, от действия к действию, словно он поймал восходящий поток.

– Один грузовик, – доложил Шему. – Не очень надежный, из реставрированных, но на ходу.

– Сколько пассажиров может поднять?

– Не больше десятка.

– Сколько пилотов нужно для управления? Теоретически один может справиться?

– Так точно.

– Хорошо. – Харган кивнул офицеру и перевел взгляд на строй. – Мне требуется один доброволец на досрочное Перерождение. – Он уловил смятение и настороженность в глазах потенциальных добровольцев и добавил: – На вампира. Для задания особой важности Повелителю нужен вампир, умеющий пилотировать вертолет.

Последняя фраза была лишней – весь строй шагнул вперед еще на предпоследней. И командир вместе со всеми. Что значительно упрощало дело.

– Шему, – на всякий случай уточнил Харган, – ты справишься с управлением? Не разучился за последние полтора года?

– Я летаю до сих пор! – с некоторой даже обидой в голосе отчитался доброволец.

– Хорошо. Твои слова – твоя ответственность. Все прочие живые свободны, ты следуешь за мной. Будет немножко больно...

Еще через два часа слегка ошалевший от происходящего свеженький вампир стоял на крыше и не совсем вменяемым взглядом следил, как грузятся в вертолет упыри, таща за собой ящики с боеприпасами. Рядом стоял Нимшаст и по обыкновению ныл, что свежеподнятого вампира нельзя посылать на ответственные задания, что им требуется несколько суток, чтобы осознать себя и полностью очухаться, что они непременно разобьются, потому что ночные полеты требуют особого внимания и мастерства...

– Не разобьетесь! – огрызнулся Харган. Теперь, когда Повелитель был уже практически найден, любое промедление казалось ему кощунственным и он не согласился бы ждать даже до рассвета, не то что несколько дней. – Командир Шему – боевой офицер, а не придворная дама! Он справится. А разобьетесь – пойдете пешком. Насмерть вам все равно не убиться при всем желании.

Шему сделал попытку улыбнуться и в который раз невольно потянулся ладонью к лицу – пощупать.

– Ничего, клыки всем поначалу немного мешают, потом привыкнешь! – хохотнул кто-то из вампиров.

Харган развернул карту.

– Смотрите сюда. Вот точка выхода. – Он указал на место, в котором Нимшаст опознал довоенные ориентиры. – Вот точка назначения. Будьте внимательны – возможна засада. Стрелять на поражение без предупреждений, вражеские маги могут быть опасны даже для вас.

– А цель операции? – уточнил летчик.

– Поисково-спасательная, – уклончиво ответил Харган. – Ваша цель – переброска. За остальное отвечает Нимшаст. Он знает, что и где искать. Задача всех остальных – прикрывать вас обоих. Вопросы есть?

– А если я его там не найду в темноте? – не унимался левая рука.

– Еще раз войдешь в транс, – отрезал Харган. – На таком расстоянии ты и без меня справишься. У кого-нибудь, кроме Нимшаста, вопросы есть? Начинай телепорт.

– А если вертолет не влезет?..

– Тогда я тебе откручу не только голову, но и кое-что еще! – заорал демон и все-таки пнул окаянного пораженца под зад.

Еще через полчаса он сидел у рации и старался не подавать виду, что растерян не менее тех, чей доклад сейчас слушает.

– Никого тут нет, – уныло излагал ответственный спасатель. – Ни засады, ни охраны, ни Повелителя. Бродит зигзагами одинокий зомби с коробочкой в руках, бормочет что-то невнятное.

– Давай его в третью лабораторию вместе с коробочкой и ищи дальше, – приказал Харган и поспешно отключил рацию, пока Нимшаст еще на какое-нибудь несчастье не пожаловался или не спросил в очередной раз, как искать и что делать, если не найдет.

До лаборатории номер три он почти бежал – и не потому, что оставленный без присмотра зомби мог что-нибудь сломать или разбить, а потому, что его несло все тем же восходящим потоком – скорее проверить, выяснить, найти...

Зомби этого он видел в первый раз, и ни на кого из знакомых добыча не походила. Но магию Харган ощутил с первых прикосновений. Знакомое авторство, очень знакомое... и запоминающееся, полтора цикла в коме так быстро не забываются...

– Ты кто? – быстро спросил он, не желая тратить время на долгие разговоры с низшей нежитью.

– Я Джо, – тупо отозвался зомби.

– Что ты делаешь?

– Я иду.

– Куда идешь?

– Приказ: занести это в тоннели и бросить в самое глубокое место. Не могу найти вход.

Харган не раздумывая рванул из-под стола пустое ведро и протянул бестолковому посланцу.

– Ты уже на месте. Можешь бросать. Это и есть самый глубокий провал.

Зомби бесстрастно бросил свою коробочку и замер. Задание было выполнено, а что делать дальше, ему никто не приказал.

– Выйди за эту дверь, – велел Харган, для лучшего понимания указав на нужную дверь, – встань у стенки и жди.

– Хозяйка, – сообщил зомби, не двигаясь с места.

Ну да, с чего бы ему слушаться приказов посторонних, если у него есть «хозяйка»...

– Встань у стенки и жди хозяйку, – скорректировал указания Харган. – Она придет и скажет, что делать.

Поддействовало. Зомби неторопливо потопал в коридор, а демон осторожно сунул руку в ведро и достал вожаденную коробочку. Да. Все верно. Не показалось. Но как?..

Он быстро окинул взглядом подставку с ритуальными ножами. Нет, не возьмут... не консервная банка, хорошая сталь... в мастерские надо идти... И там аккуратно вскрыть... так, чтобы не повредить Повелителю... но как, как они упихнули его в эту коробочку?..

Уже в дверях его перехватил запыхавшийся радист. Пришлось опять зайти в пункт связи, выслушать сообщение Нимшаста, что след опять пропал, и объявить отбой.

В мастерских должны быть инструменты для резки металла. А если не найдется здесь – в соседних Оазисах есть заводы, уж там точно нужные станки имеются...

Дверь в последний раз захлопнулась, и наконец наступила тишина. Мафей и его гостя осторожно переглянулись и одновременно тихонько вздохнули.

Кажется, на этот раз все закончилось.

Его высочество смущенно пригладил волосы, которые почему-то сами собой встопорщились и превратились в неаккуратную копну. Саша почти одновременно повторила его жест, но ее прическе это точно так же не помогло – нашкодившие подростки по-прежнему выглядели как два взъерошенных воробья, чудом вырвавшихся из дядюшкиного кошатника, куда сдуру залетели в поисках крошек.

Позорище... Если бы Ольга была хоть чуточку не такой невезучей и не наткнулась на дядюшку всего одним этажом ниже... Или если бы хоть кто-то знал, что прогулки по территории запрещены из-за угрозы нападения, и отправил девчонок наверх, а не вниз... И если бы один бестолковый эльф хоть чуточку складнее умел врать... И вообще, если бы демоны не принесли дедушку, все обошлось бы намного тише... А так – каждый, кто пробежал мимо, счел своим долгом проехать по интеллектуальным и нравственным качествам принца Мафея, и все вслух, громко, неуважительно и в присутствии дамы... Даже дядя на этот раз изменил своей обычной бессловесной манере и изволил высказаться. Добавить ко всему этому скандалу перетаскивание кроватей и сундуков, а также апофеоз сегодняшнего безобразия – спуск лошади по ступенькам на плечах двух богатырей из дядюшкиной личной охраны... Неудиви-

тельно, что бедная девочка тоже сидит пришибленная, хотя ее никто ни в чем не упрекал... Кроме Кантора, конечно, но ее он хоть за уши не хватал, и на том спасибо.

Саша еще раз вздохнула и обреченно произнесла:

– Папа меня изничтожит.

– Может, мы как-то уговорим Кантора тебя не сдавать? – Сам Мафей был безутешен, поэтому попытался утешить хотя бы девушку. – Ну что он, не поймет?

– Да не в том дело... – еще горше вздохнула Саша. – Он-то, может, и поймет, но если меня несколько дней не будет дома, папа это все равно заметит. И как я потом свое отсутствие объясню, уже не особенно важно. А если я еще и из-за щитов буду объяснять, это будет только доказательством, что я вру.

– Ты в самом деле его не предупредила?

– Ну да! А если б он меня не пустил?

Тут она была права, как ни крути. Мафей и сам давно усвоил, что спрашивать разрешения на сомнительные, с точки зрения старших, деяния губительно для любых планов. Мало того что запретят, так еще и проследят, чтобы не проделал желаемое без разрешения. Лучше уж не спрашивать – так хоть есть шанс, что не заметят. А если и заметят, за сделанное без спросу все же накажут не так, как за нарушенный запрет.

– Прости, пожалуйста, – пробормотал принц, виновато отводя взгляд. Маленькая ведьмочка единственная из всех ни в чем его не упрекнула, хотя опять же единственная из всех имела для этого основания. – Я ведь не знал, что такое может случиться. Как всегда, все всё знали, а мне никто ни слова не сказал, не дорос, видите ли...

– Да что уж теперь... – Саша махнула рукой и опять умолкла, уставившись в стремительно темнеющее окно.

Пока они говорили, в комнату незаметно вползли сумерки, выпуская из углов прятавшиеся днем тени, размывая очертания предметов, скрывая лица и превращая собеседника в условный силуэт, похожий на фантомы в тире Шеллара.

– Как только с этим разберутся, я сразу же верну тебя домой, – пообещал Мафей, не зная, чем еще утешить бедняжку. – Хочешь, я сам пойду к твоему папе и все ему объясню? Хочешь, я скажу, что ты не виновата, что ты ничего не знала, что я пригласил тебя в одно место и не предупредил, что оно в другом мире?

Девушка подняла взгляд, и ее глаза блеснули в полумраке особой, ведьмовской, искоркой. Точь-в-точь как год тому назад в этот же самый день... вот ведь, бывают же совпадения... Или это не просто совпадение и стоит поискать в нем скрытый смысл и определенную закономерность?..

– Мой папа запросто может поймать твои мысли точно так же, как мысли любого другого человека, и то, что ты маг, ему в этом не мешает. К тому же ты не умеешь убедительно врать.

– Что, настолько? – не удержался Мафей. Слишком уж было обидно. – Мы общались всего ничего, и тебе я даже не пытался врать, но все же ты успела заметить, что я этого не умею?

– Достаточно было один раз послушать, как ты пытаешься объяснить ситуацию своему дяде, – пожала плечами Саша. – Да и что тут странного, ты же эльф. Это естественно – вам не дано складно врать, но взамен вы умеете тонко чувствовать неправду.

– Как не дано? – Личный опыт Мафея вопиюще протестовал против подобного утверждения. – А Толик? А господин Раэл? Вот уж кто врет как дышит!

– Толик психологически почти чистый человек, – пояснила девушка. – То, что он долго жил среди эльфов и перенял многие их воззрения, не делает его одним из них, так же как и его уши. Он всего лишь человек, хорошо знающий и понимающий эльфов. А Раэл, думаешь, от природы умеет упаковывать откровенную ложь в красивые слова и вежливую улыбочку? Он этому человеческому искусству специально и старательно учился много лет, потому что оно

необходимо для карьеры дипломата. Ты еще каких-нибудь эльфов знаешь или только с этими исключениями знаком?

Мафей вспомнил Хоулиана и вынужден был признать, что этот господин уж точно исключением не является – что подумал, то и сказал с милой детской непосредственностью. А если и попытается из вежливости или сочувствия сказать не то, что думает, – у него это получается ничуть не лучше, чем у самого Мафея.

– Если господин Раэл научился, то и я смогу, – решительно заявил он. – Жаль только, что на это уходит много лет.

– Да уж, до встречи с моим папой никак не успеешь, – невесело засмеялась ведьмочка. – Да и бесполезно – мысли все равно не спрячешь.

– Ну все равно... Даже если я не буду обманывать, а честно ему все объясню...

– Вряд ли понадобится. Ему Диего все честно объяснит сегодня же ночью, и твоя помощь уже будет лишней.

– Тогда хотя бы извинюсь.

Она не ответила. Оглядела комнату, задерживаясь на особо тенистых углах, всмотрелась в его лицо – странно как-то, словно силилась там что-то уловить и ничего не увидела.

– Может, мы тут как-нибудь свет включим? – произнесла она наконец, оставив предыдущую тему беседы тихо помирать в забвении. – Или там свечку зажжем, керосинку, чем у вас пользуются? Я не боюсь темноты, но не умею в ней видеть.

– Ой, извини, – спохватился Мафей и бросился к каминной полке, где стоял подсвечник. – Я совершенно забыл... Мне казалось, что еще не темно... Тебе не холодно? Может, затопить камин?

– Нет, – донеслось из-за спины. – Если только меня не заставят при такой температуре снять штаны и куртку и нарядиться в этот дурацкий сарафан, который ты, наверное, снял в темном углу с какой-нибудь младшей помощницы ученицы кухарки.

– Нет, я его с веревки спер, – признался Мафей, чиркая спичкой. – Глупо, конечно. К нему все равно надо еще рубашку, и кофту, и обувь... И вообще надо его вернуть. Спешить теперь некуда, завтра я для тебя поищу пристойную мальчишескую одежду. Если тебе еще что-нибудь надо, ты говори, не стесняйся. Может, отдохнуть хочешь? Или кушать?

– Ты после сегодняшнего хочешь кушать?

Пришлось честно помотать головой. Как раз после сегодняшнего скандала провинившемуся принцу кусок бы в горло не полез.

– Разве что выпить, – столь же честно признался он, поразмыслив и прислушавшись к своим ощущениям. – Но лучше этого не делать. Потому что мне сейчас так паршиво, что стоит начать, и я не удержусь, налагаюсь хуже Элмара. А тебе придется потом общаться с тем, что получится, и ночевать с ним в одной комнате. Разве что составишь мне компанию...

Гостья наставительно постучала себя по лбу.

– Я же не только выгляжу так, у меня организм детский по всем параметрам. Ты б мне еще дорожку предложил или пчелку.

– Разве что косяк, – развел руками Мафей, надеясь обратить неловкость в шутку. – Но за ним придется сбегать...

– Куда-нибудь в соседнюю страну, где мы так и не побывали, – поддела его Саша. – Вот если бы вы мне сразу сказали, что нечего мне переться в гости к Жаку, делать из себя дуру и ставить его в неудобное положение, мы бы, может, и успели все, что задумали.

Высшие силы, ей тоже было плохо, ничуть не лучше, чем ему, и она все еще старалась как-то это скрыть...

– Ты ведь мне тоже не сказала, зачем хочешь его видеть. Если бы я знал... я бы сказал, меня всякие бредовые мистралийские завихрения «чего мужчина должен» не посещают.

– Я думала, ты сам заметил. Дурацкая подсознательная накладка, будто всем свойственно то же, что и мне. Умом понимаю, что нет, но, когда дело касается таких переживательных моментов, напрочь все вылетает...

– Э-э-э... чуть понятнее можно? – попросил Мафей, надеясь хоть немного разговорить девушку на тему ее магических способностей.

– А, забудь... Ты все равно не виноват в том, что я навбивала себе в голову всякой ерунды.

– Я просто подумал: если буду хоть немного знать о том, что тебе свойственно, то смогу учитывать это... ну, в следующий раз... если он будет... понимаешь, все-таки хотелось бы довести до конца...

– Да уж конечно, раз я здесь застряла, пусть хоть не зазря будет. Как включится у вас магия, перед отъездом домой обязательно наведаемся к этой твоей аномалии. Мне уже и самой интересно. А если еще и папе рассказать, он может заинтересоваться и хоть чуть-чуть отвлечься от меня.

– Я обязательно ему все расскажу и спрошу его совета. Но все же хочется чуть подробнее о том, почему из твоих способностей следует, что я должен был сам заметить... ну ты понимаешь... Я просто не улавливаю связи.

– Объясняю понятно, – изрекла Саша, и Мафей вдруг ощутил навязчивую уверенность, что сейчас она примется набивать трубку. – У каждого шархи есть какая-нибудь способность к восприятию и к воздействию по отношению к другим людям... ну то есть разумным гуманоидам всех родственных видов. Как эмпатия у Диего, это ты, наверное, знаешь, или как спонтанное чтение мыслей у моего папы... Насчет дяди Макса я не уверена, что там у него приоритетно на восприятие – бабы или покойники. У меня дар смещен в темную сторону еще сильнее, чем у дяди Макса.

– Ты разбираешься в некромантии? – заинтересовался Мафей, не смея верить в такую удачу.

– Нет, это не некромантия. У меня просто и восприятие, и воздействие завязаны на негативные эмоции. Воздействие – на страх, на стыд, на гнев или безысходность, в общем, ничего хорошего я человеку сделать не могу. А восприятие – только на страх.

– То есть ты воспринимаешь не все чувства, как Диего и Орландо, а только страх?

– Не-ет, вот ты опять не понял. Это не эмпатия и не чтение мыслей, это особое такое знание... Я могу посмотреть на человека и узнать, чего он боится. Не сам страх почуять, как эмпаты, а источник и объяснение этого страха. Теперь улавливаешь связь? Если кто-то боится, как бы не узнали о его тайных чувствах, я о них непременно узнаю. Из-за этого самого страха. А если я сама боюсь, как бы кто не узнал о моих – потому что ну дура же дурой тогда буду выглядеть, – тут и срабатывает подсознание. Раз боюсь, значит, узнают. Понял?

– Ага, – заворуженно кивнул Мафей. – И что, сегодня, пока все скандалили, ты потихоньку стояла и слушала, чего мы все боимся?

Саша усмехнулась.

– Когда вы скандалите, вы в этот момент ничего не боитесь, потому что мысли у вас в другую сторону направлены. Только извечные страхи можно разглядеть, но они в целом у всех одинаковы – умереть, потерять близких... есть еще навязчивые страхи, которые никогда не оставляют, их тоже видно. Или слишком реальные, чтобы о них забывать, как, например, у твоего дяди.

– Серьезно?! – Не то чтобы Мафей так уж искренне изумился – почему бы дяде и не иметь какой-нибудь глубоко скрытой фобии, тем более если угроза реальна? – но ему показалось, что чем шире он откроет рот от удивления, тем охотнее юная ведьмочка сообщит что-нибудь еще. – Чего такого может бояться дядя Пафнутий?

– Обернуться и покусать кого-нибудь. Он правда оборотень, или это его глючит так?

Вот тут Мафей действительно на время потерял дар речи от изумления.

– Впервые слышу! Дядя всегда был нормальным человеком и отличался от прочих членов семьи именно здравостью рассудка.

– Тем не менее он все время боялся, как бы не случилось чего-нибудь такого, что могло бы его неожиданно напугать. Потому что от испуга он может обернуться, а его амулет, который контролирует разум в животном обличье, перестал работать. Оборачивается же он, насколько я поняла, в какого-то крупного хищника, опасного для окружающих. Если, конечно, это правда, а не выверты больной психики.

Мафей подумал и признался, что он охотнее поверит в то, что его дядя в самом деле оборотень, чем в то, что он сумасшедший.

– А почему ты не знаешь? – удивилась в свою очередь Саша.

– Наверное, это скрывают специально. Он ведь король. Может, королям не положено... Демоны его знают...

– Имидж портится? – понимающе усмехнулась девушка. – А что, вполне себе объяснение. Дедушка твой тоже, наверное, скрывает?

– Что, и дедушка? – потрясенно переспросил Мафей.

– Ага. У него тоже амулет не работает, и он боится в беспамятстве куда-нибудь улететь или обернуться человеком на не подходящей для этого высоте. Ты и этого не знал? Ну, раз уж я взялась выдавать тебе твои же семейные секреты, кузен твой тоже оборотень.

– Который?

– Тот, который так смешно головой встряхивает, ну точь-в-точь как собака. Его второе обличье ни ему, ни окружающим не опасно, но выглядеть он при этом будет полным идиотом, потому и боится.

– То-то он собак обожает... – Столько непонятного и необъяснимого вдруг обрело логику, столько вопросов получило ответы, что Мафей даже отвлекся от разговора, пытаясь упорядочить все это в голове. Надо же, сколько он всего не знал и даже не догадывался... Интересно, а Шеллар знал? А придворные маги? Нет, мэтр Силантий – вне всяких сомнений, вот, кстати, почему придворные маги в Поморье традиционно принадлежали только к одной школе... А все остальные?

– Мафей! – окликнула Саша, едва пауза в разговоре затянулась достаточно, чтобы понять – один из собеседников о другом забыл.

Задумавшийся принц встрепенулся:

– Да?

– А та девчонка, которая меня звала пройтись... Это и есть жена Диего?

– Ну да, там, по-моему, и без уточнений видно, – удивился Мафей.

– Ну тебе, может, и видно, а я себе его жену представляла... Ну такой, вроде кузин и тетюшек ветви Кирин... а она совершенно обычная, и ножки-палочки точь-в-точь как у меня, а на голове я вообще молчу что.

– Да перестань! – возмутился Мафей. – Она последнее время очень похорошела! Вот как только забеременела, так и грудь выросла, и ножки стали не палочки, и даже волосы легли. Это ты, наверное, тоже уловила ее страхи, вот у тебя и перекосило картинку. Она вечно боится, что у нее то не так, и это не этак, и все видят и чего-нибудь нехорошее о ней думают...

– Да нет, как раз в тот момент она ничего такого не боялась, у нее все страхи были за Диего, за ребенка и еще за какого-то дядьку, который остался где-то в логове врага в большой опасности. Я-то видела именно то, что есть, что видно глазами. А ты – нет. Значит, она носит девочку, и эта девочка ветви Кирин фонит на всех мужчин своей фамильной притягательностью. Но я не красоту ее дивную хотела обсудить, хоть и приятно, что не одна я такая и что даже таким, бывает, везет в любви. Я хотела спросить, ты не в курсе, зачем она хотела меня увести и о чем «почирикать»? Может, есть что-то, чего я знаю, а ей знать не следует? Или хотела про Диего расспросить?

– Да нет, – честно признался Мафей, решив, что уклончивая тактичность в данном случае может обойтись дороже, чем прямой ответ. – Скорей всего, утешить хотела. Она в позапрошлом году тоже несколько лун по Жаку страдала, и, наверное, у нее есть что утешительного по этому поводу сказать.

Саша оторвала взгляд от собственных ботинок, которые сосредоточенно изучала последние несколько минут, и с величайшей заинтересованностью вперилась прямехонько в глаза.

– Что, она ему тоже не понравилась?

– Ну понимаешь... на тот момент он уже встречался с будущей невестой...

– Убиться, какое постоянство! То есть она хотела мне рассказать, как сперва точно так же ревела, а потом пострадала-пострадала, да и нашла Диего?

– Ну, наверное, что-то в этом роде... Я не знаю...

– Что ж, считай, я ей сэкономила кучу времени и сил. Можно уже не рассказывать. – Она опять уставилась на носки ботинок и добавила: – И чего я, в самом деле, как дура... эти девки хоть взрослые, их трахать можно. А я куда со своим малолетним сокровищем, которым только педофилов соблазнять?

– А это у тебя навсегда, или ты еще когда-нибудь вырастешь? – поинтересовался Мафей, решив, что разговор свернул в нужную сторону и сейчас самое время попробовать выяснить.

Саша вздохнула:

– Ты себе примерно представляешь механизм порчи и возможного отката? Или в вашей школе это происходит иначе? Или вообще не практикуется?

Мафей торопливо напряг память.

– Порча и проклятия относятся к некромантии и сейчас запрещены законом. То есть за них бывает не «откат», а уголовная ответственность.

– А если не поймают? – фыркнула девушка. – Или не докажут?

– Не поймать могут в одном случае – если пострадавший не поймет, что с ним, и не обратится к магу за помощью. Если же обратится – любой квалифицированный маг обнаружит и порчу, и след ауры налагавшего, по которому некроманта можно выявить.

– А с пострадавшим тогда что? Такая порча снимается, или все, с концами?

– Зависит от конкретного метода. Есть такие, что снимаются, есть неснимаемые.

– И когда наведенную порчу с человека снимают, на некроманта идет какое-то обратное воздействие?

– В классической школе – нет. Кажется, что-то подобное я слышал о ведовстве, но не уверен, факт это или народное творчество. Значит, вот что ты имеешь в виду под откатом? Обратное воздействие? А оно идет автоматически?

– Тоже от школы зависит, но у меня получился совершенно курьезный случай... Такое может произойти только с малолетней дурочкой, которой Силу боги выдали, а ума еще нет... Подожди, значит, классический некромант может преспокойно разбрасываться проклятиями, и ему ничего за это не будет? Если уголовной ответственности удастся избежать, то никакой другой он и не несет?

Мафей попытался разобраться и быстро понял, что его знаний для этого не хватает. Пришлось честно признаться, что в некромантии он полный дилетант, если не сказать – невежда. Но можно поспрашивать мэтрессу Морриган и мэтра Алехандро, они должны знать. А кроме уголовной ответственности бывает еще личная или семейная месть, тоже штука эффективная. В общем, как только все это безобразие закончится, обязательно навестим знающих коллег и выясним все в точности. А пока, может, Саша ему сама объяснит, что это за откат и как он действует в ее школе?

– Не поймешь ведь... – тоскливо вздохнула девушка.

Мафей вдохновенно заверил ее, что он просто неимоверно понятливый.

В сути вопроса действительно не оказалось ничего сложного, однако всей заявленной понятливости его высочества не хватило, чтобы постичь, что двигало этими девчонками. Нет, мальчишки тоже ссорятся, враждуют и непременно дерутся, кое-что из этого букета он даже испытал на себе, но начать войну из-за туфелек с пряжками, танцующей куклы, конкурса балльных танцев и работы по математике... на такое способны только девчонки.

Школа, где училась Саша, официально предназначалась для одаренных детей, но, как бывает с большинством престижных заведений, в особых случаях недостаточную одаренность детей успешно компенсировали высокое положение или солидное состояние родителей. Назвать Аленку Сомову дурой было бы несправедливо – с занятиями она худо-бедно при помощи трех дополнительных частных учителей справлялась. Но вот в общении была невыносима. Так считала Саша. Позднее выяснилось, что Алена в свою очередь имела полностью противоположное мнение касательно того, кто из них невыносим, но, на взгляд Мафея, Саша все же была права. Хвастливых манерных девиц, избалованных роскошью и вседозволенностью, он тоже не любил. И будь он так же остер на язык, как эта юная ведьмочка, с такой же радостью обламывал бы однокласснице попытки блистать и править бал.

История великой войны двух непримиримых девиц, продолжавшаяся без малого два года, включала в себя множество эпизодов, большую часть которых Саша либо уже не помнила, либо пропустила за незначительностью. Начавшись со взаимного осмеяния туфелек в первый учебный день, продолжившись ежедневными подколками, оторванной головой куклы и выброшенной в окно косметичкой, докатившись до стертой работы по математике на школьном состязании и намазанных клеем туфель на конкурсе танцев, великая война пришла к своему завершению, когда в ходе боевых действий были нарушены одновременно очередность ударов и негласное правило: не втягивать в конфликт учителей и родителей.

В один и тот же день сначала в школу примчалась Аленкина мачеха и закатила директору скандал, затем к директору вызвали Сашу и сделали капитальное внушение, а едва она оттуда вернулась, Аленка нагло и бессовестно проехала по святому – по дружбе с Настей. Нет, доля правды в ее словах была – действительно из неблагополучной семьи, мама сетезависимая, папы все время разные, с братом такая вот беда, – но это же не повод такие мерзкие предположения высказывать. Как будто, если у девочки нет богатого папы, она непременно должна добывать пропитание на панели... Словом, на этот раз дело кончилось дракой, и, как это водится у девчонок, кто раньше успел пожаловаться, тот и оказался пострадавшим. А Саше повторно пришлось краснеть в кабинете директора, выслушивая уже не о товариществе и приличном поведении, а о спецшколе для трудных детей, куда она непременно отправится, если будет продолжать в том же антиобщественном духе.

В тот момент Саша и открыла для себя свой дар. Она вдруг поняла, что директор все врет, чтобы ублажить Аленкину мачеху (та до сих пор не ушла), а на самом деле панически боится Сашиного папу. Причем не имея ни малейшего понятия, чем он реально может быть опасен, просто слышал что-то где-то о шархийской магии, вот и боится. А Аленкина мачеха боится, что муж узнает про ее измены. А классная руководительница – что никогда не выйдет замуж.

Ощув в себе столь долгожданные способности, Саша не удержалась от маленькой мести – кротко посмотрела в глаза директору и предложила вопрос о спецшколе обсудить с папой.

Что происходило в кабинете, когда ее оттуда выставили, она уже не слышала, но наверняка перепуганный директор просветил Аленкину мачеху, кто есть доктор Рельмо и почему с ним не надо ссориться. Потому, наверное, она и сообразила, в чем дело, когда все началось.

А обиженная Саша под влиянием новой открывшейся ей стороны бытия вдруг подумала – а ведь и в самом деле, я же не просто девочка, которую можно безнаказанно унижать, я ведь тоже владею Силой, как и мои сестры. И за сегодняшнюю подлость могу наказать Аленку сама, без всяких жалоб родителям.

И дальше началось самое интересное.

Силу она, может, и ощутила, но что с ней делать, не имела понятия. Из разговоров старших слышала, что есть способ магическим путем восстановить справедливость и наказать обидчика. Но вот как именно... Спрашивать у папы было бы верхом глупости, поэтому Саша сделала глупость еще большую: полезла искать требуемую информацию в мегасети, как привыкла. Впоследствии оказалось, что найденное ею руководство по наказанию обидчиков с настоящей шархийской магией ничего общего не имеет, кроме упоминающихся имен богов, что на самом деле какой-то шарлатан слепил его на скорую руку из разных обрядов разных школ и выложил, чтобы обманывать доверчивых девиц, жаждущих сделаться ведьмами... И будь Саша обычным человеческим ребенком, вреда от ее колдовства вышло бы не больше, чем от исполнения песенки про елочку... Но Сила у девочки была настоящая, и в ее устах слова обрели вес, а пустой ритуал – значение.

И понеслось.

Аленкин папа все-таки застукал мачеху с любовником и выгнал.

На следующий день он попался на взятке.

А Аленка угодила в больницу, потому что у нее вдруг за одну ночь лицо покрылось уродливыми болячками, волосы выпали, зубы почернели и ноги отнялись.

Так бы, наверное, и скончалась вредная одноклассница среди разводящих руками врачей, если бы о случившемся не узнала ее родная мать, которую отец в свое время здорово проборсил при разводе. Первое, что она сделала, – совершенно искренне обвинила во всем мачеху. Дескать, на мужа донесла, падчерицу отравила, все в корыстных целях. Мачеха, заслышав такое, ударила себя под грудь, напомнила, что с арестованного имущества законного супруга никакой корысти поиметь не может, и мигом нашла другого виновника. Вот только пару дней назад ей в школе рассказывали...

Домой к Сашиным родителям семейство Сомовых явилось в полном составе: Аленка в инвалидном кресле, ее папа, отпущенный под подписку о невыезде попрощаться со смертельно больной дочерью, безутешная мама и мачеха, жаждущая доказать свою невиновность, а заодно, чем черт не шутит, может, и любовника на темные чары как-то списать...

Мафей представил себе визит подобной делегации потерпевших к мэтру Истрану и мысленно содрогнулся.

Саша в тот момент тоже ощутила нечто подобное. Отчасти ее потряс плачевный вид соперницы – честно говоря, такого разгромного результата она не ожидала. Но куда более ужасающим был папин страх, который она уловила. Мама еще ничего не поняла, мама была удивлена и опасалась разве что скандала и неприятностей. Папа же понял все, едва взглядевшись в невидимые для людей сплетения Сил вокруг несчастной жертвы. Причем «все» здесь не является преувеличением, так как, сообразив, чьих шкодливых рученок это дело, он сразу же понял и что из этого следует.

Никогда прежде, да и позже, пожалуй, не видела Саша своего сдержанного, рассудительного отца в таком ужасе. И никогда не представляла, в силу своего возраста, что такое страх потерять ребенка, особенно когда он из извечного становится реальным.

Тогда она тоже испугалась. И за папу, и за себя, и собственно того, что натворила. Откуда-то вдруг пришло понимание, что идея в одночасье лишить вредную Аленку всего, чем она до сих пор могла похвалиться, не так уж и удачна. И вспомнилось, что взрослые такие идеи обычно согласовывают с богами. И много чего вспомнилось такого, что в момент сладкой мести отчего-то вылетело из головы. В первую очередь – что местью ведает темная ипостась двуликого Дира-Эйдма, а обращение к темному лику, пусть даже по ошибке, ни к чему хорошему не приводит...

На этом месте Саше пришлось объяснить неподготовленному слушателю некоторые особенности школы Пламени Духа, примерно так же, как объяснял ее отец перепуганному семейству Сомовых.

В шархийской магической школе такого понятия, как порча, нет вообще. И самого предмета, соответственно, нет. Эта цивилизация слишком гуманна, чтобы допускать возможность нанесения вреда другому человеку просто по желанию. Нет, конечно, всякие способы существуют и в этой школе, но делается это только в качестве наказания или для предотвращения злодейства. Сами шархи друг другу злодейств не устраивают и свои внутриобщинные конфликты решают полюбовно, поэтому всякие наказания и предотвращения применяются обычно к людям. Как утверждал доктор Рельмо, если бы Аленка была ни в чем перед Сашей не виновата, ее кустарная порча просто не сработала бы, невзирая на вложенную Силу. А поскольку вина с ее стороны все-таки имелась, ритуал сработал по схеме наказания. То, что оно получилось несоразмерным, – вина уже Сашина, и безнаказанной она не останется. Что до пострадавшей – разумеется, в таком состоянии ребенка никто не оставит, срочно вызовем дядюшку Молари, он специалист. Но одно следует иметь в виду: не стоит ожидать, что после его вмешательства все мгновенно станет как было и даже следа не останется. Удалится только лишнее, несоразмерное. А чтобы полностью избавиться от проблемы, Аленка должна осознать, в чем была неправа, и понять, что она сделала плохого.

А что после этого будет с Сашей – одним богам ведомо.

Боги, судя по всему, учли сопливый возраст, детскую дурь и чистосердечное раскаяние. Когда после очистительных обрядов над жертвой на незадачливую вредительницу пошел откат, та его поначалу просто не почувствовала. Потом вся семья, вздрагивая от каждого телефонного звонка, больше полугода ждала какого-нибудь несчастья. И только спустя год заметили, что деточка отчего-то перестала расти и вообще как-либо меняться. Такой, видимо, у богов взгляд на воспитание: дескать, поступила как малявка бестолковая, так малявкой и живи, пока не поумнеешь.

Аленка вскоре поправилась, только с танцами ей пришлось завязать и личико утратило былую свежесть. Отца ее все-таки посадили – как объяснил доктор Рельмо, взятки-то он брал независимо от всякой магии. Мачеха куда-то испарилась – видимо, на поиски нового мужа. Аленка все это время жила у матери. Школу ей пришлось сменить, как оказалось – к лучшему. В новой школе она увлеклась биологией, стала ходить в научный кружок, даже что-то полезное придумала, собирается поступать в университет, и у нее есть все шансы получить государственную стипендию. Через год выйдет на свободу ее папа-взяточник и, скорее всего, вернется к семье. Словом, относительно неплохо там все складывается.

– А как же ты? – не удержался Мафей. – Неужели это навсегда? Должны же быть и для тебя какие-то варианты... Ну не знаю... испытания там или условия, которые надо выполнить...

– Может быть, – согласилась Саша, опять устремляя взгляд на ботинки. – Только никто мне эти условия не объявляет. Суть в том, чтобы испытать человека жизнью, а не проверить, как он выучил правильные ответы. Я должна жить как живу и поступать как считаю правильным. А кто-то там, – она указала пальцем в потолок, – будет оценивать мои поступки и их мотивы. И, может, если сочтет, что я исправилась... А я, наверное, ничуть не исправилась. То есть о том, как вышло с Аленкой, я сожалею и понимаю, что это было чересчур. Но вот как попадают на моем жизненном пути экземпляры вроде Настиного Брыля, прямо руки чешутся... Нет, я, конечно, ему ничего не сделала, но ведь только потому, что не умею делать как положено, а как попало уже не рискну. А невозможность при желании – совсем не то, что нежелание. Как-то так. А может, никто меня и не испытывает. Знаешь, у нас считается, что, творя зло, человек открывает себя для ответного зла, как бы лишается защиты. И когда я открылась, меня стукнуло, и ничего с этим теперь не поделаешь. Так тоже запросто может быть. А может, все зависит не от моего поведения, а от чего-нибудь другого – например, простила ли меня Аленка, или, может, она до сих пор страдает, и пока не перестанет...

– Но как же?..

– Ты имеешь в виду, как я дальше жить буду, когда разница станет не пять лет, а десять, двадцать и больше? Ну что делать, так и буду. Ну живут же всякие там карлики и лилипуты. Может, меня все же возьмутся учить, да буду колдовать на дому. А нет – попрошусь в винтиловку, а то и в контору, почему бы нет. В средние века в Куйфэне таких, как я, создавали искусственно, их были единицы, и они очень ценились как шпионы. Думаю, для меня найдется куча интересных дел и помимо ловли педофилов на живца.

Похоже, утешения здесь не требовались. Если когда-то давно эта девушка и была склонна к глупостям, то сейчас перед ним сидела рассудительнейшая юная особа из когда-либо виденных. Чтобы в такой ситуации не впасть в депрессию, не озлобиться на весь мир и даже не смириться с безнадежностью, а найти в своем несчастье позитивные и, более того, полезные стороны – надо быть поистине образцом самообладания и рассудительности.

– Что мы все обо мне да обо мне, как будто это зачем-то нужно, кроме как для удовлетворения твоего любопытства. Расскажи лучше о своем мире, это полезнее будет, мне ведь придется здесь какое-то время пожить.

Мафей, застигнутый этой вполне закономерной просьбой врасплох, принялся судорожно вспоминать, как просвещает новых переселенцев Жак и о чем говорил с Ольгой Элмар. С чего же начать – с семьи или с географической карты?

– Давай, ты будешь спрашивать, – выдавил он, так ни до чего умного и не додумавшись. – А то я не могу сообразить, с чего начать.

– Начни с себя, – посоветовала Саша. – А весь мир соберется из кусочков по ходу дела. Вот ты живешь здесь у дяди. А где твои родители?

Мафей отметил про себя, что, похоже, его рассказ тоже будет не особенно радостным, и честно объяснил где. А что оставалось делать, ведь с этой милой родственницей семейки дель Кастельмарра только так и можно – честно, ничего не скрывая. Как иначе общаться с ведьмой, которая непременно почувствует твой страх, что кто-нибудь узнает?.. Боги, это ведь еще хуже, чем вечно все знающий наставник, тот хотя бы мысли не читал и чужие страхи магически не чувствовал. Вот это вы попали, ваше высочество...

– Что это? – совершенно искренне ужаснулся Харган, когда содержимое заветной коробочки было извлечено и с почтением поднесено ему на обрезке листового железа.

Нимшаст, все еще не в силах осознать ужасающий факт, в пятый раз протер костлявую ладонь над неподвижным тельцем и отсутствующим голосом произнес:

– Это он. Ошибка исключена.

– Да я не о том. Во что такое странное он превратился?

– Песчаный вислоухий заяц, – прокомментировал Нимшаст, покосившись на добычу.

– Такой маленький? – удивился Харган, вспоминая шустрых длинноногих грызунов.

– До Падения они как раз такими и были.

Харган оглянулся на дежурного мастера, который с излишним любопытством прислушивался к их разговору, и, приглашающе мотнув головой, направился в лабораторию, бережно неся на вытянутых руках освобожденного из заточения Повелителя. Нимшаст повиновался, впрочем, без особого энтузиазма. Наверное, опять заместительно-реактивно устал, перетрутился, голова у него болит и тяжелый стресс, только говорить об этом он стесняется, не зная, слышит ли Повелитель происходящее вокруг.

Что делать дальше, Харган не имел ни малейшего представления, но надеялся, что, как только сядет и начнет разбираться, все сразу станет ясно.

– Куда мы так несемся? – недовольно простонал за спиной левая рука.

– Назад, в третью, – на бегу отозвался демон.

– Ты можешь не мчаться сломя голову? Я за тобой не успеваю, сейчас задохнусь... И в бок колет...

Харган едва не задохнулся сам, а затем едва не уронил Повелителя, так как руки невольно дернулись огреть симулянта тем, что в них сейчас находилось.

– Какая одышка?! – взвыл он, не в силах это терпеть и не понимая, как с этой жертвой эволюции общался Повелитель. – Ты же не дышишь!

– А как я, по-твоему, говорю? – немедленно парировал Нимшаст.

– На эту антинаучную чушь можешь ловить безграмотных идиотов вроде Клюва, – не поддался Харган. – Но мне-то не надо гребни полировать, я же знаю, что дыхательная и опорно-двигательная системы у тебя автономны, и никакое питание твоим мышцам не требуется, и вообще тебя прекрасно можно ставить на погрузку кирпичей или прополку моркови наравне с зомби, если бы ты не был таким лентяем...

С тем же успехом он мог излагать эти прописные истины некромантии своему отражению в зеркале, группе скелетов или стайке вислоухих зайцев. То, чего Нимшаст не желал видеть в своей картине мира, отскакивало от него, как дротики от танковой брони. Вот и сейчас на чистую правду он демонстративно обиделся и нарочно всю дорогу плелся нога за ногу с таким видом, словно его действительно поставили на прополку морковки, где он подвергся издевательствам и травле со стороны зомби. Наверное, ждал извинений, но Харган проявил поразительную черствость и бестактность.

В лаборатории он все с тем же обиженным видом сел в сторонке, предоставив напарнику самому разбираться в структуре чужого заклęcia. Харган сделал вид, будто ничего не заметил, и принялся за дело.

Окунаться в чужую некромантию оказалось намного легче, чем сливать Силы с Нимшастом или прощупывать чуждый и опасный жезл. Поначалу Харган ощутил даже что-то вроде злорадства. Сейчас он сделает все сам, сам во всем разберется и освободит Повелителя, а этот придурок пусть сидит и обижается дальше.

Однако, поковырявшись с четверть часа, правая рука слегка приуныл и понял, что все гораздо сложнее, чем ему казалось. Ту часть, что касалась некромантии, он понял и вычислил, но хитроумные вражеские маги словно предполагали, кому предстоит их заклęcie ломать: нарочно насовали в него элементов разных школ. И если с Чистым Разумом Харган был знаком хотя бы теоретически и поверхностно, то третья школа – какая-то из природных – не только оставалась для него неизведанной областью, но и вызывала неприятные ощущения при попытке проникнуть глубже.

Радужная мечта совершить подвиг и покрасоваться победой уныло растаяла, уступив место раздражению, а Нимшаст мгновенно из конкурента превратился опять в нерадивого соратника, который сидит и бездельничает, вместо того чтобы помочь.

– А ну-ка попробуй ты, – скомандовал Харган, отстраняясь от опутанного заклęcia зайца.

Левая рука обиженно пожал плечами:

– Зачем? Если у тебя не получилось, чем я могу помочь?

– Ты думаешь, что хуже меня разбираешься в магии?

Нимшаст обратил на учителя полный страдания и укоризны взор.

– Он учил нас обоих, – дрогнувшим голосом произнес он. – Но в тебя вложил больше.

– Больше? – Харган вскочил и по привычке хватил об пол стулом, хотя вполне можно было не сдерживаться и запустить этим стулом в вечно обиженную физиономию лича. – Мне нет тридцати, тебе за двести, и ты все равно считаешь, что я научился большому?!

– Он всегда любил тебя больше, чем меня! – неожиданно взвыл Нимшаст. – Всегда!

– Даже до того, как я появился на свет? – зло огрызнулся Харган.

– Да! Даже до того! Он давно хотел меня заменить! Ты знаешь, что он со мной сделал?

– То, что рано или поздно делает со всеми избранными! – Теперь они стояли и орали оба, и Харган чувствовал нечто вроде удовольствия от сознания, что можно вести себя как

угодно, сказать все, что думает, сделать что заблагорассудится. Не надо больше сдерживаться, соблюдать приличия или переживать о целостности шкуры собеседника – лича хоть об стенку бей, хоть огненным шаром поджарь, ничего ему не сделается... – И о чем мечтают все, кто ему служит! Ты на это хотел пожаловаться?

– Ничего ты не понимаешь! – истерически взвизгнул левая рука. – Я любил его! Я пошел бы за ним куда угодно и сделал бы все для него, лишь бы добиться взаимности! А он... использовал меня как подопытного зверька!

– Ты же сам сказал, что сделал бы для него что угодно, – ядовито прошипел Харган. – Или твоя преданность настолько сильно зависела от взаимности, которой ты так и не дождался?

– Что ты мог умного сказать, ты же никогда не любил! Ни мужчину, ни женщину, ни даже собачку! Ты вообще не знаешь, что это такое!

– Если это похоже на то, что я вчера застал в твоём обшарпанном будуаре, то и знать не хочу!

– Можно подумать, сам никогда такого не делал!

– А что, ты когда-нибудь видел, чтобы я пил ацетон? Ты еще кислоту попробуй, может, растворись к едреным демонам, бездельник!

– Посмотрю я на тебя после перерождения, проповедник полухвостый!

Харган уже собрался достойно ответить в духе «а что отрезали тебе, бесхвостому?» и продолжить в зависимости от полученного ответа, но вдруг почувствовал, как из него острожно, почти незаметно, тянут Силу. Нет, этот извращенец окончательно рехнулся! Он что, надеется таким образом захмелеть? Или в кои-то веки собрался подраться и решил обеспечить себе фору?

Два одинаковых «прыгающих камня» сорвались со сложенных горстью ладоней, два возмущенных крика слились в один:

– Заговариваешь зубы, а сам потихоньку Силу тянешь?!

И оба, как ни странно, попали.

Харгана швырнуло через стол и ударило о стену. Грудь словно сдавило прессом, но боль сейчас волновала демона меньше, чем сброшенный со стола лысый заяц.

– Идиот, – прохрипел он, – ты свалил Повелителя...

Где-то у противоположной стенки стонал и охал Нимшаст – как будто личу мог чем-то повредить несчастный камень третьего уровня!

– Нечего было чужую Силу качать!

– Ну и наглая скотина! – Харган обессиленно закрыл глаза и прислонился к стене. – Сам из меня потянул и еще возмущается!

– Прекратите этот безобразный скандал, – неожиданно произнес третий голос. – Это я позволил себе воспользоваться вашими Силами. И правильно сделал, иначе вы бы друг дружку поубивали.

Харган встрепенулся и открыл глаза. У стола, с которого только что слетел мумифицированный грызун, стоял Повелитель, оправляя на себе халат и глядя на учеников примерно так же, как брат Хольс на неисправимых грешников.

– Учитель! – Вместо радостного восклицания получился сдавленный стон, но все последствия ушиба сейчас были не важны по сравнению с великой радостью. – Вы вернулись!

– Да уж, – раздраженно произнес Повелитель, ничуть этой радости не проявляя. – Не сумей я вернуться сам, вы бы еще долго разбирались, кто из вас лучший маг, кто меня больше любит, кого я больше люблю, кто кому чего должен и кому как следует поступать. Если бы действительно не поубивали друг друга в процессе.

– Да он же бессмертен! – не удержался Харган. – Ему даже не больно, он просто прикидывается!

– О, ты недооцениваешь силу самовнушения. Истерия у мага – страшная штука... Даже если он нежить. Но в одном ты прав... – Наставник перевел взгляд куда-то по другую сторону стола. – Ты настолько проникся ощущением собственной неуязвимости, что забыл обо всем остальном? О том, например, что среди твоих соратников есть живые и боевым заклинанием их можно нечаянно убить или покалечить? Хорошо, что Харган намного сильнее и крепче обычных людей, а если бы ты Кайдена приложил? Я не приветствую досрочных Перерождений, да еще по такому глупому поводу! Кстати, почему я не вижу здесь Кайдена?

Харган немного отдышался и осторожно попробовал встать. Вроде получилось.

– Я решил, что Кайден здесь не нужен, – пояснил он, хотя говорить было все еще трудно. – У него другая специализация и даже другая природа Силы. К тому же у него и так дел полно; когда вы исчезли, он взял на себя руководство и постоянно поддерживал иллюзию вашего присутствия. Он и сейчас этим занят.

– Вот как? – Повелитель немного успокоился и, как показалось Харгану, удивился. – Впервые слышу, чтобы ты хорошо отзывался о Кайдене и даже защищал его передо мной.

– Он оказался лучше, чем я о нем думал, – честно признался демон. – Наверное, Шеллар прав – мне надо учиться разбираться в людях. Я все время ошибаюсь.

– Главную лабораторию отремонтировали? – перебил его Повелитель.

– Кажется, да. Вчера там что-то красили...

– Найдите Кайдена, и чтобы через десять минут были там. Будем разбираться, кто где в чем наошибался.

Харган вспомнил, о чем ему предстоит доложить, и отсутствующий кончик хвоста вдруг болезненно заныл.

Глава 5

– По-моему, пчелы что-то подозревают!

– Что именно?

– Не знаю я. Но только, по-моему, они ведут себя подозрительно!

А. Милн

Кантор не сразу узнал турнирную арену в Даэн-Риссе – он видел это место всего несколько раз и к тому же целым, чистым и нарядным. Сейчас же оно больше напоминало развороченный двор Кастель Агвилас, по которому в панике носились незнакомые люди. Причем часть их была одета в мундиры ортанского департамента Безопасности и Порядка, а часть – в каппийский зеленовато-охристый камуфляж.

Шеллара Кантор легко заметил еще издали – единственную черную фигуру, неподвижно стоящую среди хаотического движения, на голову возвышаясь над прочими. Опять его величеству какой-то кошмар видится, опять придется его как-то отсюда выдергивать...

На оклик король обернулся медленно, словно неохотно или с опаской. Увидев, кто его зовет, на мгновение оторопел, как будто ожившего покойника увидел, затем быстро сморгнул и шагнул навстречу.

– Это сон. И, должен заметить, подобные бредовые сюжеты мне порядком надоели, – произнес он вместо приветствия. – Пойдем отсюда.

Кантор заметил, что его величество очень уж торопится перехватить его на полдороге, и не удержался – присмотрелся к тому, что он хотел скрыть. Там находилась королевская ложа, вернее, то, что осталось от нее после взрыва, а вокруг валялись изуродованные тела и их части, тем же взрывом разбросанные.

– Декорации шестилетней давности, – прокомментировал Шеллар, не дожидаясь вопросов или, не доведете боги, выражений сочувствия. При этом он даже не замедлил шаг, чтобы не дать собеседнику задержаться и разглядеть детали. – Я сам попал туда только через несколько дней, когда все уже было убрано, но ограниченностью воображения никогда не страдал и смог восстановить исходную картину. Все остальное – дичайшая смесь прошлого, настоящего и моих тайных страхов.

– То есть там были не только ваши покойные родственники, но и ныне живущие? – Кантор сам не знал, зачем ему понадобилось это уточнять. Наверное, инстинктивно почуял, что либо папа, либо дядюшка об этом спросят.

– Проще спросить, кого там не было, – невесело ухмыльнулся король. – Ты, кстати, тоже был. И, что удивительнее всего, в эту компанию близких и дорогих мне людей странным образом затесался наместник Харган. Забавно, не правда ли?

Кантор вспомнил Ольгины рассказы и плюнул в сердцах:

– Да что вы все в нем нашли?! Урод уродом, и это я, между прочим, не о рогах его говорю.

– Будь он действительно таким, каким ты его считаешь, ты больше никогда не увидел бы Ольгу живой.

– Это не его заслуга, а ваша. А от него в данном случае требовалась только неустойчивость к манипуляциям, ах, какое достоинство!

– Ничего ты не смыслишь в манипуляциях, товарищ Кантор, – насмешливо бросил Шеллар с высоты своего роста. – Дело не в том, насколько сильно человек поддается манипуляциям, а в том, за какие ниточки при этом дергать. Как лично дергающий заверяю: ниточки эти вполне позитивны. Если только мне удастся вдолбить этому дитяти природы, что не на все в этой жизни можно класть, а что-то стоит уважать и ценить, из него получится нечто... не особенно добродетельное, но вполне приспособленное к жизни в обществе.

– Да зачем оно вам? Проще же убить.

– О, я заметил, это твой любимый метод решать проблемы. Однако мы увлеклись беседой на абстрактные темы, а между тем есть дела более насущные. Во-первых, ко мне пришла Азиль. Пришла сама, прямо во дворец, и высказала желание повидать меня, господина с крыльями, которого, заметь, ни разу не видела, и лично Повелителя.

– Зачем? – Кантор даже приостановился, но король не последовал его примеру, и пришлось догонять.

– Я тоже не смог понять. Единственная приемлемая версия – она что-то знает. Не от Элвиса и не от других людей, а из того магического источника, который дает ей уверенность в том, «как надо и как правильно». И во-вторых, найди сейчас Элмара и скажи, чтобы срочно просыпался, хватал коня и вещи и убирался прочь из города. Сегодня на него уже получили донос и установили слежку в надежде выйти на городское подполье, через пару дней арестуют. Заодно расспроси, где он был и кого видел, возможно, мне удастся вычислить, кто на него донес. О своих планах спасти Азиль пусть забудет, спасать надо было до того, как она явилась во дворец. Теперь он ее не достанет. Пусть оставит это мне, я что-нибудь придумаю. С Ольгой же получилось. Растолкуй ему доступно, что мне крайне сложно будет спасти еще и его, особенно учитывая, что живой Элмар очень тут всем мешает.

– Да, – послушно кивнул Кантор. И добавил, мысленно укрыв себя в три этажа за абсолютно свинскую забывчивость: – Спасибо.

– Не за что. – Они добрались до противоположной трибуны, относительно целой, и его величество наконец остановился, высматривая место, чтобы присесть. – Это была услуга скорее Ольге, чем тебе. У вас там как? Все в порядке?

– Пока да. – Это была почти правда, так как внезапное прибытие кузины значимым событием не являлось и без информации об этом безобразии некоторые господа вполне могли обойтись. – Что-то новенькое для нас есть? Ваши соратнички не решили напасть?

– Пока ничего. Я опасаюсь, что они вообще не сочтут нужным ставить меня в известность, поэтому будьте начеку постоянно, особенно в часы перед рассветом. Как много времени займет подкоп?

– Несколько дней. Точнее никто сказать не может.

– Возможно, мне удастся оттянуть момент операции... Например, уговорить дожидаться Харгана... или что-нибудь уточнить, выяснить, подготовить... Я подумаю. Но вы все равно будьте ко всему готовы, хорошо?

– Я передам, – кивнул Кантор. – Что-то еще, или можно отправляться к Элмару?

– Пожалуй, все... разве только... не говори мэтру Максимилиано, что мне снилось. Если спросит, соври что-нибудь невинное. Я заметил, он отчего-то ужасно нервничает из-за моих снов.

Кантор еще раз оглянулся на жертвы и разрушения и вслух предположил:

– А у него точно нет оснований... э-э-э... нервничать?

– С равной вероятностью возможно и то и другое. Но даже если они и есть, ни переживания мэтра Максимилиано, ни осознание мною их обоснованности не могут ничего изменить. Именно сейчас обстоятельства требуют моего присутствия в центре событий независимо от того, чем это может для меня закончиться.

– А вам не кажется, что папа больше переживает, как бы это не закончилось печально для всего дела, а не для вас одного? – Не хотелось напоминать самоуверенному теоретику о некоторых обстоятельствах, наверняка для него болезненных, но, похоже, его величество собрался наступить на те же грабли во второй раз. – Если вас действительно разоблачат, то не просто возьмут и сразу убьют. Сначала обязательно кое о чем спросят. И они уже из собственного опыта знают, как вас спросить... эффективно.

Король помрачнел, но все же поражения не признал.

– По-твоему, я из этого опыта ничего не вынес?

– И какая вам с того польза? Если не считать то, что вы уяснили для себя пределы своих возможностей?

– Ты действительно не догадываешься, как можно воспользоваться полученным знанием в комплексе с заработанной репутацией?

– Просветите недогадливого? – Кантор прекрасно понимал, что его язвительный тон можно воспринять и как оскорбление (что было совсем неправда), и как защитную реакцию (что было очень даже правда), но ничего не смог с собой поделать.

Похоже, король все же обиделся, так как просвещать отказался под странным предлогом, что Кантору это все равно не пригодится. После чего весьма сухо и прохладно сообщил, что у него на этом все, а Кантора ждут еще несколько важных визитов, посему не смеет задерживать.

Развеивать заблуждения его величества было бесполезно – он даже не потрудился привести аргументы, которые можно было бы опровергнуть. Объяснять, что он не то хотел сказать, и извиняться за свой тон Кантор не пожелал. Но когда он уходил, на душе было донельзя паршиво.

Отчего-то навязчиво лезли в голову воспоминания о прошлой весне, когда он считал короля погибшим и искренне сожалел о каждом недобром слове в его адрес. И одолевала нехорошая уверенность, что о сказанном сегодня тоже придется пожалеть.

«Глубокоуважаемый брат Чань.

Я пишу Вам, так как именно Вас считаю единственным достаточно умным, умелым и беспристрастным человеком, способным профессионально разобраться в сложившейся ситуации, не отвлекаясь на личные привязанности и не поддаваясь влиянию стереотипов, но руководствуясь одной лишь логикой.

Вы, несомненно, знаете, что сейчас я нахожусь в розыске по обвинению в убийстве, и можете отнестись к моим словам с закономерным недоверием, но все же прочтите это письмо до конца.

Приписываемого мне преступления я не совершал. Обвинили меня лишь на основании того, что все остальные участники ужина были исключены из списка подозреваемых ввиду отсутствия мотивов. Я охотно соглашусь, что у наместника таких мотивов быть не могло, так как в мастере он крайне нуждался. Что до советника, то единственным аргументом в его пользу оставался факт, что он прошел третью ступень, которой не прошел я. И я не ошибусь, если предположу, что автором версии о моей виновности является сам брат Шеллар. Ибо, по моему мнению, это было ему не просто выгодно, а необходимо.

Вы можете мне не верить и подозревать какую-либо нечестную игру с моей стороны, но уверяю Вас: я не убивал мастера Ступеней и совершенно точно это знаю. Поэтому, с моей точки зрения, логический вывод напрашивается один: Шеллар успешно всех обманул, и на самом деле никакого влияния посвящение на него не оказало. Или же мэтр Максимилиано ухитрился вернуть его в прежнее состояние в первые же дни после посвящения – по некоторым сведениям, в число его умений входят различные манипуляции с субреальностями измененного сознания. Как бы то ни было, в настоящее время в самом верховном руководстве ордена орудует вражеский шпион, и Вы наверняка уже ощутили на себе результаты его вредительской деятельности. При этом все вы безоговорочно ему доверяете, а господин наместник еще и слушает каждый его совет с раскрытым ртом.

Я не надеюсь, что Вы, уважаемый коллега, поверите мне на слово, поэтому не стану изводить бумагу на заверения и клятвы. Единственное, о чем я Вас прошу, – проверьте мои слова. Примите предположение об измене брата Шеллара как рабочую версию и в обычном порядке проверьте ее. Проверьте сами, лично, ни с кем не делаясь подозрениями, в особенности с господином наместником, – как мне кажется, он настолько попал под влияние Шеллара, что их отношения давно вышли за рамки официальных. Наместник просто не поверит Вам, пока не увидит неопровержимых доказательств. А Вы их непременно найдете – в противном случае я потерял Тень и мне пора на покой, апельсины выращивать.

Я не стремлюсь вернуть себе прежнюю должность, тем более что посвящение так и не прошел, но мне дорого наше общее дело и мое доброе имя, поэтому я позволил себе обратиться к Вам с этим письмом. Искренне надеюсь, что оно принесет какую-то пользу.

*С почтением,
Ваш покорный слуга,
мастер Астуриас».*

Брат Чань отложил письмо и в задумчивости уставился на диковинную лампу, которыми теперь освещался департамент. Свет едва заметно мигал – видимо, не хватало мощности генератора или же барахлила наспех протянутая проводка.

Все было просто, предельно просто, всего две версии без каких-либо побочных вариантов: либо один врет, либо другой. И самое главное – проверяются они одинаково. Нужно только сесть, вспомнить и проанализировать все поступки и высказывания брата Шеллара. Примерить к ним бредовую на первый взгляд версию одноглазого мистральица. Скорей всего тот действительно врет и не просто хочет вернуться, а затеял какую-то многоходовую игру, но даже самую мизерную вероятность надо все же проверить. А вдруг?

Брат Чань положил перед собой два чистых листа и вывел на одном аккуратный иероглиф «правда», а на втором – столь же аккуратный иероглиф «ложь». После чего принялся вдумчиво и неторопливо покрывать мелкими, почти нечитаемыми иероглифами оба листа попеременно.

Глава департамента отлично знал ортанский язык и умел писать рунами куда грамотнее, чем престарелый брат Чи, но сегодняшние размышления... Чем меньше народу сможет их прочесть, тем лучше. В такой ситуации очень легко ошибиться, поэтому действовать следует так, чтобы в случае ошибки ее никто не успел заметить.

Наместник вернулся внезапно, как возвращаются из похода рогатые мужья. Вечером восьмого дня Сиреновой луны Шеллар, сидя в его (бывшем своем) кабинете, на мгновение склонился над очередным творением брата Гельби, чтобы внести поправку, а когда поднял голову – у стола уже стоял Харган, странно возбужденный, нервный и недовольный.

Шеллар быстро окинул его взглядом, безошибочно выхватив из общего встопорщенного облика шефа все значимые мелочи, и изобразил самую нейтральную и скромную улыбку, на какую был способен. Несмотря на успешное завершение своей миссии, парень явно раздражен и чем-то недоволен, следовательно, неуместные выражения счастья могут разозлить его еще больше. Но вместе с тем не выразить вообще никакой радости по поводу успеха – тоже не лучший вариант.

– Вижу, вас можно поздравить. – Теплоту в голосе изображать не пришлось, Шеллар действительно рад был видеть этого оболтуса, хотя тот своими подвигами изрядно усложнил работу господам магистрам. – С Повелителем все в порядке?

– С ним – да, – проворчал Харган и, рывком подтянув к себе ближайший стул, уселся на него верхом. – А как ты догадался?

– Ваш хвост, – честно пояснил Шеллар, взглядом указывая на источник своей осведомленности. – Он до сих пор кровоточит, из-за чего на штанах образовалось небольшое пятно. Кажется, он стал короче. Следовательно, вам довелось докладывать Повелителю о происходящем, ибо никто иной не посмел бы судить ваши поступки и наказывать подобным образом. Смею предположить, что расстроены вы именно этим?

Наместник раздраженно дернул носом и с видимой неохотой выдавил:

– Частично.

– Если вы не хотите об этом говорить, я не стану больше проявлять подобную бестактность. Единственное, что осмелюсь все же спросить, – как ваше самочувствие? Вы в состоянии рассказать мне подробнее о спасении Повелителя или предпочтете сейчас отдохнуть и к делам приступить завтра? Может быть, пригласить целителя?

Харган сверкнул глазами и красочно послал всех целителей по веками проверенному маршруту, отправив вслед за ними и брата Шеллара с его заботой. Как и ожидалось.

– Что ж, раз в медицинской помощи вы не нуждаетесь и чувствуете себя нормально, я с нетерпением жду вашего рассказа о спасении Повелителя.

– Да что рассказывать... – вздохнул демон. – Ты же никого там не знаешь, половину не поймешь...

– Полагаю, мне рано или поздно все же следует хотя бы поверхностно и заочно познакомиться с нашими соратниками в соседнем мире, – не отступил Шеллар. – Но если для вас даже краткий рассказ о них представляет сложность или если Повелитель запретил вам распространяться, скажите хотя бы в двух словах, что с ним произошло и каково положение дел на данный момент. Что поведал Повелитель? Какие инструкции дал? Что еще кроме инструкций вам удалось получить? Будут ли у нас новые излучатели?

– И все это в двух словах? – обреченно произнес наместник.

– То есть ваша необщительность объясняется не усталостью или самочувствием, а просто нежеланием кого-либо видеть и о чем-либо беседовать? Простите, я не имел намерения обидеть вас. Если все так плохо, идите отдыхайте. Поговорим, когда у вас появится такое желание. Есть что-нибудь, что мне следует знать срочно?

Бедняга помолчал немного, пока нежелание жаловаться на Повелителя боролось с нежеланием выглядеть депрессивным нытиком.

– Послушай, – сказал он наконец, – что ты прицепился? Я нормально себя чувствую и в состоянии работать, но ты же видишь, что я раздражен и сердит, потому и не хочу заводить разговор о делах, боюсь выйти из себя и опять вынести тобой дверь. Неужели ты сам этого не понимаешь? Или любопытство все равно сильнее? Потерпи до завтра.

Советник почтительно наклонил голову:

– Как скажете. Совещание на завтра собирать, или вы будете обсуждать все вопросы приватно, с каждым по отдельности?

– Еще чего – с каждым! Разве что с тобой, и то после совещания. Собирай.

– На который час?

– Ну и зануда... На десять.

– Будет исполнено. Спокойной ночи, господин наместник.

– Угу, – мрачно проворчал Харган и, одним движением спрыгнув со стула, вышел вон.

Шеллар отметил про себя, что кому-то сегодня все же не поздоровится – по пути от кабинета до спальни наместнику обязательно кто-нибудь попадется, а он сейчас готов сорваться на первого попавшегося, – прислушался к звукам из коридора и вновь склонился над бумагами.

Харган действительно пребывал в расстроенных чувствах, но, объясняя это советнику, все же немного покривил душой. Не настолько он был зол, чтобы на людей кидаться, да и в целом назвать злостью владеющее им чувство было бы неправильно. В душе наместника

кипели обида и яростный протест против несправедливости. Впервые в жизни он не мог безропотно принять наказание от учителя и признать его правоту.

Возможно, в отношении лично Харгана Повелитель не слишком погрешил против справедливости. Мастера Ступеней не уберег – раз. Излучатель потерял – два. За пленниками не присмотрел как положено – три. Козни вражеских магов прозевал – четыре. Брата Джарефа вовремя не приструнил – пять. Дракона из-под носа увели – шесть. За Блаем недоглядел – семь. Истинная вера распространяется плохо и медленно – восемь. Артефактов собрано только шесть из десяти – девять. Итого девять раз – хрясь! хрясь! хрясь! И девять колечек хвоста, действительно напоминающих нарезанную колбасу. Больно, обидно, и хвост укоротился настолько, что даже Шеллар заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.